

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Дальневосточного отделения Российской академии наук**

На правах рукописи

ДЁМИНА ЯНА ВАЛЕРЬЕВНА

**ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
В СТРАНАХ АСЕАН**

Специальность 08.00.14 – «Мировая экономика»

Диссертация на соискание степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук
Горюнов А.П.

Хабаровск – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ	9
1.1. Торговая интеграция как предпосылка возникновения валютной интеграции	9
1.2. Валютное сотрудничество и валютная интеграция	23
1.3. Теория и практика функционирования валютных зон	32
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СТРАНАХ АСЕАН	42
2.1. Институциональная оболочка торговой и валютной интеграции	42
2.2. Торговая интеграция	56
2.3. Политика валютных курсов и возможности ее координации	69
ГЛАВА 3. ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	84
3.1. Торговые эффекты интеграции в АСЕАН и ЕС	84
3.2. Внешнеторговые эффекты координации валютной политики в странах АСЕАН	94
3.3. Перспективы создания валютной зоны в АСЕАН	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	114
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	119
ПРИЛОЖЕНИЯ	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Процессы международной экономической интеграции активизировались на рубеже XX и XXI веков. В настоящее время интеграционные объединения созданы и функционируют практически во всех частях света. Однако степень взаимозависимости стран-участниц и цели их дальнейшего сотрудничества существенно различаются по интеграционным группировкам. Наиболее рельефно процессы международной экономической интеграции проявляются в Европе и в Юго-Восточной Азии, где давно действуют такие объединения, как Европейский союз (ЕС) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). АСЕАН имеет почти такую же долгую историю, как ЕС, с которым в экономической литературе обычно сравниваются все объединения, однако, пока не характеризуется такой же глубиной развития форм интеграционного сотрудничества.

В 2007 году лидеры стран-участниц на Двенадцатом саммите АСЕАН (Себу, Филиппины) объявили о планах создания Сообщества АСЕАН к 1 января 2016 года. Согласно упомянутому соглашению особое внимание должно уделяться расширению торговых отношений между государствами, созданию условий для беспрепятственного перемещения капитала и рабочей силы, сближению макроэкономической и валютно-финансовой политики.

В связи с этим в экономической литературе все более активно ведется полемика относительно условий, при которых интеграционные процессы окажутся взаимовыгодными для всех участвующих стран. Для решения данной проблемы необходимо четко осознавать все выгоды и издержки, с которыми сопряжены процессы экономической интеграции. Одна часть исследователей считает, что копирование опыта Европейского союза возможно в рамках остальных интеграционных группировок, другая – что это не принесет положительные плоды, поскольку экономические и политические условия в других регионах существенным образом отличаются от тех, в которых находились страны Европы с

самого начала интеграционных процессов. Тем не менее, исследование опыта ЕС (как положительного, так и отрицательного) является полезным при оценке перспектив и последствий эволюции интеграционных процессов в странах Юго-Восточной Азии.

Хотя экономический и политический «вес» Ассоциации в мире значительно уступает мощи Евросоюза (совокупный ВВП участниц АСЕАН составляет всего 3,2% от мирового, в то время как на страны ЕС приходится 23,3%), по величине площади и численности населения страны АСЕАН превосходят показатели Европейского союза. Кроме того, роль Ассоциации в азиатском регионе становится все более ощутимой. В этом контексте представляется весьма актуальным исследование форм торговой и валютной интеграции в рамках АСЕАН.

Степень разработанности темы. Несмотря на наличие множества трудов зарубежных и отечественных ученых-экономистов, раскрывающих теоретические и прикладные аспекты интеграционных процессов, теме оценки эффектов торговой и валютной интеграции в странах Юго-Восточной Азии посвящено не так много исследований.

Предпосылки возникновения и эволюция международной экономической интеграции в различных регионах мира представлены в работах Б. Балассы, Я. Тинбергена, Я. Винера, Г. Кремера, С. Рольфа, В. Рёпке, М. Аллэ, Г. Мюрдаля, С. Хоффмана, Э. Моравчика, Э. Хааса, К. Дойча, Дж. Питерсона, Б. Эйхенгрин, Т. Баюми, Ч. Выплоца, П. де Гроу, Дж. Стиглица, Р. Кальви, М.М. Максимовой, А.В. Кузнецова, С.П. Глинкиной, Ю.В. Шишкова, О.В. Буториной, А.Н. Спартака, А.В. Андреева, А.О. Хомутова, Х.Х. Валиуллина, И.П. Гуровой, А.М. Либмана, Д.И. Ушкаловой, М.Ю. Головнина, В.А. Савина, И.В. Стрелкова и др.

Современное состояние и перспективы развития региональных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в частности, в Восточной Азии, отражены в трудах М. Каваи, Дж. Уильямсона, У. Торбека, В. Понтинеса, К. Кавасаки, Ли-Джон Ва, Син-Ён Пака, П.А. Минакира, В.В. Михеева, Л.А. Аносовой, И.Ю. Ткаченко,

О.М. Рензина, Д.В. Сулова, С.В. Севастьянова, А.А. Абалкиной, М.Г. Осиповой, М.А. Потапова, И.С. Целищева, Г.М. Костюниной, И.А. Щукина и др.

Экономическому развитию стран АСЕАН, в том числе, эволюции интеграционных процессов в рамках данного блока, посвящены исследования Х. Хилла, Дж. Менона, М. Пламмера, У. Вольца, М.Г. Носова, Е.Я. Араповой, Е.А. Канаева, Т.Д. Хузиятова, А.А. Байкова, В.В. Бойцова, В.В. Кузнецовой, Е.В. Колдуновой, А.А. Симония, А.Ю. Киселевой, И.П. Шопиной и др.

Важнейшие результаты теоретического обоснования оптимальных валютных зон и связанных с ними исследований в области валютной политики были получены в работах Р. Манделла, П. Кинена, Р. Маккиннона, М. Фридмана, Дж. Флеминга, Дж. Тавласа, И. Ишияма, М. Кордена, Дж. Инграма, А. Алесины, Б. Эйхенгрин, М. Деверё, Т. Баюми, Ф. Монгелли, Э. Роуза, Дж. Франкеля Э. Огава, С.М. Дробышевского, Д.И. Полевого, А.Ю. Кнобеля и т.д.

Вместе с тем, в указанных работах слабо отражены предпосылки, перспективы и практический опыт валютного сотрудничества в странах АСЕАН, а также отсутствуют количественные оценки эффектов торговой интеграции и скоординированной валютной политики в регионе, что и предопределило цель и задачи настоящего исследования.

Цель исследования заключается в оценке экономических эффектов торговой и валютной интеграции в странах АСЕАН.

Исходя из цели исследования, были поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать существующие типы и формы торговой и валютной интеграции;
- проанализировать предпосылки и последствия торговой и валютной интеграции в странах АСЕАН и получить количественные оценки их эффектов;
- провести сравнительный анализ торговых эффектов в АСЕАН и ЕС;
- определить состав потенциальной валютной зоны в АСЕАН.

Объектом диссертационного исследования являются процессы сотрудничества в торговой и валютной сферах стран АСЕАН.

Предмет исследования составляют экономические эффекты торговой и валютной интеграции в странах АСЕАН.

Методологической основой исследования являются классические общенаучные методы (анализа и синтеза, абстракции, обобщения, сравнительного анализа), традиционные методы экономической науки (в том числе эконометрический и экономико-статистический анализы). В работе использованы методологические подходы теорий международной экономической интеграции, пространственной экономики, международной торговли и оптимальных валютных зон. Для объяснения взаимосвязей между динамикой валютного курса и состоянием национального платежного баланса применена концепция Манделла–Флеминга.

Информационную базу исследования составляют труды российских и зарубежных ученых, публикации Исследовательского института экономики, торговли и промышленности (RIETI), Национального бюро экономических исследований (NBER), Института мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО РАН), Института экономических исследований ДВО РАН (ИЭИ ДВО РАН), Всероссийской академии внешней торговли, Кембриджского университета, Европейского центрального банка, материалы региональных и международных профессиональных статистических служб, а также международных аналитических центров. Используются региональные и международные базы данных: UNCTAD Statistics Database, UN COMTRADE Database, World Economic Outlook, World Development Indicators, Ассоциации стран Юго-Восточной Азии, Азиатского банка развития, Европейского союза, Международного валютного фонда, Всемирного банка, Банка международных расчетов, Программы развития ООН.

Наиболее существенные результаты, полученные лично автором:

1. На основе сценарного анализа получены количественные оценки реакций внешней торговли стран АСЕАН на изменение курсов национальных валют. Выявлено, что максимальный внешнеторговый эффект оказывает такая форма скоординированной валютной политики как фиксация обменных курсов к общей корзине, состоящей из 13 восточноазиатских валют.

2. Модифицирован подход к определению возможного состава стран-участниц оптимальной валютной зоны на основе критериев макроэкономической конвергенции. Определена группа стран-участниц потенциальной валютной зоны в АСЕАН и показано, что для наименее развитых стран АСЕАН, учитывая опыт ЕС, вступление в валютную зону целесообразно отложить до достижения ими необходимого уровня макроэкономической конвергенции с остальными членами объединения.

Научная новизна полученных результатов заключается в следующем:

- определена оптимальная форма скоординированной валютной политики в странах АСЕАН по критерию максимизации внешнеторговых эффектов;
- решена проблема чувствительности результатов анализа к выбору страны-якоря при оценке возможного состава стран-участниц валютной зоны в АСЕАН на основе критериев макроэкономической конвергенции.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Представленные результаты, в частности, модификация подхода к определению возможного состава стран-участниц валютной зоны на основе критериев макроэкономической конвергенции и частичное опровержение гипотезы об их эндогенности, расширяют представления об особенностях международной экономической интеграции в странах со слабыми политическими и экономическими институтами, а также позволяют получать более точные и эффективные оценки перспектив и

последствий развития валютной интеграции в рамках различных интеграционных объединений. Полученные автором количественные оценки торговых и валютных эффектов представляют интерес для специалистов в области международной экономической и политической интеграции, а также при разработке экономического инструментария валютной интеграции в странах АСЕАН и оценке последствий ее реализации.

Результаты исследования могут использоваться при подготовке и повышении квалификации специалистов высшего профессионального образования.

Апробация работы. Основные результаты исследования были представлены на международных и всероссийских конференциях, семинарах и конкурсах, проводимых в России и за рубежом, в том числе: на Втором российском экономическом конгрессе (г. Суздаль, 2013 г.); XV, XVI и XVII краевых конкурсах-конференциях молодых ученых и аспирантов (г. Хабаровск, 2013–2015 гг.); VIII и X Осенней конференциях молодых ученых в новосибирском Академгородке (г. Новосибирск, 2012 г., 2014 г.) и на Седьмой ежегодной программе «Молодые лидеры», проводимой в рамках Экономического форума стран Северо-Восточной Азии (г. Ченгмай, провинция Хайнань, Китай, 2012 г.).

Публикации по теме исследования. Основные научные результаты диссертационного исследования опубликованы в 9 работах, в том числе 3 статьи – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 3,36 п.л. Все работы выполнены автором лично.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения. Работа изложена на 116 стр. основного текста, включает 24 таблицы, 15 рисунков, два приложения. Список использованной литературы состоит из 341 источника, в том числе 216 на иностранном языке.

ГЛАВА 1. ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

1.1. Торговая интеграция как предпосылка возникновения валютной интеграции

Межгосударственные торговые и валютные блоки появились еще в древнее время (до н.э.), однако, тогда объединения стран редко формировались на добровольной основе. В XX в. наблюдался стремительный рост мировых товарных и инвестиционных потоков, что повлияло и на международные процессы интеграции, в том числе в научной литературе появился сам термин «международная экономическая интеграция».

Данное понятие не имеет единого, общепризнанного всеми исследователями определения. Одна часть ученых понимает под международной экономической интеграцией «процесс преобразования экономических структур, создания новых экономических комплексов, рожденных из взаимопроникновения или интеграции малых единиц»¹. Другие исследователи считают, что международная экономическая интеграция представляет собой «дискриминационное (по отношению к третьим странам) снятие всех торговых ограничений между государствами-участниками и установление определенных элементов координации между ними»².

В отечественной литературе интеграция трактуется как «единый целостный процесс сближения, объединения национальных хозяйств в региональные хозяйственные комплексы, причем процесс регулируемый, управляемый на национальном и региональном уровнях»³. При этом «грань, отделяющая интеграцию от более низких стадий интернационализации хозяйственной жизни, а интеграционный комплекс –

¹ Marchal A. L' integration territoriale. Paris, 1965. P. 18. Цитируется по: Максимова М.М. К вопросу об отечественной теории интеграции // МЭМО. 2007. № 6. С. 104–113.

² The European Union: Economics and Policies / ed. by A.M. El-Agraa. Cambridge University Press (Cambridge and New York), 2011, 9th ed. 632 p.

³ Максимова М.М. К вопросу об отечественной теории интеграции // МЭМО. 2007. № 6. С. 104–113.

от остальной совокупности мирохозяйственных связей, проходит там, где производственно-техническая, экономическая и политико-правовая взаимозависимость национальных хозяйств переходит во взаимопроникновение и переплетение национальных процессов воспроизводства»¹.

Авторы обычно не смешивают понятие «интеграция» с терминами «кооперация» или «сотрудничество»: «Экономическая интеграция, или объединение экономических систем, возникновение общей системы с неким новым качеством, не является тем же самым, что и экономическая кооперация (сотрудничество) различных экономических систем и (или) экономических агентов»².

Классическое толкование интеграции дал Б. Баласса: «Рассматриваемая как процесс она означает меры, призванные устранить дискриминацию между хозяйственными единицами, относящимися к разным государствам... Рассматриваемая в качестве состояния она может быть представлена как отсутствие различных форм дискриминации между национальными хозяйствами»³.

Б. Баласса также предложил классификацию стадий экономической интеграции, которая в современной научной среде считается канонической и представляет собой последовательный переход от низшего к высшему⁴:

- зона свободной торговли (ЗСТ);
- таможенный союз;
- общий рынок;
- экономический союз;
- стадия «тотальной экономической интеграции» (в современной интерпретации – политический союз).

¹ Шишков Ю.В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // МЭМО. 2006. № 4. С. 54–63.

² Экономическая интеграция: пространственный аспект / Общ. ред. П.А. Минакира. Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.

³ Цитируется по: Ушкалова Д.И., Головин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.

⁴ Balassa B. The theory of Economic Integration. Homewood, Ill.: R.D. Irwin, 1961. 324 p.

Некоторые исследователи¹ дополняют указанную классификацию «нулевым» этапом – зоной преференциальной торговли, однако, автор данной работы придерживается классической схемы из пяти стадий.

На первых двух стадиях международной экономической интеграции усилия участников блока концентрируются на свободном перемещении товаров и услуг между ними. Так, зона свободной торговли предполагает, что в границах группы взаимозаинтересованных стран внешняя торговля осуществляется без каких бы то ни было количественных ограничений и тарифных барьеров, т.е. товары и услуги, произведенные на территории стран-участниц ЗСТ, перемещаются между ними свободно. При этом в вопросах торговли со странами, не входящими в данную зону, национальный суверенитет сохраняется, а условия и порядок функционирования ЗСТ координируются межгосударственным органом (обычно секретариатом), учрежденным в одном из государств-членов. Примерами зон свободной торговли могут служить Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) и Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА).

Следующей стадией является таможенный союз. Истоки его формирования можно найти в начале и середине XIX в. в Западной Европе. Так, существовало Французско-Монакское соглашение 1865 г. и соглашение о Таможенном союзе 1867 г. В XX в. появились Бельгийско-Люксембургское соглашение 1921 г. и Таможенно-экономический союз Бенилюкса 1958 г. (в основе которого лежит Таможенная конвенция от 5 сентября 1941 г.). В современном мире таможенные союзы существуют и в других частях света: например, Центральноамериканский общий рынок, таможенный и экономический союз Центральной Африки, Таможенный союз ЕАЭС².

Таможенный союз представляет собой более высокую форму продвижения к интеграции по сравнению с ЗСТ. Так, помимо

¹ Например, Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.

² Участниками являются Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Армения.

беспошлинной торговли товарами внутри блока этой стадии интеграции свойственно проведение государствами-участниками общей торговой политики, в том числе установление единого для всех членов объединения таможенного тарифа с третьими странами. Таким образом, таможенные союзы означают ликвидацию национальных тарифов и образование единого таможенного пространства с общей таможенно-тарифной и нетарифной защитой в отношении остального мира. Совместную таможенную политику, установление единого таможенного тарифа и его регулирование, представительство союза в его отношениях с третьими странами, как правило, осуществляют специально создаваемые для этого органы.

В Генеральном соглашении по тарифам и торговле 1947 года были закреплены основные положения договоров о создании таможенного союза. К ним относятся:

- 1) единая таможенная территория;
- 2) общий внешний таможенный тариф, единые основные таможенные правила;
- 3) свободное обращение товаров внутри таможенного союза (без взимания таможенных пошлин и экспортно-импортных налогов, а также без применения экспортно-импортных квот и лицензий);
- 4) единая таможенная служба либо организация тесного сотрудничества и взаимодействия национальных таможенных служб между собой.

Таким образом, суть преобразования зоны свободной торговли в таможенный союз состоит в создании наднационального органа, которому государства-участники блока передают полномочия в сфере таможенного регулирования как в отношениях между собой, так и с третьими странами.

Общий рынок – третья стадия международной экономической интеграции – предполагает свободное передвижение не только товаров и услуг внутри границ интеграционного блока, но и факторов производства (труда и капитала). При этом сохраняется единая таможенная политика в отношении третьих стран. На данной стадии интеграции находится

МЕРКОСУР¹ и к ней стремится АСЕАН² (по Уставу Ассоциации общий рынок должен быть создан к 1 января 2016 г.).

Свободное перемещение рабочей силы между участниками интеграционного объединения требует не только отмены виз, но и гармонизацию национальных стандартов и законов (например, взаимное признание документов об образовании). В отношении трансграничных потоков капитала также должны быть приняты единые нормы и стандарты для всех участников блока, включая отмену дискриминационных пошлин и налогов для инвесторов из стран-партнеров по объединению.

Таким образом, общий рынок охватывает не только сферу торговли, но и миграцию, производство и инвестирование. Снятие барьеров осуществляется также внутри национальных экономик (помимо отмены приграничных процедур).

Экономический союз основан на проведении странами-участницами единой макроэкономической политики (фискальной и монетарной) и требует создания наднациональных органов управления, которым передается часть полномочий в данной сфере (например, создается единый центральный банк с правом эмиссии общей валюты). Следовательно, члены интеграционного объединения лишаются части национального суверенитета. Ярким примером интеграционного объединения, достигшего данной стадии, является Евросоюз.

Последняя стадия международной экономической интеграции пока не имеет практических примеров, однако, предполагается, что члены политического союза представляют собой единое в экономическом и политическом плане территориальное образование, где действуют одинаковые меры монетарной, фискальной, социальной и контрциклической политики и созданы наднациональные органы, чьи решения обязательны для всех участников объединения. Таким образом,

¹ Общий рынок стран Южного конуса. Участниками являются Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай и Венесуэла.

² Ассоциация стран Юго-Восточной Азии. Участниками являются Бруней, Таиланд, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма.

стадия «тотальной экономической интеграции» подразумевает создание объединения наподобие конфедерации.

Все стадии можно разбить на две группы – поверхностную интеграцию и глубокую¹. Первые три стадии (ЗСТ, таможенный союз и общий рынок) относятся к поверхностной интеграции, т.к. они предполагают усиление взаимозависимости стран-участниц блока за счет снятия различных барьеров. Последние две (экономический и политический союз) представляют собой глубокую интеграцию, т.к. предполагают унификацию законодательства и стандартов, а также проведение единой политики. Следует отметить, что признаки глубокой интеграции могут проявляться и на ранних стадиях, например, создание таможенного союза предполагает унификацию таможенных процедур и проведение единой внешнеторговой политики по отношению к третьим странам.

Примечательно, что среди исследователей нет единства в вопросе первичности стадий интеграции: должна ли торговая интеграция предшествовать валютной или наоборот. В классической литературе² авторами предполагалось, что торговая интеграция предшествует валютной. В работах³ по теоретическим моделям интеграции в Европейском союзе также считается, что выгоды от валютно-финансового сотрудничества будут возрастать только по мере роста уровня торговой интеграции (торговое сотрудничество должно предшествовать монетарному).

¹ Majone G. Rethinking the Union of Europe Post-Crisis. Has Integration Gone Too Far? Cambridge University Press, 2014. 370 p.

В терминологии Я. Тинбергена это «негативная» и «позитивная» интеграция. Tinbergen J. International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier, 1954.

² Например, Balassa B. The Theory of Economic Integration. Homewood, Ill.: R.D. Irwin, 1961. 324 p.; Puchala D.J. Of Blind Men, Elephants and International Integration // Journal of Common Market Studies. September 1971. vol. 10, issue 3. P. 267-284; Baldwin R. and Venables A.J. International Migration, Capital Mobility and Transitional Dynamics // Economica. 1994. No. 61. P. 285-300.

³ Например, Balassa B. European Integration: Problems and Issues // American Economic Review. May 1963. P. 175-184; Bayoumi T. and Mauro P. The Suitability of ASEAN for a Regional Currency Arrangement. IMF Working Paper. No. 162. December 1999. 24 p.; Ricci L.A. A Model of an Optimum Currency Area. IMF Working Paper. No. 76. June 1997. 41 p.

Однако некоторые современные авторы¹ считают, что стадии международной экономической интеграции, которые выделил Б. Баласса, на практике не обязательно должны идти в предложенной им строгой последовательности. Так, «АТР может стать одним из первых, опровергающих теорию Б. Балассы об этапах интеграции»². Азиатские страны слишком гетерогенны по размерам экономик, уровню экономического развития, степени демократии, уровню жизни и проч., чтобы соответствовать европейской модели интеграции (линейная модель с последовательными и постепенными изменениями)³.

Отмечается⁴, что валютно-финансовая интеграция может предшествовать торговой, так как в настоящее время отсутствуют те барьеры в торговле, которые были характерны для 60–70-х гг. XX в., поэтому снижение импортных тарифов не дает столь существенных эффектов, как в то время. При этом выделяются следующие выгоды от валютной интеграции, предшествующей торговой:

- рост внутрирегиональной торговли без подписания соглашений о ЗСТ;
- нивелирование валютного риска, что приводит к устранению расходов на его страхование;
- отсутствие необходимости получать свидетельства о происхождении товаров и прочие сертификаты, требуемые при функционировании ЗСТ или таможенного союза для освобождения от уплаты пошлин (как следствие, экономия на расходах).

¹ См., например, Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.; Majone G. Rethinking the Union of Europe Post-Crisis. Has Integration Gone Too Far? Cambridge University Press, 2014. 370 p.

² Суслов Д.В. Перспективы экономической интеграции в Восточной Азии / Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов (Тихоокеанская Россия – 2050): материалы международной научно-практической конференции (18–19 ноября, 2010 г.; г. Хабаровск): сборник статей / Российская академия наук, Институт экономических исследований. Хабаровск, 2011. 596 с. Деп. В ИНИОН РАН № 60994 от 28.07.2011.

³ Berkofsky A. EU and Asian Integration Processes Compared / Japan-EU Think Tank Roundtable “Next Steps in Global Governance” (13–14 January 2005, Tokyo). European Policy Centre. 18 p.

⁴ Report on East Asian Integration. Opportunities and Obstacles for Enhanced Economic Cooperation / ed. by H. Dieter. Notre Europe. Studies and Research. No. 47. January 2006. 149 p.; Berkofsky A. EU and Asian Integration Processes Compared / Japan-EU Think Tank Roundtable “Next Steps in Global Governance” (13-14 January 2005, Tokyo). European Policy Centre. 18 p.

Некоторые экономисты¹ также считают, что процесс интеграции носит самоусиливающийся характер. Так, чем больше интенсивность двусторонней торговли между странами, тем сильнее синхронизация их экономических циклов. Соответственно, создание интеграционного объединения может способствовать росту объемов внутрирегиональной торговли и тем самым сделать экономику стран-участниц более подготовленной для вступления в этот блок.

В частности, интенсивность торговли между странами, использующими общую валюту, оказывается в 3 раза выше, чем для государств, использующих национальные валюты, и вдвое выше при анализе в ретроспективе. Кроме того, экономический рост в государствах-членах интеграционного объединения (валютного союза) происходит в основном не за счет различных макроэкономических эффектов (снижения уровня инфляции, углубления и расширения рынков капитала и др.), а благодаря повышению интенсивности внешней торговли между участниками блока.

Все исследователи сходятся во мнении, что образование интеграционного блока создает ряд эффектов. Традиционно эти эффекты классифицируются по времени проявления от момента создания интеграционного объединения. По этому критерию выделяют статические и динамические интеграционные эффекты. Статические эффекты возникают непосредственно при образовании группировки, к ним относятся эффекты создания и отклонения торговли. Я. Винер², который впервые выделил эти эффекты, анализировал причины и следствия их появления на примере таможенных союзов, однако они присущи и ЗСТ, и всем последующим формам интеграционных объединений. При возникновении указанных эффектов меняется источник поставок товара, «и сдвиг может происходить как в сторону источников с меньшими

¹ Frankel J.A. and Rose A.K. The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. NBER Working Paper 5700. August 1996. 35 p.

² Я. Винер Проблема таможенного союза. С. 696–705 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).

издержками, так и в сторону источников с большими издержками, в зависимости от обстоятельств»¹.

В первом случае государство-участник интеграционного блока начинает импортировать товар, который раньше не ввозило или не потребляло. В результате снятия торговых барьеров цена товара оказывается ниже, чем при его производстве внутри страны. В этом случае наблюдается потокообразующий эффект (эффект создания торговли).

Во втором случае страна начинает импортировать из государств-партнеров по интеграционной группировке товар, который раньше импортировала из третьих стран. В результате наблюдается потокоотклоняющий эффект (эффект отклонения или искажения торговли). Цена такого товара искусственно удешевляется за счет отмены таможенных пошлин, однако, издержки его производства в стране-партнере по блоку все равно оказываются выше, чем в третьих странах.

Соотношение потокообразующего и потокоотклоняющего эффектов зависит от ряда факторов, представленных в таблице 1.1.

Эмпирическая оценка эффектов создания и искажения торговли проводилась многими исследователями², и полученные результаты свидетельствуют о том, что в большинстве интеграционных группировок (за исключением ЕС и ЕАСТ) преобладает потокообразующий, а не потокоотклоняющий эффект. В торговых блоках развивающихся стран эффект отклонения торговли обычно не проявляется вследствие снижения ставок общего внешнего тарифа в условиях «открытого» регионализма: это вызывает одновременный рост объемов торговли и с третьими странами, и внутри интеграционных объединений.

¹ Я. Винер Проблема таможенного союза. С. 696–705 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).

² См., например, Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143; Ушкалова Д.И., Головин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.; Шопина И.П. Выигрыши «больших» и «малых» стран от интеграции в рамках АСЕАН // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 86–95; Flam H., Nordstrom H. The Euro and Single Market Effect on Trade and FDI. Stockholm, 2007. P. 18; Jong-Wha Lee, Kwanho Shin. Does Regionalism Lead to More Global Trade Integration in East Asia? 2005. P. 25–26.

Таблица 1.1 – Факторы, влияющие на проявление эффектов создания и отклонения торговли

Факторы	Влияние
Величина ставок общего внешнего тарифа	Если величина ставок общего внешнего тарифа ниже уровня, существовавшего до создания торгового блока, это приводит к росту товарооборота между третьими странами и данным блоком.
Масштабы экономики интеграционного блока	В больших по масштабам торговых блоках эффект отклонения торговли проявляется в меньшей степени из-за значительного объема спроса и предложения на внутреннем рынке объединения.
Комплементарность торговли членов блока	Наличие комплементарности торговли членов блока способствует проявлению эффекта создания торговли.
Сходство структуры производства в странах-участниках блока	Чем больше сходство структуры производства в странах-участниках блока, тем сильнее проявляется эффект отклонения торговли.
Наличие у членов блока сравнительных преимуществ в отношении третьих стран	Наличие у членов блока сравнительных преимуществ в отношении третьих стран приводит к нивелированию эффекта отклонения торговли.
Ориентация торговли стран блока на этапе, предшествующем подписанию интеграционного соглашения	Активная взаимная торговля до создания объединения способствует проявлению потокообразующего эффекта и препятствует проявлению потокоотклоняющего.
Высота торговых барьеров до создания интеграционного блока	Чем выше торговые барьеры, тем сильнее проявляется эффект отклонения торговли.

Источник: составлено по Ушкалова Д.И., Головин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.

Создание валютного союза также стимулирует рост товарооборота не только между его участниками, но и между ними и третьими странами. Это было доказано на примере Европейского союза¹. Объясняется это тем, что «уничтожение валютных барьеров внутри валютного союза сделало каждую страну союза более привлекательной в качестве платформы для экспорта в другие страны. Возросший экспорт из валютного союза в страны-аутсайдеры можно объяснить усилившейся межстрановой фрагментацией производства, которая стала привлекательной благодаря валютному союзу и тем самым увеличила конкурентоспособность стран валютного союза на мировых рынках»².

¹ Flam H., Nordstrom H. The Euro and Single Market Effect on Trade and FDI. Stockholm, 2007. P. 18.

² Цит. по: Соколов В. Региональная интеграция и внутриотраслевая торговля продукцией машиностроения // МЭМО. 2012. № 2. С. 38–49.

Заключение региональных торговых соглашений между «естественными торговыми партнерами»¹ ведет к значительному проявлению эффекта создания торговли и почти не влияет на эффект отклонения торговли. Кроме того, подобные соглашения увеличивают товарооборот с остальным миром. Это справедливо для Восточной Азии². Однако заключение интеграционных соглашений между странами, не являющимися естественными торговыми партнерами, «не может в полной мере способствовать торговле между странами-участницами и отклоняет существенные торговые потоки за пределы региона»³.

Эффекты создания и отклонения торговли по-разному проявляются на различных этапах функционирования интеграционных объединений⁴. Поэтому эмпирическая проверка воздействия конкретных группировок на интенсивность торговли внутри блока и с третьими странами нередко дает противоречивые результаты. Так, сначала доминирует потокоотклоняющий эффект, затем – потокообразующий. Это объясняется динамикой темпов роста импорта: сначала рост импорта извне замедляется по сравнению с внутрирегиональными потоками, потом выравнивается с ними, а после – начинает их опережать.

Упомянутые выше потокообразующий и потокоотклоняющий эффекты относятся к статическим. Динамические эффекты проявляются в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Они обладают общеэкономическим характером воздействия: меняют производственную эффективность, конкурентную среду, пространственную структуру национальной экономики и т.д. Динамические эффекты стимулируют изменения в национальной экономике благодаря увеличению размеров рынка (от национального до внутреннего рынка объединения). Это

¹ Под «естественными торговыми партнерами» подразумеваются страны, торговля между которыми предполагает низкие издержки (территориально близкие страны и страны, использующие общий язык).

² Jong-Wha Lee, Kwanho Shin. Does Regionalism Lead to More Global Trade Integration in East Asia? 2005. P. 25–26.

³ Цит. по: Соколов В. Региональная интеграция и внутриотраслевая торговля продукцией машиностроения // МЭМО. 2012. № 2. С. 38–49.

⁴ Шишков Ю.В. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? // МЭМО. 2008. № 8. С. 3–20; Шишков Ю.В. Кризис еврозоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭс // МЭМО. 2012. № 6. С. 13–22.

происходит благодаря свободному перемещению товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках интеграционного блока. Традиционно динамические эффекты делятся на два типа¹.

Первый тип связан с изменениями в эффективности производства и ростом экономики. В частности, рост производительности происходит за счет улучшения доступа к ресурсам из стран-партнеров по объединению, упрощения движения технологий, роста объемов внешнеторговых операций. Эффект экономии масштаба не проявляется для малых национальных рынков, однако, в рамках интеграционных объединений снижение средних затрат на единицу продукции становится возможным благодаря массовому производству.

Второй тип эффектов проявляется через изменения отраслевой и пространственной структуры экономик интегрирующихся стран (релокация производства). Это обусловлено свободным движением факторов производства, включая рост финансовых потоков между участниками объединения, и изменениями в условиях торговли.

Описанные выше эффекты экономической интеграции относятся, в первую очередь, к сфере внешней торговли и ее влиянию на национальные экономики стран-участниц. Однако процессы интеграции затрагивают не только сферы обращения и производства, но и ресурсную, финансово-инвестиционную, социальную, институциональную, инновационно-технологическую области. Конечно, это в большей степени проявляется на последних стадиях интеграции, но и на первых этапах (ЗСТ и таможенный союз) торговые эффекты оказывают косвенное влияние на прочие сферы. Так, изменения в товарной и географической структурах внешней торговли приводят к трансформациям в структурах занятости населения, денежных и инвестиционных потоков.

¹ Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143; Ушкалова Д.И., Головин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.; Костюнина Г.М. Интеграционные модели формирования Восточноазиатского сообщества // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 33–48.

Таким образом, эффекты экономической интеграции можно разбить на четыре группы (рис. 1.1).

<p>1. Экономические эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • торговые (статические): эффект создания и отклонения торговли; • производственные (динамические): конкурентный эффект; эффект экономии масштаба; эффект релокации производства; • финансово-инвестиционные: эффект создания движения инвестиций (подобен эффекту создания торговли); эффект отклонения движения инвестиций (подобен эффекту отклонения торговли); • трудовые ресурсы: эффект создания потока трудовой миграции; эффект отклонения потока трудовой миграции. <p>3. Инновационно-технологические эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • фундаментальной науки; • НИОКР; • на технологической стадии; • на стадии производства; • на стадии сбыта. 	<p>2. Социальные эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • эффекты изменения благосостояния; • инклюзивные эффекты; • миграционные эффекты; • гендерные эффекты. <p>4. Институциональные эффекты:</p> <ul style="list-style-type: none"> • национального уровня; • регионального уровня.
---	--

Рисунок 1.1 – Эффекты экономической интеграции

Источник: составлено по: Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 34–42; Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143; Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.; Кузнецова В.В. Процесс валютной интеграции в АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 6 (Июнь). С. 24–28.

Дополнительно необходимо учитывать воздействие экономической интеграции на экономический рост и сближение (или расхождение) уровней экономического развития входящих в группировку стран. Этим вопросам также посвящен ряд эмпирических исследований¹. При этом считается, что объединения типа «Юг – Юг» (развивающихся стран) не способствуют росту экономики, «Север – Север» (развитых стран) – могут, но существует мало таких примеров, и, наконец, группировки типа «Север – Юг» (развитых стран с развивающимися) обычно стимулируют экономический рост "южного" партнера.

¹ См. Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.; Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 34–42; Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143.

Кроме того, для объединений развитых стран характерно сближение уровней экономического развития (душевых доходов), для развивающихся – результаты могут быть неоднозначными, но чаще наблюдается эффект расхождения¹. Одним из объяснений служит тот факт, что объединениям типа «Юг – Юг» свойственна узкая внешнеторговая специализация, а процессы сближения уровня душевых доходов лучше идут между странами со сравнительными преимуществами, близкими к среднемировым.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в экономической литературе не существует единого подхода к определению понятия "международная экономическая интеграция" и выделению ее этапов. Однако традиционной является классификация, включающая пять стадий международной экономической интеграции, в рамках которой предполагается, что стадии торговой интеграции (зона свободной торговли и таможенный союз) постепенно перерастают в общий рынок, который развивается в экономический и валютный союз. В качестве конечной стадии предлагается политический союз. Практических примеров интеграционных объединений, которые прошли все пять стадий международной экономической интеграции, пока не существует, однако, наиболее глубокой (четвертой) стадии интеграции достиг Европейский союз.

На каждой стадии международной экономической интеграции возникают определенные эффекты. Статические эффекты проявляются сразу после формирования блока, к ним относят эффекты создания и отклонения торговли. Указанные эффекты по-разному проявляются на поверхностных и глубоких стадиях интеграции, а их соотношение зависит от ряда условий, существовавших до момента создания объединения.

На основе анализа исторического опыта можно сделать вывод, что международная экономическая интеграция в целом развивается линейно, т.е. торговая интеграция предшествует валютной.

¹ Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143.

1.2. Валютное сотрудничество и валютная интеграция

Валютная интеграция относится к глубокой стадии международной экономической интеграции и возникает при образовании экономического союза. В современном мире она развивается между независимыми государствами на добровольной основе, однако, в истории содержится немало примеров силового объединения государств в валютные союзы. Так, в середине I в. до н. э. римский динарий стал общей денежной единицей для западной части Римской империи благодаря успешной военной кампании, а не тесным торговым связям между государствами.

Валютную интеграцию стоит отличать от валютного сотрудничества. Последнее может осуществляться как в рамках интеграционных процессов, так и между странами, не входящими в тот или иной интеграционный блок. К типам валютного сотрудничества относятся:

- создание валютных союзов и зон¹;
- стабилизация валютных курсов;
- организация системы трансграничных расчетов.

Валютные зоны

Валютные зоны – это первый и самый древний тип валютного сотрудничества. Они возникли вслед за появлением самих денег: например, с VI в. до н.э. полисы Древней Греции заключали между собой соглашения, предусматривающие взаимное обращение выпущенных в каждом из них монет (Первый и Второй Афинский союзы, Ахейский союз). Кроме того, валютные союзы существовали в средние века на территории Германии (самый известный среди них – Ганзейский), Италии (Ломбардская лига) и Испании (эрмандады)².

¹ Разницу между валютной зоной и валютным союзом проводит Мусса («Политическая и институциональная приверженность единой валюте», 1997), указывая на тот факт, что став членом валютного союза, страна не имеет права выйти из него, что, однако, возможно в случае валютной зоны. Это объясняется созданием единого центрального банка для валютного союза, в то время как в рамках валютной зоны страны-участницы сохраняют национальные центральные банки. Остальные авторы склонны использовать термины "валютная зона" и "валютный союз" в качестве синонимов.

² Валиуллин Х.Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 136–149.

Единого понятия для термина «валютная зона» не существует, так же, как в случае экономической интеграции в целом. Под валютной зоной понимается «любая группа стран, на территории которых официально обращаются одни и те же денежные единицы»¹. В то же время под ней подразумеваются «относительно устойчивые ареалы хождения определенных валют или территории, в пределах которых проводится единая валютная политика»². Формы валютных зон и особенности их функционирования будут подробно рассмотрены в параграфе 1.3.

Стабилизация валютных курсов

К другому типу валютного сотрудничества относится стабилизация валютных курсов. Она появилась вследствие перехода от фиксированных курсов валют к плавающим (замена Бреттон-Вудской валютной системы на Ямайскую³). К форме стабилизации валютных курсов в рамках развития интеграционных процессов относится европейская «валютная змея». Ее введение было обусловлено высокой волатильностью обменных курсов (особенно у стран с открытой экономикой) после отмены золотого содержания валют. В то время (1972 г.) «змея» представляла собой обычный валютный коридор⁴. Для поддержания обменных курсов в установленных пределах члены ЕЭС⁵ были обязаны проводить валютные интервенции. В модифицированном виде эта схема работает до сих пор: она представляет собой механизм обменных курсов (ERM-2⁶), который применяют страны-кандидаты в Еврозону. Сейчас в нем участвует только датская крона. В 1979 г. появилась Европейская валютная система, объединившая валютный коридор с новой расчетной единицей – ЭКЮ⁷. Она предусматривала усовершенствование старых инструментов стабилизации обменных курсов и введение новых (например, увеличение

¹ Буторина О.В. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50.

² Валиуллин Х.Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 136–149.

³ Красавина Л.Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2. С. 120–132.

⁴ Пределы колебания валют стран-участниц составляли $\pm 2,25\%$ от центральных паритетов.

⁵ Европейское экономическое сообщество (так назывался Евросоюз до 1993 г.).

⁶ Exchange rate mechanism.

⁷ European Currency Unit – ECU.

совместного пула золотовалютных резервов, расширение пределов допустимых колебаний валют, введение двусторонних интервенций и сигнальных курсов¹).

Усеченную и более мягкую разновидность европейской «валютной змеи» используют страны АСЕАН+3² (кредитные линии для интервенций не предусматривают введение валютного коридора). Она существует в виде Многосторонней Чиангмайской инициативы (СМИМ) о своп-сделках, необходимых для проведения валютных интервенций. Подобная практика используется странами Юго-Восточной Азии после валютно-финансового кризиса 90-х годов XX в. Еще в 1997 г. Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд заключили Соглашение о своп-сделках, расширенное в мае 2000 г. до Чиангмайской инициативы, которую поддержали все страны АСЕАН, а также Китай, Япония и Республика Корея³.

Стабилизация обменных курсов встречается не только в рамках интеграционных группировок. К другой ее форме можно отнести соглашения Плаза и Луврское. Соглашение Плаза было подписано в 1985 г. и предусматривало совместные действия США, Великобритании, Франции, Германии и Японии по снижению завышенного на тот момент курса американского доллара. Луврское соглашение заключили в феврале 1987 г. страны «Большой семерки» (США, Италия, Канада, Великобритания, Франция, Германия и Япония). Оно устанавливало два диапазона колебаний курсов: узкий $\pm 2,5\%$ и широкий $\pm 5\%$. При достижении курсом первой границы диапазона интервенции были добровольными, а при достижении второй – обязательными.

Система трансграничных расчетов

Последний тип валютного сотрудничества – это организация системы трансграничных расчетов. Она может осуществляться в двух

¹ Верхний сигнальный курс был на четверть ниже верхнего предельного уровня, а нижний сигнальный – на четверть выше нижнего предельного. Если в «валютной змее» интервенции начинались в момент достижения котировками предельного уровня, то теперь они начинались по достижении ими сигнальных курсов, что делало систему более устойчивой.

² К АСЕАН+3 относятся 10 стран АСЕАН, а также Япония, Китай и Республика Корея.

³ Meeting the Challenges in an Era of Globalization by Strengthening Regional Development Cooperation. U.N. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. N.Y., 2004. P. 104.

формах¹: неттинговые системы (многосторонний клиринг) и системы брутто (или валовых) расчетов. В рамках развития валютной интеграции обычно применяется первая форма. Неттинговая система предполагает наличие расчетной палаты, необходимой для зачета взаимных требований и определения кумулятивного сальдо (активного или пассивного) для каждого участника. При этом участники объединения рассчитываются только с расчетной палатой, а не друг с другом. Брутто-системы предполагают двусторонний характер платежей через банки-участники системы (центральные банки и крупные коммерческие банки или их объединения). В качестве примеров успешной организации многостороннего клиринга можно привести Европейский платежный союз (ЕПС²), функционировавший в 1950-1959 гг., и Евробанковскую ассоциацию.

К брутто-системам можно отнести Трансъевропейскую автоматизированную экспресс-систему валовых расчетов в режиме реального времени (ТАРГЕТ³). Последняя была разработана в ходе формирования Экономического и валютного союза (ЭВС) и изначально использовалась для расчетов между Европейским центральным банком (ЕЦБ) и национальными центральными банками. Затем она стала применяться и в коммерческих целях. Кроме того, с 2007 г. была введена в действие система ТАРГЕТ-2, которая отличается от предыдущей лучшей гармонизацией правил проведения операций и большей рентабельностью.

Первые два типа валютного сотрудничества (валютные зоны и стабилизация обменных курсов) предполагают координацию валютной политики между государствами. Теоретически любая валютная политика как часть макроэкономической политики государства преследует такие цели, как поддержание равновесия платежного баланса, обеспечение

¹ Буторина О.В. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50; Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М.: Деловая литература, 2003. 368 с.

² В него входили 16 стран: Германия (ФРГ), Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Швеция, Норвегия, Исландия, Швейцария, Австрия, Италия, Греция, Португалия и Турция. ЕПС должен был обеспечить условия для введения свободной конвертируемости валют стран-участниц.

³ Trans-European Automated Real-time Gross Settlement Express Transfer – TARGET.

стабильного экономического роста и устойчивости национальной валюты. Однако на практике эти цели могут достигаться различными методами¹:

- выбор режима валютного курса;
- введение валютных ограничений;
- проведение валютных интервенций;
- диверсификация валютных резервов.

Режимы валютных курсов можно разделить на три большие группы: фиксированные, свободно плавающие и гибридные. К последним относятся все промежуточные формы между крайними случаями (свободное плавание и фиксация), например, валютные коридоры. В современном мире большинство стран (134 из 188 членов МВФ²) применяет гибридные режимы в различных формах. Международный валютный фонд выделяет 10 форм, объединенных в 4 группы:

- жесткая фиксация: отсутствие национальной валюты и валютное правление;
- мягкая фиксация: обычная привязка, стабилизационное соглашение, горизонтальный коридор, скользящая привязка и соглашение наподобие скользящей привязки;
- плавающие режимы: управляемое и свободное плавание;
- прочие режимы (остаточная категория, куда относятся страны с режимами валютных курсов, не соответствующими ни одной из вышеперечисленных форм или с частой сменой режимов валютного курса).

Валютные ограничения в современном мире применяются в основном развивающимися странами и странами с формирующимся

¹ Красавина Л.Н. Тенденции и перспективы развития международных валютных отношений в условиях глобализации и регионализации мировой экономики и валютная политика России. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), Институт финансово-экономических исследований, 2012. 163 с.; Некипелов А., Голанд Ю. От замораживания к инвестированию: новые подходы к денежно-кредитной и валютной политике // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 47–55; Krugman P. Currency Regimes, Capital Flows and Crises // IMF Economic Review. 2014. Vol. 62. No. 4. P. 470–493. doi:10.1057/imfer.2014.9; Niehans J. Monetary and Fiscal Policies in Open Economies under Fixed Exchange Rates: An Optimizing Approach // Journal of Political Economy. 1986. P. 893–920; Devereux M.B., Engel C. Monetary Policy in the Open Economy Revisited: Price Setting and Exchange Rate Flexibility. NBER Working Paper. No. 7665. April 2000. 45 p.

² Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2014. IMF. October 2014. 109 p.

рынком. Но они могут вводиться любыми (в том числе развитыми) странами на временной основе в условиях возникновения кризиса. Свободная конвертируемость валют предполагает отсутствие таких ограничений. Однако формально конвертируемыми могут считаться валюты стран, присоединившихся к VIII статье Устава МВФ, т.е. не имеющие ограничений по операциям текущего счета (расчеты по торговым, туристическим, транспортным и прочим операциям, выплата процентов и др. трансферты). При этом валютные ограничения по операциям с капиталом сохраняются (прямые иностранные инвестиции, операции с недвижимостью, инструментами денежного рынка и проч.).

Диверсификация валютных резервов означает изменение их структуры по набору или долям входящих в них иностранных валют. Подобные изменения могут учитывать волатильность основных резервных валют (доллар США, евро, японская иена, британский фунт стерлингов, швейцарский франк) или динамику географической структуры внешней торговли страны (в состав резервов могут быть включены валюты стран – основных торговых партнеров). По состоянию на конец I кв. 2015 г. большая часть официальных валютных резервов стран мира состояла из доллара США (64,1%) и евро (20,7%)¹.

Валютные интервенции проводятся в основном в странах с фиксированными или гибридными режимами валютных курсов для поддержания их стабильности. Однако, режим свободного плавания также не исключает данную возможность². Например, Банк Японии периодически проводит операции на валютном рынке. Интервенции осуществляются с целью девальвации или ревальвации национальной валюты. Обесценение валюты (девальвация) стимулирует экспорт товаров и услуг и сдерживает импорт, однако, имеет и негативные последствия, т.к. приводит к росту цен. Укрепление валюты (ревальвация) оказывает обратный эффект.

¹ The Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves Dataset. URL: <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4> (дата обращения: 22.06.2015).

² МВФ относит к данному режиму валюты стран, центральные банки которых проводят интервенции не чаще трех раз по три дня в течение 6 месяцев.

Методы, применяемые в одной стране, сказываются на ее торговых и инвестиционных партнерах, и довольно часто препятствуют достижению их целей. Это связано с тем, что валютная политика оказывает прямое воздействие на платежные балансы и косвенное – на экономический рост. Взаимосвязь между динамикой валютного курса и состоянием платежного баланса описывается моделью Манделла–Флеминга¹:

$$\mathbf{NE}(\mathbf{e}, \mathbf{y}) = \mathbf{NKE}(\Delta i, \mathbf{e}, \mathbf{k}), \quad (1.1)$$

где **NE** – чистый экспорт товаров, **NKE** – чистый экспорт капитала, **e** – номинальный валютный курс, **y** – ВВП, Δi – разница между процентными ставками в двух исследуемых странах, **k** – потоки капитала.

Указанная модель исследует случай малой открытой экономики в условиях совершенной мобильности капитала и ригидности цен (рассматривается краткосрочный период). При этом предполагается, что внутренняя процентная ставка совпадает с мировой, а эффективность монетарной политики зависит от режима валютного курса (рассматриваются только два полярных случая – жесткая фиксация и свободное плавание). Так, при фиксированном валютном курсе меры денежно-кредитной политики в части воздействия на реальный национальный доход абсолютно неэффективны, следовательно, необходимо применение мер фискальной и внешнеторговой политики. При свободно плавающем валютном курсе ситуация обратная. Из модели Манделла–Флеминга следует, что невозможно одновременно достичь трех следующих целей: обеспечить свободное движение капитала, фиксированный валютный курс и автономность монетарной политики. Это так называемая «несовместимая триада». Органам власти любого государства приходится ограничиваться только двумя целями из трех.

В теории платежный баланс должен находиться в состоянии равновесия, т.е. его сальдо должно быть нулевым и чистый экспорт товаров должен уравниваться чистым экспортом капитала. Однако на практике такое состояние практически недостижимо, и в одних странах

¹ Mundell R.A. Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rate // Canadian Journal of Economics. November 1963. No. 29. P. 475–485. DOI: 10.2307/139336; Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates. IMF Staff Papers. November 1962. Vol. 9, No. 3. P. 369–379.

существует дефицит платежного баланса (отрицательное сальдо), в других профицит (положительное сальдо). С теоретической точки зрения валюта страны с дефицитом платежного баланса должна обесцениваться, а с профицитом – укрепляться¹. Но это справедливо только в случае свободно плавающего валютного курса. Страны с фиксированными и гибридными режимами валютного курса редко руководствуются данным принципом при проведении девальвации или ревальвации своей национальной валюты, что нередко приводит к "валютным войнам"². Чаще всего это связано со стремлением поддержать конкурентоспособность экспортных товаров и услуг или стимулировать приток иностранного капитала и таким образом нарастить золотовалютные резервы (ЗВР)³. Резервы, в свою очередь, используются для проведения валютных интервенций, финансирования дефицита платежного баланса, заимствования на внешнем рынке.

В интеграционных объединениях с единой валютой таких проблем, как валютные войны, не возникает (хотя дисбалансы в торговых и инвестиционных потоках все равно наблюдаются), однако, на ранних стадиях интеграции координация курсовой политики стран-участниц обычно не проводится, что может усиливать разногласия между партнерами по блоку. Это особенно актуально для интеграционных группировок, где участники выступают конкурентами на экспортных рынках (например, страны АСЕАН).

¹ Mundell R.A. Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rate // *Canadian Journal of Economics*. November 1963. No. 29. P. 475–485. DOI: 10.2307/139336; Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates. *IMF Staff Papers*. November 1962. Vol. 9, No. 3. P. 369–379; Sarantis N. The Mundell–Fleming Model with Perfect Capital Mobility and Oligopolistic Pricing // *Journal of Post Keynesian Economics*. Fall 1986. Vol. 9, No. 1. P. 138–148; Obstfeld M. and Rogoff K. The Mirage of Fixed Exchange Rates. NBER Working Paper No. 5191. July 1995. 45 p.; Boughton J.M. On the Origins of the Fleming–Mundell Model. *IMF Staff Papers*. 2003. Vol. 50, No. 1. P. 1–9; Шишков Ю.В. «Невозможное триединство» в эпоху финансовой глобализации // *МЭМО*. 2012. № 5. С. 3–14.; Головин М. Теоретические подходы к проведению денежно-кредитной политики в условиях финансовой глобализации // *Вопросы экономики*. 2009. № 4. С. 42–58.

² Валютные войны: мифы и реальность: материалы круглого стола (Институт Европы РАН, 2 декабря 2010 г.) / под ред. А.А. Масленникова (отв. ред.) и др. / Доклады Института Европы / Учреждение Российской академии наук, Институт Европы РАН; № 266. М.: Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2011. 78 с.; Дёмина Я.В. Платежные балансы стран Восточной Азии: влияние скоординированной валютной политики // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 138–152.

³ Их природой представляет собой разницу между чистым экспортом товаров и чистым экспортом капитала.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что валютную интеграцию следует отличать от валютного сотрудничества, которое может протекать за рамками процессов международной экономической интеграции. В экономической литературе выделяют следующие типы валютного сотрудничества: валютные зоны, системы стабилизации валютных курсов и организации трансграничных расчетов. Каждому типу валютного сотрудничества присущи несколько форм, часть из которых предполагает создание интеграционных объединений (например, валютный союз). Такие формы валютного сотрудничества подразумевают координацию валютной политики стран-партнеров.

Скоординированная валютная политика позволяет решить ряд важных проблем, например, избежать валютных войн. Последние возникают вследствие дисбалансов в мировой экономике, поскольку одна часть стран характеризуется значительным профицитом платежных балансов, другая – дефицитом. Для достижения состояния равновесия платежного баланса страны с отрицательным сальдо должны девальвировать свои валюты (при фиксированных и гибридных режимах валютного курса), с положительным – ревальвировать. При свободно плавающем режиме корректировка валютного курса происходит автоматически.

Следует отметить, что на практике страны редко согласуют мероприятия национальной валютной политики с положениями теории и с интересами других стран. Это приводит к многочисленным противоречиям, которые разрешаются «взрывным» способом (в виде кризисов) или мирным путем (с помощью согласования мер валютной политики). Развитие форм валютной интеграции (в первую очередь, создание валютных зон) подразумевает общность курсовой политики стран-участниц объединения.

1.3. Теория и практика функционирования валютных зон

На основе мирового опыта можно выделить пять основных форм валютных зон¹:

- 1) взаимное соглашение между независимыми государствами об использовании национальных денежных единиц в качестве параллельного платежного средства на территории каждого из них;
- 2) взаимное соглашение между независимыми государствами о переходе на денежную единицу одного из них;
- 3) одностороннее решение государства о замене национальной денежной единицы валютой другого государства (долларизация²);
- 4) объединение с коллективной расчетной единицей, которая существует наравне с национальными деньгами государств-членов;
- 5) экономический и валютный союз с единой валютой, которая заменяет собой национальные денежные единицы государств-членов.

В качестве примеров первой формы валютных зон можно привести Латинский³ и Скандинавский⁴ монетные союзы и валютный союз Бельгии и Люксембурга⁵. Кроме того, с 1967 г. между Брунеем и Сингапуром действует соглашение о взаимозаменяемости валют⁶. В целом «параллельное хождение денежных знаков характерно для эпохи полноценных (металлических) денег. При неизменных бумажных деньгах

¹ Буторина О.В. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50; Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М.: Деловая литература, 2003. 368 с.

² Термин применяется вне зависимости от того, какая именно валюта (доллар, евро или любая другая) заменяет собой национальную.

³ Создан в 1865 г., участники: Франция, Бельгия, Италия, Швейцария и Греция.

⁴ Учрежден в 1872 г. в составе Швеции, Норвегии и Дании.

⁵ Существовал с 1921 по 1999 гг., затем обе страны вошли в состав Еврозоны.

⁶ Brunei Darussalam: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 99/19. April 1999. 78 p.

этот инструмент теряет эффективность и соответственно распространение»¹.

Вторая форма валютных зон практиковалась довольно редко и была характерна для процесса объединения денежных систем немецких государств в 1837–1838 гг.²

Долларизация означает потерю денежно-кредитной независимости в обмен на право использования признанной в мире валюты, чтобы «быстро восстановить доверие к местным деньгам (которые, правда, перестают быть национальными), а также навсегда избавиться от забот по поводу эмиссии, обменного курса, девальваций и процентных ставок по государственным ценным бумагам»³. Обычно эта форма валютных зон практикуется бывшими колониями, небольшими островами и карликовыми государствами, т.е., как правило, слабыми и зависимыми от более мощных союзников территориями. В качестве примеров можно привести Панаму и Эквадор (национальная валюта была заменена на доллар США), Лихтенштейн (швейцарский франк), Монако, Андорру, Ватикан, Сан-Марино и Черногорию (евро)⁴.

В качестве примеров четвертой формы валютных зон можно привести ЭКЮ, СДР⁵ (в меньшей степени), переводной рубль Совета экономической взаимопомощи, арабский расчетный динар Арабского валютного фонда и андское песо Андского пакта⁶.

Последняя форма валютных зон является самой известной и наиболее полно описана в литературе. Ее яркий пример – введение евро странами Европейского союза. Хотя валютные союзы существуют также в странах Африки⁷ и Карибского бассейна¹, однако, они представляют собой

¹ Буторина О.В. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50; Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М.: Деловая литература, 2003. 368 с.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Линкевич Е.Ф. Формирование валютных зон: теоретические и практические аспекты // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 44. С. 45–51.

⁵ Special Drawing Rights – SDR.

⁶ Шмелев В.В. Коллективные валюты – от счетных единиц к международным деньгам. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 3.

⁷ Западноафриканский экономический и валютный союз (WAEMU) и Экономическое сообщество стран Центральной Африки (САЕМС).

объединения бывших колоний, в которых ранее циркулировала общая валюта – валюта метрополии.

Главная выгода перехода к общей валюте состоит в том, что ее введение стимулирует развитие торговли (и товарами, и услугами) и рост инвестиций в странах-членах валютного союза, и тем самым, способствует ускорению экономического роста. Это объясняется снижением транзакционных издержек, в том числе затрат на хеджирование рисков, и устранением валютных рисков. Переход на единую валюту снижает затраты на ведение трансграничного бизнеса, что способствует развитию внутрирегиональной торговли, удешевлению товаров и услуг. Чем больше доля региональной торговли, уровень симметрии экономических шоков и мобильность факторов производства между странами-членами союза, тем выше выгоды от его создания.

Ввести общую валюту менее сложно, чем поддерживать ее устойчивость. Это объясняется несколькими сдерживающими факторами: неравномерностью уровней экономического развития стран, вступивших в валютный союз; слабостью финансового сектора в ряде стран; недостатком региональных объединяющих механизмов и институтов, необходимых для управления валютным союзом; отсутствием политических предпосылок для валютного сотрудничества и введения общей валюты.

При создании валютных зон особую роль играют взаимоотношения между участниками. В первом случае существует страна-гегемон, вокруг которой группируются государства со слабыми денежно-кредитными системами и небольшим экономическим и политическим «весом». В такой ситуации правила и механизмы функционирования зоны определяются участником-гегемоном. Под его контролем находятся эмиссия, объем денежной массы и процентные ставки. При этом обычно не предполагается создание интеграционных объединений. Возникшие после Второй мировой войны зоны фунта стерлингов и доллара США относятся

¹ Организация Восточнокарибских государств (ECCU).

именно к такому случаю. Крайним вариантом подобного сотрудничества является долларизация.

Во втором случае валютные зоны возникают в рамках развития интеграционных процессов. В такой ситуации «правила игры» вырабатываются коллективно, так как страны-участницы наделены равными правами независимо от их экономической и политической мощи.

Как уже отмечалось, сам факт создания валютной зоны не гарантирует ее длительного и успешного функционирования. Ее устойчивость определяется способностью достичь одновременно внутреннего¹ и внешнего² баланса. С поиском решения данной проблемы связано возникновение теории оптимальных валютных зон (ОВЗ). Ее основоположниками считаются Р. Манделл, П. Кинен и Р. Маккиннон. Данная теория применима ко всем пяти формам валютных зон, однако, чаще всего она ассоциируется с образованием валютного союза, а именно Евросоюза, т.к. последний создавался в рамках теории ОВЗ³.

Термин «оптимальная валютная зона» определяется в работе Р. Манделла⁴, где под ней подразумевается «валютная зона, для которой издержки отказа от валютного курса как внутреннего инструмента регулирования (в пределах зоны) меньше выгод от принятия единой валюты или режима фиксированных обменных курсов»⁵. В трудах Р. Маккиннона⁶ под термином «оптимальная валютная зона» понималась «зона с единой валютой, на территории которой денежно-кредитная политика и плавающий обменный курс по отношению к внешним валютам позволяют наилучшим образом достичь следующих трех (возможно,

¹ Состояние полной занятости и низкой инфляции.

² Равновесие платежного баланса.

³ Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.; Tavlas G.S. The 'New' Theory of Optimum Currency Areas // The World Economy. November 1993. Vol. 16, issue 6. P. 663–685; Mongelli F.P. 'New' Views on the Optimum Currency Area Theory: What Is EMU Telling Us? European Central Bank Working Paper No. 138. April 2002. 53 p. Некоторые исследователи называют Р. Манделла отцом не только теории ОВЗ, но и евро.

⁴ Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. № 51. P. 657–665.

⁵ Цитируется по: Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.

⁶ McKinnon R. Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1963. № 53. P. 717–725.

противоречащих друг другу) целей: поддержание полной занятости, равновесия платежного баланса и стабильного уровня внутренних цен»¹.

Стоит отметить, что в трудах 60-х годов XX в. ОВЗ определялась с пространственной точки зрения, т.е. ее могли сформировать не только суверенные государства, но и приграничные регионы стран. В современной литературе закрепился институционально-географический подход, при котором считается, что в состав оптимальной валютной зоны могут войти только суверенные государства, а не их отдельные части. При этом основная идея, заложенная в термине «оптимальная валютная зона», не изменилась за 50 лет существования теории. Она по-прежнему заключается в том, что для некоторых государств изначально может оказаться неоптимальным использование собственной валюты для осуществления транзакций как внутри страны, так и с внешним миром².

С момента возникновения теории ОВЗ авторы пытались выделить различные экономические характеристики и показатели (критерии), которые бы позволили определить состав и границы оптимальных валютных зон. Основы данного подхода были заложены в 60-х гг. XX в. в работах вышеупомянутых авторов. Р. Манделл, Р. Маккиннон и П. Кинен выдвигали свои критерии, основываясь главным образом на сравнительном анализе преимуществ и недостатков режимов плавающего и фиксированного обменных курсов при воздействии на экономику страны или группы стран различных шоков.

За прошедшие полвека теория оптимальных валютных зон неоднократно пересматривалась, однако, до сих пор не существует единых количественных критериев, отражающих способность стран-кандидатов сформировать и поддерживать валютную зону. Основные требования к ОВЗ сводятся к следующему³:

¹ Цитируется по: Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.

² Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.

³ Tavlas G.S. The 'New' Theory of Optimum Currency Areas // The World Economy. November 1993. Vol. 16, issue 6. P. 663-685; Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.

- полная мобильность факторов производства (труда и капитала) между странами-участницами;
- открытость экономик стран-кандидатов;
- сходство темпов инфляции;
- диверсификация экономики (наличие в одной стране значительного числа моноотраслевых регионов);
- экономическая интеграция;
- политическая интеграция (институциональные аспекты);
- корреляция шоков и проч.

Основные критерии и их авторы представлены в таблице 1.2. Определение оптимальной валютной зоны с помощью какого-либо одного критерия не дает возможности оценить последствия создания ОВЗ для конкретной страны, т.к. учитывает только одну из сторон данного явления. В то же время ни одна страна не может удовлетворять одновременно всем критериям. Так, члены ОВЗ не могут быть одновременно малыми государствами с открытой экономикой и состоять из множества моноотраслевых регионов (на практике это крупные государства).

Кроме того, между указанными критериями существует взаимосвязь: например, рост внешней открытости экономики стимулирует эластичность цен по отношению к валютному курсу. Также следует отметить, что среди исследователей нет единого мнения относительно количества критериев, однозначно определяющих оптимальность создаваемой валютной зоны.

Противоречия теории оптимальных валютных зон объясняются ее нормативностью: она констатирует условия, которые должны выполняться для стран-участниц в идеале, на практике такой подход не применим. Стоит также отметить, что авторы предлагают критерии, которым должны соответствовать страны до момента создания валютной зоны, и не уделяют внимания состоятельности этих критериев в динамике.

Таблица 1.2 - Критерии оптимальности валютной зоны

Критерий и его автор	Экономическое содержание критерия	Показатели
Гибкость цен и зарплаты (М. Фридман)	Гибкость цен и зарплаты в национальной экономике необходима для восстановления равновесия при возникновении макроэкономического дисбаланса	<ul style="list-style-type: none"> номинальная заработная плата, производительность труда, удельные затраты на рабочую силу
Мобильность факторов производства (Р. Манделл)	Перемещение факторов производства из депрессивных стран (регионов страны) в страны (регионы страны), испытывающие подъем, позволяет устранить макроэкономический дисбаланс при недостаточной гибкости товарных цен	<ul style="list-style-type: none"> уровень безработицы, доля граждан государств-участниц союза, проживающих в других странах-членах объединения
Интеграция финансовых рынков (Дж. Инграм)	Перемещение финансовых ресурсов между участниками зоны позволяет частично восстановить макроэкономическое равновесие в краткосрочном периоде	<ul style="list-style-type: none"> доходность государственных облигаций, прямые иностранные инвестиции
Степень открытости экономики (Р. Маккиннон)	Малой стране с экспортно-ориентированной экономикой гораздо выгоднее, чем крупной стране с закрытой экономикой, зафиксировать курс национальной валюты к валюте страны-партнера	коэффициент открытости внешней торговли
Диверсификация производства и потребления Фискальный федерализм (П. Кинен)	Диверсификация внутреннего производства и потребления снижает уязвимость экономики к внешним шокам товарного рынка В случае макроэкономического дисбаланса бюджетные трансферты между участниками ОВЗ могут покрыть издержки растущей безработицы	<ul style="list-style-type: none"> структура внешней торговли, баланс госбюджета и объем задолженности (в % от ВВП), доходы членов союза (в % от ВНД)
Политическая интеграция (Н. Минц, Г. Хаберлер, Й. Ишияма, М. Мусса)	Политическая поддержка необходима для проведения институциональных изменений, направленных на создание однородного экономического пространства	<ul style="list-style-type: none"> инфляция, занятость, дефицит бюджета
Инфляционная конвергенция (Дж. Флеминг)	Корреляция темпов роста цен и их низкие значения позволяют избежать передачи шоков от одного из участников зоны к остальным	<ul style="list-style-type: none"> уровень инфляции, паритет покупательной способности

Источник: составлено по Моисеев С. Макроанализ валютного курса: от Касселя до Обстфельда и Рогоффа // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 49–65.

Создание оптимальной валютной зоны несет в себе как выгоды, так и издержки. Наиболее очевидным преимуществом использования единой валюты является снижение транзакционных издержек, связанных с необходимостью конвертации валют. Наряду с этим устраняется и

необходимость страхования валютных рисков. Выигрыш может быть весьма существенен: по некоторым оценкам эффект экономии для Евросоюза мог составлять в среднем 0,4% ВВП стран-участниц¹. Наблюдается также рост полезности денег как меры стоимости, средства обмена и сбережения. При формировании валютной зоны количество товаров и активов, номинированных в единой валюте, расширяется, т.е. растет полезность денег как меры стоимости и средства обмена. Поскольку цены товаров стран-участниц перестают зависеть от колебаний внутренних для зоны обменных курсов, растет и полезность денег как средства сбережения. Во многом вследствие вышеназванных обстоятельств формирование валютной зоны приводит к росту объемов торговли между странами-участницами. Так, для небольших европейских государств введение единой валюты увеличило торговые потоки между странами в 2-3 раза².

Кроме преимуществ создание валютной зоны несет в себе и потенциальные опасности. Во-первых, это отказ от независимой денежно-кредитной политики. Такая форма валютных зон как валютный союз предполагает создание системы наднациональных органов, в том числе и единого центрального банка, обладающего правом эмиссии общей валюты. Соответственно, страна не сможет решить свои внутренние проблемы (например, высокий уровень безработицы) за счет инструментов монетарной политики (например, за счет увеличения предложения денег, т.к. это вызовет инфляцию в остальных странах-участницах союза). Во-вторых, при нарушении равновесия платежного баланса исчезнет возможность его регулирования с помощью девальвации или ревальвации национальной валюты, т.к. единый центральный банк будет проводить политику, наилучшую для всех стран-членов, а не для отдельно взятой страны. Следовательно, переход на

¹ Emerson M.D. et al. One Market, One Money: An Evaluation of the Potential Benefits and Costs of Forming an Economic and Monetary Union. N.Y., 1992. 354 p.

² Rose A.K. Do Currency Unions Increase Trade? A "Gravity" Approach // FRBSF Economic Letter / Federal Reserve Bank of San Francisco. 2000. February 4. URL: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2000/february/do-currency-unions-increase-trade-a-gravity-approach/> (дата обращения: 12.05.2013).

общую валюту может усугубить проблемы, существовавшие внутри страны до создания валютного союза.

Негативные последствия введения единой валюты отмечал в своей книге «Частные деньги» известный экономист и нобелевский лауреат Ф. Хайек, который говорил о создании валютного союза в Европе следующее: «Хотя я всецело поддерживаю стремление завершить экономическое объединение стран Западной Европы, полностью либерализовав денежные потоки между ними, я сильно сомневаюсь в том, что путь к этой цели состоит в создании новой европейской валюты, управляемой каким-либо наднациональным органом. Во-первых, страны-члены ЕЭС вряд ли смогут прийти к согласию о политическом курсе, которого должен будет придерживаться единый финансовый орган (при фактически неизбежной ситуации, когда некоторые страны получают валюту худшего качества, чем имеют сейчас). Во-вторых, крайне сомнительно, что даже при самых благоприятных условиях единая политика будет осуществляться лучше, чем регулирование нынешних национальных валют. Более того, во многих отношениях единая международная валюта, если ею не управлять разумнее, будет не лучше, а хуже национальной валюты. Стране с более развитой финансовой системой не останется ни одного шанса избежать последствий решений других стран, принятых на основе грубых предрассудков. Преимущество создания международного ведомства должно заключаться главным образом в защите стран-участниц от вредных мер, предпринимаемых другими, а не в том, чтобы заставлять их присоединяться ко всякого рода глупостям»¹.

В настоящее время теория ОВЗ в основном занимается поиском условий, при которых преимущества от вступления в валютную зону перевесят ее недостатки, т.е. чистый выигрыш всех стран-членов будет положительным. Однако необходимо помнить, что теория концентрируется на рассмотрении двух полярных случаев (фиксированного и свободно плавающего валютного курсов), которые

¹ Хайек Ф.А. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. 229 с.

наблюдались в 60-х гг. XX в., но в современном мире практически не встречаются.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее известной и изученной формой валютной зоны является валютный союз, возникающий на четвертой стадии международной экономической интеграции.

Для успешного функционирования любой формы валютной зоны необходимо, чтобы ее участники соответствовали определенным критериям. Эти критерии были сформулированы в рамках теории оптимальных валютных зон. В указанной теории предполагается, что некоторым странам выгоднее жестко зафиксировать курс национальной валюты относительно какого-либо "якоря" или использовать чужую валюту для осуществления транзакций как внутри страны, так и с внешним миром.

Базовые критерии, соответствие которым с теоретической точки зрения обязательно для членства отдельных государств в ОВЗ, могут быть сформулированы следующим образом:

- синхронизация деловых циклов в странах-участницах;
- конвергенция основных макроэкономических показателей;
- интеграция рынков товаров и услуг, включая финансовые;
- высокая степень мобильности факторов производства.

При этом важно подчеркнуть, что теория ОВЗ носит нормативный характер и поэтому содержит ряд противоречий (ни одна страна не может одновременно удовлетворять всем вышеуказанным критериям). Следовательно, ее применение на практике может привести к противоречивым результатам.

Кроме того, чистота форм интеграции, свойственная теории, редко наблюдается на практике, и, несмотря на наличие общих черт, каждое интеграционное объединение обладает уникальными характеристиками и опытом.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СТРАНАХ АСЕАН

2.1. Институциональная оболочка торговой и валютной интеграции

Декларация о создании Ассоциации стран Юго-Восточной Азии была подписана 8 августа 1967 г., однако, до 90-х годов XX в. члены данного объединения не предпринимали значительных усилий по интенсификации взаимного сотрудничества. Так, в течение 70-х гг. XX в. были приняты всего лишь несколько инициатив: программа строительства совместных объектов и схема разделения труда, Декларация согласия и кооперации в Юго-Восточной Азии и решение о формировании зоны преференциальной торговли. При этом не все из указанных инициатив были успешны.

В рамках концепции интеграции в АСЕАН, разработанной по просьбе стран-участниц Ассоциации рядом органов Организации Объединенных Наций (ООН), были предложены 13 проектов создания совместных промышленных предприятий в сфере машиностроения и химической промышленности¹. Схема разделения труда была направлена на удовлетворение потребностей стран-членов АСЕАН в сырье, продовольствии и некоторых видах готовой промышленной продукции. Она основывалась на принципе коллективного самообеспечения за счет максимального использования имеющихся природных ресурсов. При этом строительство объектов происходило на основе совместного финансирования: 60% расходов покрывались за счет правительства принимающей страны и по 10% распределялись между четырьмя другими государствами². Из-за финансовых и организационных трудностей были реализованы лишь два проекта из 13 (производство минеральных удобрений в Индонезии и Малайзии)³.

¹ Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

² На тот момент в состав АСЕАН входили пять государств: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд.

³ Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

В 1976 г. на Балийском саммите были приняты Декларация согласия и кооперации в Юго-Восточной Азии (Балийская Декларация) и программа действий к ней, определившие четыре направления экономического взаимодействия в рамках Ассоциации¹:

- преференциальный доступ основных экспортных товаров (главным образом, топлива и продовольствия) на региональный рынок;
- производственное сотрудничество;
- торговое сотрудничество (в том числе на рынках третьих стран);
- разработка общей платформы стран-участниц по проблемам экономики, представляющим взаимный интерес.

Развитию производственного сотрудничества способствовало создание Финансовой корпорации АСЕАН (1981 г.). По своей сути она является инвестиционным банком, объединяющим средства стран-членов. Вместе с ней была образована Корпорация развития АСЕАН – Япония с участием японского капитала.

Зона преференциальной торговли в АСЕАН (ASEAN PTA) была сформирована в 1977 г. и распространялась всего на 20 товаров (позднее на 71). В соглашении также содержались высокие требования к доле местного компонента (не менее 50%) и длинные списки исключений, состоящие из чувствительных товаров. Таким образом, объектом преференциальной торговли стали товары, практически не вовлеченные во взаимный товарооборот.

Либерализации взаимной торговли препятствовали следующие факторы: различия в уровне экономического развития государств-членов, большая зависимость от внешнеэкономических связей с третьими странами, примерно схожая структура экономики и экспорта, разная степень защиты внутренних рынков². Однотипная структура экспорта вела к усилению конкуренции между странами-участницами АСЕАН (в первую

¹ Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

² На начало 1990-х гг. в Сингапуре ставки пошлин в среднем оценивались в 2,3 %, в Малайзии – 42 %.

очередь, по поставкам натурального каучука, риса, пальмового масла, олова и др.).

Перечисленные выше обстоятельства сдерживали рост взаимной торговли, доля которой увеличилась с 2% до 5% за период 1980–1985 гг. К началу 1990-х гг. список товаров преференциальной торговли охватывал уже 12700 наименований, для половины из которых пошлины были снижены в среднем на 20–25%. Однако удельный вес взаимной торговли в АСЕАН по-прежнему был невысок – 15% (в ЕС в тот же период доля товаропотоков внутри блока превышала 60%).

Таким образом, к 25-летию юбилею (1992 г.) формирования АСЕАН намеченные планы по экономической интеграции были реализованы не полностью. Но после Сингапурского саммита, на котором было принято решение о создании зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) интеграционные процессы интенсифицировались.

Изначально планировалось формирование ЗСТ в течение 15 лет, т.е. к 2008 г., но в условиях азиатского финансового кризиса (на саммите в декабре 1998 г.) были внесены корректировки в дату завершения создания АФТА – к 2002 г. При этом к указанному сроку предусматривалось снижение пошлин до 0–5%, к 2010 г. – полная ликвидация таможенных барьеров для шести «старых» членов АСЕАН¹ и к 2018 г. для четырех «новых»².

Создание АФТА преследовало следующие основные цели: достижение экономической стабильности в регионе, повышение конкурентоспособности стран-членов на основе устранения торговых барьеров и роста привлекательности государств для прямых иностранных инвестиций. Основные направления АФТА включают³:

- введение общего эффективного преференциального тарифа⁴ (СЕПТ);

¹ Сингапур, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Бруней, Таиланд.

² Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам.

³ Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

⁴ Common Effective Preferential Tariff – СЕПТ.

- гармонизацию национальных стандартов в соответствии с международными нормами;
- ликвидацию количественных ограничений во взаимной торговле промышленными товарами;
- введение принципа взаимного признания в отношении сертификатов качества;
- координацию макроэкономической политики.

В рамках СЕПТ было предусмотрено, начиная с 1 января 1993 г., снизить пошлины во взаимной торговле промышленной и сельскохозяйственной продукцией (за исключением продукции нефтехимии, автомобилестроения, металлургии) и сельскохозяйственным сырьем (добавлено в 1994 г.) до 0–5%. Товары в рамках СЕПТ объединены в четыре списка:

1. включенных товаров;
2. временных изъятий;
3. исключений в отношении чувствительной продукции;
4. общих исключений.

В список включенных товаров входит продукция, подлежащая либерализации в первую очередь. Снижение пошлин на нее происходило в два этапа: к 1998 г. до 20%, а к 2002 г. – до 0–5%. В список входит 15 товарных групп¹. Второй список распространяется на товары, временно освобожденные от либерализации: они переводятся в список включенных товаров по истечении 7 лет, тогда ставки пошлин на них снижаются до 0–5%. Третий список включает сельскохозяйственное сырье, для которого предоставлены более длительные сроки либерализации торговли: 2010 г. для АСЕАН-6², 2013 г. для Вьетнама, 2015 г. для Лаоса и Мьянмы, 2017 г. для Камбоджи. Последний список распространяется на товары, не подлежащие либерализации (т.е. исключенные из ЗСТ) в силу защиты национальной безопасности, общественной морали, жизни животных,

¹ Фармацевтическая продукция, деревянная и ротанговая мебель, цемент, растительные масла, минеральные удобрения, продукция из стекла и керамики, электроника, ювелирные изделия, текстиль, пластмасса, целлюлоза, медные катоды, драгоценные камни и изделия из них, резиновые и кожаные изделия.

² Сингапур, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Бруней, Таиланд.

растений, здоровья населения, а также на товары, имеющие художественную, историческую и археологическую ценность. Сюда относится 1036 позиций, или 1,6% товарных позиций АСЕАН¹.

Таким образом, с 2010 г. между шестью членами АСЕАН ведется практически беспошлинная торговля (нулевой тариф распространяется на 99,2% товарных позиций). Для стран АСЕАН-4² удельный вес товаров, освобожденных от уплаты пошлин, составляет 72,6% номенклатуры (по состоянию на 2013 г.)³.

В 2003 г. было принято решение об углублении экономической интеграции в рамках Ассоциации посредством создания сообщества АСЕАН как трех сообществ – экономического, политического и социально-культурного. В 2007 г. был подписан Устав АСЕАН, в котором реализация трех вышеупомянутых сообществ зафиксирована в качестве основной цели. При этом переход к единой валюте в качестве цели развития АСЕАН пока не ставится. Основные документы по формированию сообщества АСЕАН также включают Дорожную карту по формированию Сообщества АСЕАН на 2009–2015 гг. и Стратегические рамки Инициативы по интеграции в АСЕАН на 2009–2015 гг.

Экономическое сообщество направлено на создание единого рынка и единой производственной платформы, формирование Юго-Восточной Азии в качестве конкурентоспособного экономического региона, глубоко интегрированного в мировую экономику⁴.

В рамках формирования экономического сообщества запланировано достижение четырех свобод: свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. При этом таможенные пошлины на товары должны быть полностью ликвидированы к 2018 г.⁵ нетарифные барьеры – к 2010 г. для пяти стран АСЕАН⁶, к 2012 г. – для Филиппин, и к 2018 г. –

¹ Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

² Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам.

³ ASEAN Community in Figures – Special Edition 2014: A Closer Look at Trade Performance and Dependency, and Investment. Jakarta: ASEAN Secretariat, October 2014. 102 p.

⁴ Roadmap for an ASEAN Community 2009-2015. Jakarta: ASEAN Secretariat, April 2009. 128 p.

⁵ Для стран Индокитая.

⁶ Сингапур, Малайзия, Индонезия, Бруней, Таиланд.

для АСЕАН-4. Также планируется провести либерализацию торговли услугами (к 2013 г.) и содействовать формированию инвестиционной зоны АСЕАН путем устранения ограничений на перемещение капитала. Свобода перемещения рабочей силы предусматривается для лиц квалифицированного труда.

Политическое сообщество создается с целью укрепления безопасности, демократии и мира в регионе, поддержки верховенства законов и прав человека. Социально-культурное сообщество направлено на укрепление солидарности и единства народов АСЕАН, формирование социально ориентированных государств, способных успешно решать социально-экономические проблемы населения стран-участниц¹.

Либерализация торговли происходит не только в рамках АСЕАН, но и с партнерами из третьих стран. При этом новые ЗСТ образуются по формуле АСЕАН+1. Соглашения о всеобъемлющем экономическом партнерстве заключены между АСЕАН и Китаем (по товарам в 2005 г., по услугам – в 2007 г.), Японией (касается торговли товарами, 2008 г.), Республикой Корея (по товарам в 2009 г., по услугам – в 2010 г.), Австралией, Новой Зеландией и Индией (вступили в силу 1 января 2010 г.)². Указанные соглашения распространяются не только на торговлю товарами, но и включают ряд других областей: услуги, инвестиции, упрощение процедур торговли (электронный обмен данными, система «единого окна» для прохождения таможенных процедур), стандарты и технические нормативы, урегулирование споров и т.д.³

Если в сфере торговли в АСЕАН существует множество соглашений и инициатив, то процессу валютной интеграции пока не уделяется так много внимания. Как отмечалось выше, в принятом в 2007 г. Уставе АСЕАН переход на единую валюту и даже координация валютной политики стран-участниц не предусматривается. Однако, политические деятели и исследователи стран Юго-Восточной Азии не раз предлагали

¹ Roadmap for an ASEAN Community 2009-2015. Jakarta: ASEAN Secretariat, April 2009. 128 p.

² Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.

³ Потапов М. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // МЭМО. 2014. № 1. С. 42–52.

различные инициативы в сфере валютного сотрудничества. Обычно эти проекты охватывают страны «Большой тройки», а также Тайвань и Гонконг, не ограничиваясь членами АСЕАН.

Так, идея проекта по созданию единой азиатской валюты была выдвинута Махатхиром Мохамадом еще в 1997 г. – тогда речь шла о китайском юане¹. Несколько позднее аналогичную мысль озвучил бывший глава администрации Гонконга Дональд Цан (Donald Tsang). На саммите АСЕАН+3 в 1999 г. президент Филиппин Дж. Эстрада заявил, что в долгосрочном плане следует ориентироваться на введение общей валюты. Специалисты заговорили о том, что создание валютной единицы по образцу ЭКЮ 1970-х годов в ЕЭС могло бы стать шагом на пути к реализации данной стратегической установки. Кроме того, в 2001–2003 гг. ряд финансовых организаций региона начали целенаправленные исследования, связанные с формированием общей валюты для стран Восточной Азии. В этой работе участвовали Азиатский банк развития, Японский банк международного сотрудничества, ряд научно-исследовательских центров².

В 2004 г. Онг К.-Ё. (на тот момент Генеральный секретарь АСЕАН) отмечал важность введения единой валюты в странах-членах Ассоциации и считал, что конечной стадией развития Экономического сообщества АСЕАН должно быть создание валютного союза (по аналогии с ЕС)³. При этом он предполагал длительный период подготовки к введению общей валюты, в частности, путем создания единой системы платежей в АСЕАН и постепенный переход на расчеты национальными валютами по внешнеторговым сделкам внутри блока.

¹ Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация М.: ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.

² Суслов Д.В. Перспективы экономической интеграции в Восточной Азии / Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов (Тихоокеанская Россия – 2050): материалы международной научно-практической конференции (18–19 ноября, 2010 г.; г. Хабаровск): сборник статей / Российская академия наук, Институт экономических исследований. Хабаровск, 2011. 596 с. Деп. В ИНИОН РАН № 60994 от 28.07.2011.

³ Ong Keng Yong Towards ASEAN Financial Integration. Remarks by Secretary-General of ASEAN at the Economix 2004 Conference, University of Indonesia, Jakarta, 18 February 2004. URL: <http://www.asean.org/resources/2012-02-10-08-47-56/speeches-statements-of-the-former-secretaries-general-of-asean/item/towards-asean-financial-integration> (дата обращения: 18.11.2012).

В 2006 году Азиатский банк развития (АБР) предложил создать новое средство расчетов стран АСЕАН+3 – АКЮ (Asian Currency Unit, ACU). Концепция АКЮ походила на механизм функционирования европейского аналога или специальных прав заимствования, принятых в качестве учетной единицы в МВФ. Курс АКЮ определялся бы на основе «корзины региональных валют». По замыслу авторов проекта, она должна была использоваться не только как учетная единица, но и при торговых и финансовых сделках в регионе. Президент АБР Харухико Курода, правда, оговорился, что ее полноценное функционирование возможно только после превращения Восточной Азии в высоко интегрированный общий рынок, что, по его словам, «может занять несколько десятилетий»¹. Это потребует укрепления системы валютно-финансовых гарантий, развития фондовых рынков и увеличения взаимной торговли, а также гармонизации кредитно-денежной политики стран-членов АСЕАН+3.

Инициатива создания в Восточной Азии АКЮ, как уже отмечалось, существует не один год, данный вопрос периодически поднимается в ходе двусторонних и многосторонних встреч на высшем уровне. Тем не менее, реализация инициативы наталкивается на ряд противоречий как чисто экономического, так и политического характера. Одним из главных остается вопрос о структуре валютной корзины и долей в ней каждой из национальных валют.

Кроме того, государства региона не могут не понимать, что введение единой валютной единицы значительно снизит возможности манипуляции валютными курсами и использования их в качестве инструментов внешнеэкономической политики. Между тем, они активно используют данный инструмент для корректировки состояния торгового баланса и стимулирования накопления денежных резервов.

Несмотря на то, что ожидать активизации процессов валютной интеграции в регионе на сегодняшний день не приходится, идея привязки национальных валют стран Восточной Азии к какому-либо якорю (обычно к корзине валют) весьма популярна среди исследователей.

¹ Dent Ch. East Asia's Regionalism. London; N.Y., 2008. P. 165.

Например, в работе Э. Огава и др.¹ предлагается поэтапный переход к скоординированной валютной политике в регионе. На первом этапе все страны АСЕАН+3 переходят на индивидуальные корзины валют в качестве «якоря» для национальной валюты, на втором этапе осуществляется переход на общую корзину валют (АМЮ²).

Кастелл и др.³ и Майор и др.⁴ также рассматривают поэтапный переход от индивидуальных корзин валют к общей, однако, предполагают и третью стадию – введение единой валюты. При этом авторы первой работы ограничиваются "ядром" стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд) и "Большой тройкой" (Китай, Япония и Республика Корея), т.е. исследуют случай для 8 стран. Во второй работе сравниваются пять альтернатив валютного сотрудничества в регионе, среди которых долларизация, режим валютного правления, восточноазиатский долларовой стандарт (фиксация местных валют к курсу доллара США), валютная корзина из доллара США, евро и иены и единая валюта. В переходный период предусматривается использование корзины из трех вышеназванных валют, конечная цель – переход на общую валюту.

У. Вольц⁵, Е. Арапова⁶, Р. Аггарвал и К. Макли¹, Мун, Ри и Юн², Б. Эйхенгрин³, Дж. Уильямсон⁴ и В. Понтинес⁵ подразумевают привязку

¹ Ogawa E., Shimizu J. Progress toward a Common Currency Basket System in East Asia / RIETI Discussion Paper Series. 07-E-002. November 2006. 24 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/publications/dp/07e002.pdf> (дата обращения: 27.12.2013).

² АМЮ (AMU) – искусственная денежная единица, включающая 13 валют стран АСЕАН+3 (доли соответствующих валют в корзине рассчитываются с учетом торгового оборота с США и ЕС, а также объема ВВП по ППС), курс которой рассчитывается Исследовательским институтом экономики, торговли и промышленности (RIETI) с 2005 года. Доли в «корзине» АМЮ в настоящее время распределяются следующим образом: 41,46% приходится на CNY, 19,25% JPY, 9,73% KRW, 7,38% IDR, 4,97% MYR, 2,15% PHP, 5,19% THB, 0,24% BND, 0,25% KHR, 0,15% LAK, 0,43% MMK, 6,27% SGD и 2,51% VND.

³ Castell M.R.F., Tamangan R.J., Conchada M.I.P., Galang E., Garde M.P.M. and Intal P.S. Toward Greater Financial Stability in the Asia Region: Exploring Steps to Create Regional Monetary Units (RMU). Angelo King Institute for Economic and Business Studies (AKI). February 2007. 92 p.

⁴ Major L., Vital V., Castell M., Latoja M. and Intal P. Review, Assessment, and Comparison of Economic Surveillance and Policy Dialogue Systems. Report on "Economic Surveillance and Policy Dialogue in East Asia" for the ASEAN Secretariat. The De La Salle University, Manila, Philippines. June 2005. 67 p.

⁵ Volz U. Prospects for Monetary Cooperation and Integration in East Asia. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 338 p.

⁶ Арапова Е. Азиатская валютная единица: в поисках оптимальной структуры валютной корзины // МЭМО. 2015. № 1. С. 40–51.

восточноазиатских валют к единой корзине без каких-либо промежуточных этапов. Однако состав этой корзины у авторов не совпадает: Уильямсон, Аггарвал и Макли предлагают корзину валют, состоящую из доллара США, евро и японской иены, а Вольц, Арапова, Мун, Ри и Юн, Эйхенгрин и Понтинес считают, что она должна состоять исключительно из региональных валют (при этом Понтинес подразумевает АМЮ, Мун, Ри и Юн рассматривают 2 варианта корзин валют, а Арапова – пять).

Мун и Ри⁶ считают, что страны Юго-Восточной Азии стали настолько взаимозависимыми, что резкие колебания валютных курсов могут отрицательно сказаться не только на финансовом рынке, но и на объемах производства, торговли и ПИИ, особенно в тех случаях, когда валютные курсы движутся в направлениях, противоположных динамике фундаментальных макроэкономических показателей (например, при дефиците платежного баланса). Они предлагают создать в регионе что-то наподобие Европейского валютного союза, привязав региональные валюты к корзине, состоящей из местных валют. Привязку к корзине из доллара США, евро и иены они считают не лучшим вариантом.

К. Кавасаки⁷ предполагает не просто привязку региональных валют к единой корзине, а переход стран АСЕАН-5 (Малайзия, Индонезия, Филиппины, Таиланд и Сингапур) и «Большой тройки» на общую валюту. Однако он отмечает, что переход одновременно всех 8 исследуемых стран к общей валюте не приведет к положительным результатам.

¹ Aggarwal R. and Muckley C.B. Assessing Coordinated Asian Exchange Rate Regimes. University College Dublin. UCD Banking and Finance. Centre for Financial Markets Working Papers. WP-07-10. August 2007. 23 p.

² Moon Woosik, Rhee Yeongseop and Yoon Deokryong Regional Currency Unit in Asia: Property and Perspective. Korea Institute for International Economic Policy. October 2006. 30 p.

³ Eichengreen B. The Parallel Currency Approach to Asian Monetary Integration // American Economic Review. 2006. Vol. 96. May. Issue 2. 13 p.

⁴ Williamson J. A Currency Basket for East Asia, Not Just China / Institute for International Economics. PB 05-1. 2005. August. 13 p.

⁵ Pontines V. How Useful Is an Asian Currency Unit (ACU) Index for Surveillance in East Asia? / Asian Development Bank Institute. ADBI Working Paper Series. № 413. 2013. March. 31 p. URL: <http://www.adbi.org/files/2013.03.27.wp413.acu.index.surveillance.east.asia.pdf> (дата обращения: 28.12.2013).

⁶ Moon Woosik and Rhee Yeongseop Financial Integration and Exchange Rate Coordination in East Asia. // Fostering Monetary and Financial Cooperation in East Asia / ed. by Duck-Koo Chung and B. Eichengreen. World Scientific Publishing Co. Ltd., 2009. Chapter 4. P. 51–72.

⁷ Kawasaki K. Are the “ASEAN Plus Three” Countries Coming Closer to an OCA? / RIETI Discussion Paper Series. 12-E-032. 2012. May. 31 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/12e032.pdf> (дата обращения: 15.12.2013).

Кавасаки предполагает, что страны АСЕАН-5 могут сформировать зону с общей валютой вместе с Республикой Корея или Японией, либо с комбинацией из двух стран «Большой тройки» (Китай и Япония, Республика Корея и Япония или Китай и Республика Корея). Однако введение общей валюты, по мнению исследователя, в любом случае займет длительное время.

Еще ряд экономистов также предполагают введение в регионе единой валюты, однако, оценивают эту возможность с точки зрения теории оптимальных валютных зон. Так, Х. Хилл и Дж. Менон¹ считают, что переход стран АСЕАН на общую валюту не возможен ни в настоящее время, ни в отдаленном будущем. С ними согласен Р. Маккиннон², который считает, что лучшая альтернатива в области валютной интеграции для стран Восточной Азии – это долларовый стандарт, т.е. фиксация местных валют к курсу доллара США. Т. Баюми и П. Мауро³, Т. Баюми и Б. Эйхенгрин⁴, М. Пламмер⁵ также уверены, что сейчас члены Ассоциации не готовы к «европейскому пути» интеграции, однако, в будущем создание валютного союза возможно. При этом Пламмер считает, что это выполнимо только при участии стран «Большой тройки» в процессах валютной интеграции.

С. Мадхур⁶, Р. Фабелл⁷ и Х. Тагучи⁸ уверены, что страны Восточной Азии также готовы перейти на единую валюту, как были члены ЕС после подписания Маастрихтского договора. При этом Мадхур оценивает только

¹ Hill H. and Menon J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 69. December 2010. 44 p.

² McKinnon R. Optimum Currency Areas and the European Experience. Conference Paper. CNEM-LBS. 16 October 2001. 20 p.

³ Bayoumi T. and Mauro P. The Suitability of ASEAN for a Regional Currency Arrangement. IMF Working Paper. No. 162. December 1999. 24 p.

⁴ Bayoumi T. and Eichengreen B. One Money or Many? Analysing the Prospects for Monetary Unification in Various Parts of the World. Princeton Studies in International Finance. No. 76. September 1994. 52 p.

⁵ Plummer M.G. The ASEAN Economic Community and the European Experience. Asian Development Bank Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 1. July 2006. 17 p.

⁶ Madhur S. Costs and Benefits of a Common Currency for ASEAN. ERD Working Paper. No. 12. May 2002. 24 p.

⁷ Fabella R. Monetary Cooperation in East Asia: A Survey. Asia Development Bank. ERD Working Paper Series. No. 13. May 2002. 63 p.

⁸ Taguchi H. Feasibility of Currency Unions in Asia: An Assessment Using Generalized Purchasing Power Parity. Policy Research Institute, Ministry of Finance, Japan. Public Policy Review. Vol. 6. No. 5. June 2010. P. 859–872.

страны АСЕАН, Фабелла – Восточную Азию, а Тагучи – страны Восточной и Южной Азии. Первый автор считает, что выгоды от создания ОВЗ перевесят недостатки, второй – что с экономической точки зрения валютный союз может быть создан, однако, недостаток политической воли может свести этот проект на нет. Третий исследователь предполагает, что странам АСЕАН следует создать валютную зону с государствами Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка и Непал), а страны СВА-3 (Япония, Китай и Республика Корея) являются плохими кандидатами в участники ОВЗ.

Таким образом, большинство экономистов считают, что единая валютная политика (в различных вариантах) более всего подходит пяти членам АСЕАН (Индонезии, Малайзии, Филиппинам, Таиланду и Сингапуру) и странам «Большой тройки».

Упомянутые выше многочисленные академические исследования и политические предложения все-таки находят практическое применение. Так, в апреле 2010 г. на встрече глав центральных банков стран АСЕАН было решено создать рабочий комитет по платежной и расчетной системе АСЕАН (WC PSS)¹. Однако расчеты в единой валюте пока не предусматриваются. Цель разработки системы – создание интегрированной, безопасной и эффективной платежной системы в регионе².

Хотя региональные инициативы в области валютной интеграции в АСЕАН пока не созданы, основа для ее развития заложена в следующих финансовых соглашениях и инициативах (некоторые из них распространяются на страны Восточной Азии и Тихого океана):

- Встречи министров финансов стран АСЕАН (AFMM);
- Процесс надзора в АСЕАН (ASP);
- Дорожная карта по валютной и финансовой интеграции в АСЕАН (RIA-Fin);

¹ Предложение Генерального секретаря АСЕАН Онг К.-Ё.

² The Road to ASEAN Financial Integration: A Combined Study on Assessing the Financial Landscape and Formulating Milestones for Monetary and Financial Integration in ASEAN. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2013. 34 p.

- Схема интеграции банковского сектора АСЕАН (ABIF);
- Многосторонняя Чиангмайская инициатива (CMIM);
- Инициатива азиатского рынка облигаций (ABMI);
- Азиатские фонды облигаций;
- Совещание руководителей центральных банков стран Восточной Азии и Тихого океана (EMEAP).

Встречи министров финансов стран АСЕАН начали проводиться в 1997 г. в связи с разразившимся в регионе финансовым кризисом. Они стали площадкой для совместного обсуждения односторонних или коллективных мер по противодействию потенциальным угрозам для экономик стран-участниц. Другие финансовые инициативы (ASP, RIA-Fin, ABIF) были одобрены и подписаны именно в ходе встреч министров финансов стран АСЕАН.

Процесс надзора в АСЕАН представляет собой механизм для консультаций по вопросам экономической и монетарной политики (создан в октябре 1998 г. для предотвращения финансового кризиса). Он включает в себя мониторинг макроэкономических показателей (не только стран АСЕАН, но и глобальных) и форум министров финансов. ASP служит в качестве механизма раннего предупреждения.

Дорожная карта по валютной и финансовой интеграции в АСЕАН одобрена и подписана на встрече министров финансов стран АСЕАН в 2003 г. (Манила, Филиппины). В ней определены подходы и этапы в следующих сферах, ключевых для финансовой и валютной интеграции:

- развитие рынка капитала;
- либерализация счета движения капитала;
- либерализация рынка финансовых услуг;
- валютная кооперация в АСЕАН (хотя конкретные механизмы не указаны).

Схема интеграции банковского сектора АСЕАН – одна из последних инициатив в области финансовой и валютной интеграции в АСЕАН. Она была подписана в 2013 г. и одобрена в декабре 2014 г. на встрече глав центральных банков стран АСЕАН. Ее цель – создание интегрированного

рынка банковских услуг, в том числе путем образования системы квалифицированных банков АСЕАН (QABs), которые смогут осуществлять деятельность на территории всего региона ЮВА.

Совещание руководителей центральных банков стран Восточной Азии и Тихого океана состоит из 11 центральных банков Австралии, Китая, Гонконга, Индонезии, Японии, Республики Корея, Малайзии, Новой Зеландии, Филиппин, Сингапура и Таиланда. Участниками Азиатских фондов облигаций являются 8 стран ЕМЕАР (за исключением Японии, Австралии и Новой Зеландии). Инициатива азиатского рынка облигаций и Многосторонняя Чиангмайская инициатива объединяют 13 стран АСЕАН+3. Именно СММ рассматривается многими экономистами как основа для дальнейшей интеграции в валютной сфере. Как отмечалось ранее (параграф 1.2), Инициатива представляет собой систему своп-линий, необходимых для проведения валютных интервенций.

Таким образом, институциональное оформление процессов интеграции в АСЕАН началось с момента ее создания, однако, большинство деклараций 60-х, 70-х и 80-х гг. XX в. не содержали конкретного плана действий и санкций за его невыполнение. Поэтому до начала 90-х гг. XX в. взаимозависимость стран-членов АСЕАН оставалась на низком уровне. В 1992 г. было подписано соглашение о создании АФТА, а в 1997–1998 гг. разразился азиатский финансовый кризис. Эти события активизировали не только торговое, но и финансовое сотрудничество в рамках Ассоциации.

В 2007 г. был принят Устав АСЕАН, содержащий амбициозные планы по углублению интеграционных процессов. Меры по дальнейшему развитию торговой и финансовой интеграции прописаны в нем довольно подробно, однако, перспективы валютной интеграции упоминаются лишь вскользь. К настоящему времени не принято ни одного важного документа, касающегося валютной интеграции, хотя существует ряд финансовых инициатив, способных стать ее основой (например, Многосторонняя Чиангмайская инициатива).

В то же время высокая степень торговой взаимозависимости является предпосылкой для развития интеграционных процессов в валютной сфере. Поэтому далее будет исследован уровень торговой взаимозависимости стран АСЕАН.

2.2. Торговая интеграция

Внешняя торговля стран Восточной Азии развивалась в последнее десятилетие очень быстрыми темпами: совокупный товарный экспорт стран АСЕАН увеличился в 2013 г. по сравнению с 2000 г. почти в 3 раза, импорт – в 3,3 раза. Однако в 2009 г. почти у всех стран региона наблюдалось резкое снижение объемов экспорта и импорта, вызванное последствиями мирового финансового кризиса (рис. 2.1).

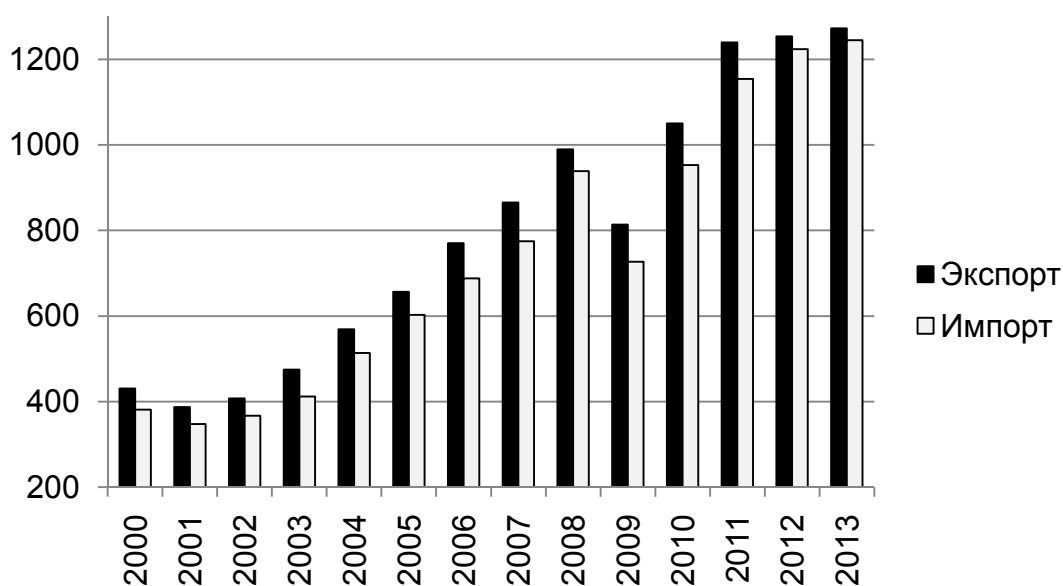

Рисунок 2.1 – Товарный экспорт и импорт стран АСЕАН в 2000–2013 гг., млрд долл. США

Источник: составлено по данным UNCTAD Statistics Database.

Несмотря на то, что импорт исследуемых стран рос быстрее экспорта (средние темпы прироста импорта товаров за 2000–2013 гг. составили 10,5%, экспорта – 9,5%), сальдо внешнеторгового оборота оставалось положительным на протяжении всего рассматриваемого периода.

Наибольшие темпы роста характерны для товарооборота стран АСЕАН с Китаем и Республикой Корея, которые входят в десятку основных торговых партнеров для всех исследуемых стран. Так, экспорт государств-членов АСЕАН в Китай вырос за 14 лет (2000–2013 гг.) в 9,0 раз, в Корею – в 2,9 раза, а импорт товаров – в 14,1 и 4,1 раза соответственно¹. Для многих региональных экспортеров Китай стал основным рынком сбыта, куда они поставляют детали и узлы для дальнейшей обработки, переработки, сборки и вывоза за рубеж.

Торговые потоки с Японией увеличивались не столь быстрыми темпами, как с Китаем или Республикой Корея: экспорт АСЕАН в Японию вырос почти в 2 раза, импорт – в 1,6 раза (за аналогичный период). Однако Японии по-прежнему принадлежит важная роль в углублении регионального разделения труда посредством создания трансграничных производственных цепочек, в первую очередь, в автомобильной и электронной промышленности.

На Японию, Китай и Республику Корея приходится почти треть товарного экспорта участников АСЕАН, причем их совокупная доля увеличилась с 23,2% в 2000 г. до 29,1% в 2013 г. (рис. 2.2).

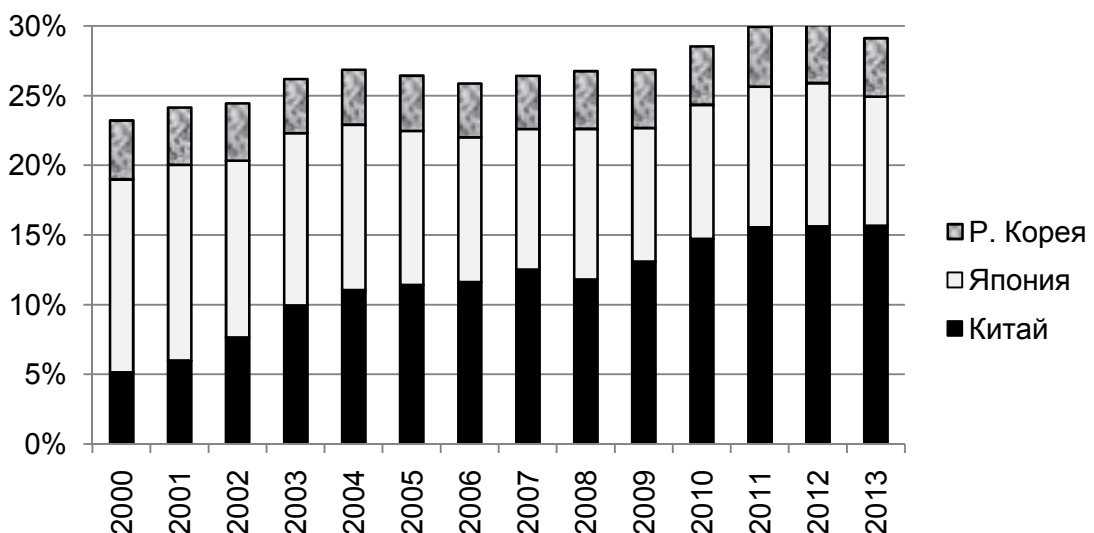

Рисунок 2.2 – Доля Японии, Китая и Республики Корея в товарном экспорте стран АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

¹ Рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Доля Республики Корея за исследуемый период практически не изменилась, в то время как удельный вес Японии в товарном экспорте стран АСЕАН уменьшился с 13,8% в 2000 г. до 9,3% в 2013 г. при одновременном увеличении доли Китая – с 5,2% до 15,7%.

Удельный вес стран «Большой тройки» в товарном импорте государств-участников АСЕАН также увеличился за рассматриваемый период: с 27,8% в 2000 г. до 35,1% в 2013 г. (рис. 2.3).

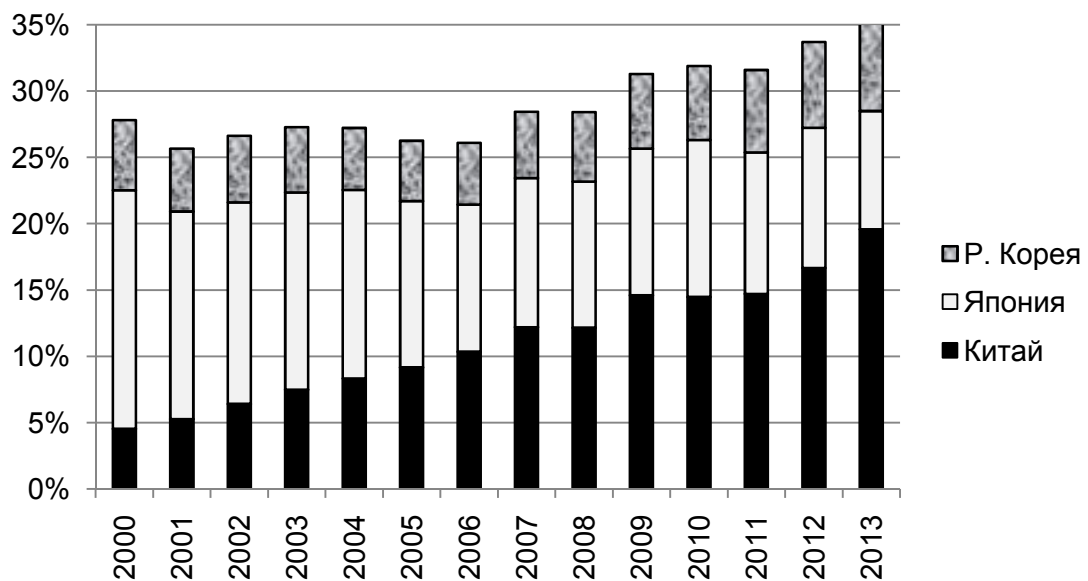

Рисунок 2.3 – Доля Японии, Китая и Республики Корея в товарном импорте стран АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

При этом для импорта характерны те же тенденции, что и для экспорта: доля Республики Корея составляла в среднем 5,3% (практически не меняясь за период), роль Японии значительно снизилась (ее доля упала с 18,0% до 8,9%), а Китая возросла (увеличение доли с 4,6% до 19,6%).

При росте удельного веса Японии, Республики Корея и Китая в товарообороте стран АСЕАН одновременно происходило снижение доли двух других ключевых партнеров исследуемого интеграционного блока – США и Евросоюза (рис. 2.4 и 2.5).

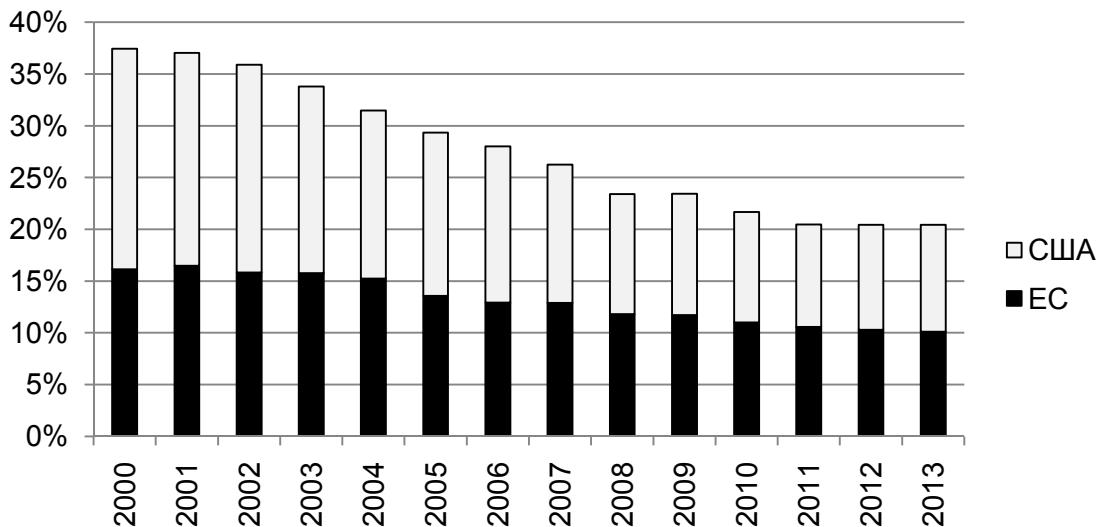

Рисунок 2.4 – Доля ЕС и США в товарном экспорте стран АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Так, совокупная доля США и ЕС в товарном экспорте стран Юго-Восточной Азии снизилась с 37,4% в 2000 г. до 20,4% в 2013 г. (хотя стоимостные объемы экспорта товаров в ЕС увеличились в 1,9 раза, а в США – в 1,4 раза). Удельный вес Европы и Америки в товарном импорте стран АСЕАН за аналогичный период упал с 22,6% до 15,0% (при росте стоимостных объемов поставок из ЕС в 2,8 раза, из США – в 1,7 раза).

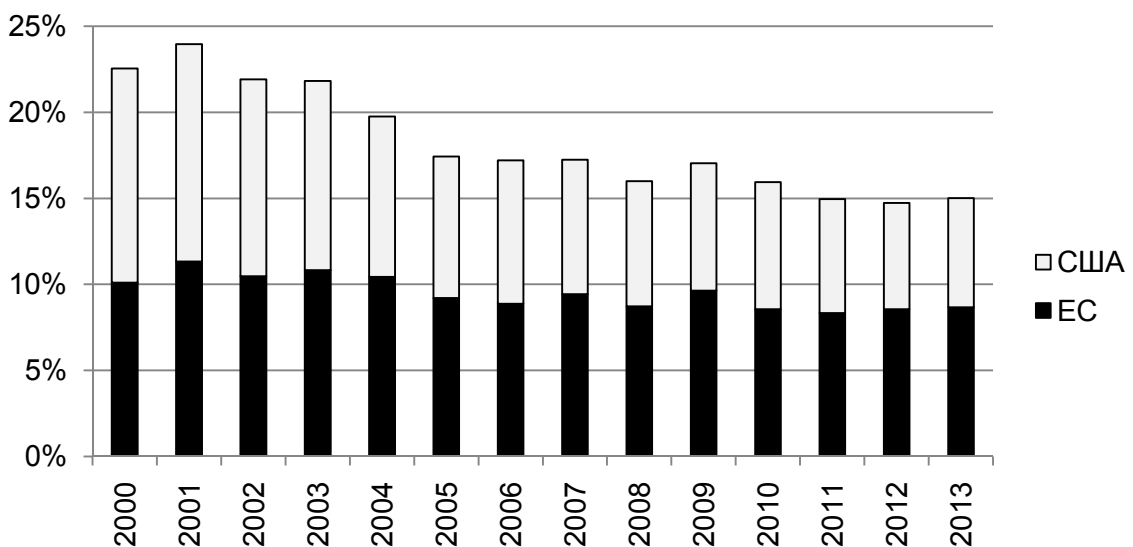

Рисунок 2.5 – Доля ЕС и США в товарном импорте стран АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

При этом происходило снижение доли и ЕС, и США (за счет роста удельного веса Китая) в обороте внешней торговли стран АСЕАН. Так, удельный вес США в товарном экспорте упал с 21,3% в 2000 г. до 10,3% в 2013 г., а ЕС – с 16,1% до 10,1%. Их доли в импорте товаров снизились с 12,4% до 6,3% (США) и с 10,1% до 8,7% (Евросоюз).

Таким образом, на пять вышеназванных территорий приходится примерно половина внешнеторгового оборота стран АСЕАН. Что касается торговли внутри исследуемого интеграционного блока, то ее удельный вес составляет 24,3% по экспорту товаров и 23,0% по импорту (в среднем за исследуемый период). При этом доля внутрирегионального экспорта увеличилась с 22,5% до 25,3% за рассматриваемый период, а импорта товаров внутри блока – снизилась с 21,8% до 21,6% (рис. 2.6).

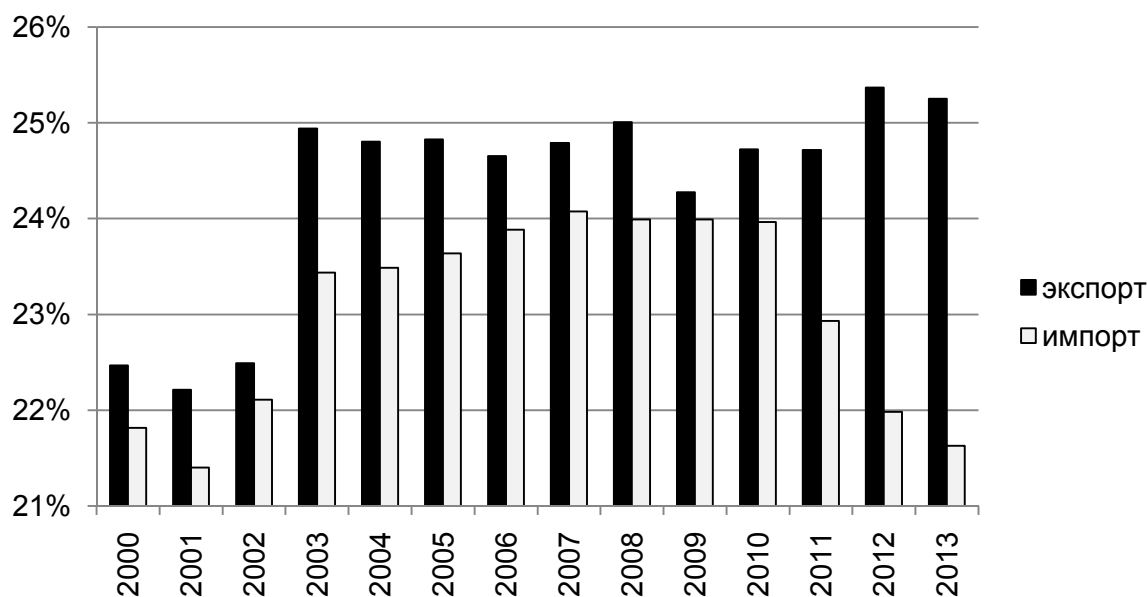

Рисунок 2.6 – Доля внутрирегиональной торговли в АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

На первый взгляд такое увеличение доли товарного экспорта кажется незначительным изменением, кроме того, значение данного показателя у Европейского союза существенно выше (62%)¹, однако, не стоит забывать, что в ЕС входят 28 стран-участниц и интеграционные процессы в Европе развивались с 50-х гг. XX в. Следует также заметить,

¹ Eurostat International trade database.

что динамика и экспорта, и импорта внутри исследуемой интеграционной группировки была нестабильной в период с 2000 по 2013 гг., однако, для экспорта товаров в целом наблюдается положительный тренд, а для импорта – смена тренда с положительного на отрицательный (после 2007 г.).

Анализ динамики внутрирегиональной торговли по отдельным странам-участницам исследуемого блока свидетельствует о том, что третьи страны играют во внешней торговле членов АСЕАН гораздо более важную роль, чем партнеры по интеграционной группировке (рис. 2.7).

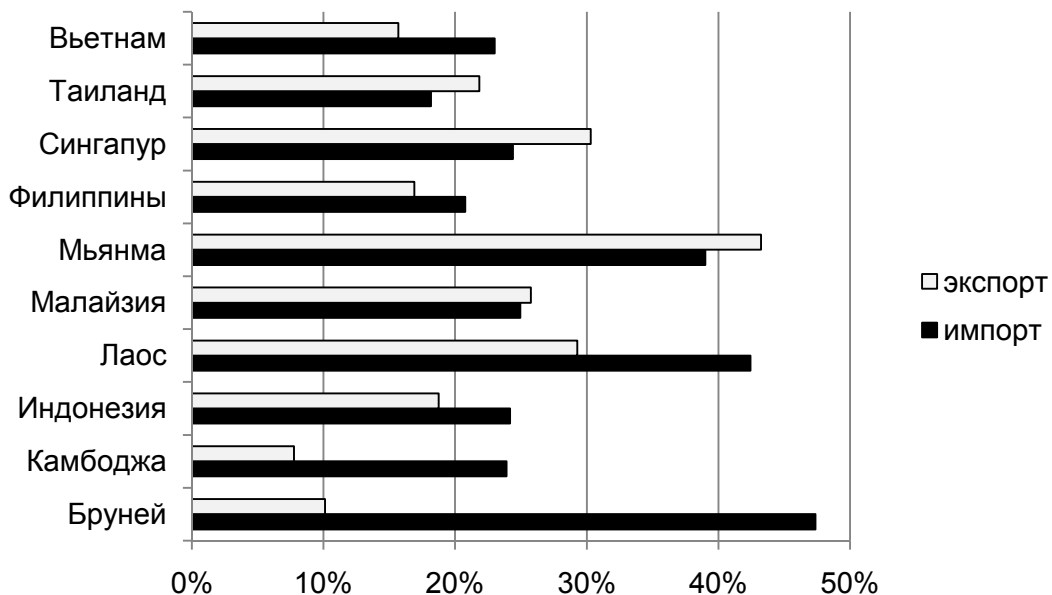

Рисунок 2.7 – Доля внутрирегиональной торговли по странам-членам АСЕАН в среднем за период 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database, International Trade Center Database и UN COMTRADE Database.

Так, наибольшая доля внутренних импортных товарных потоков в среднем за рассматриваемый период характерна для Брунея, Лаоса и Мьянмы (47,4%, 42,4% и 39,0% соответственно); экспортных – для Мьянмы, Сингапура и Лаоса (43,3%, 30,3% и 29,3% соответственно). Следовательно, наиболее зависимы от товарных поставок внутри интеграционного объединения две наименее развитые страны-участницы АСЕАН (Лаос и Мьянма).

При этом у четырех членов АСЕАН из десяти доля товарного импорта из стран-партнеров по объединению снизилась за рассматриваемый период: это Сингапур, Вьетнам, Камбоджа и Мьянма, т.е. три из четырех наименее развитых участников АСЕАН стали более зависимы от импорта из третьих стран, чем от поставок внутри региона. По экспорту товаров такая тенденция характерна только для Вьетнама.

Примечательно, что структура товарного экспорта и импорта Мьянмы и Камбоджи отличается от других стран Ассоциации: помимо обработанной нефти Мьянма импортирует бульдозеры и суда, а Камбоджа – вязаные, шерстяные и синтетические ткани. Мьянма экспортирует нефтяной газ, драгоценные и полудрагоценные камни (кроме алмазов) и сушеные овощи. Основные экспортные товары для Камбоджи – почтовые марки, мужская и женская одежда и обувь¹. При этом основу экспорта и импорта остальных членов АСЕАН составляют обработанная и необработанная нефть, нефтяной газ, электронные схемы, компьютеры, комплектующие к ним и телекоммуникационное оборудование (в основном телефоны)².

Если проанализировать динамику товарных потоков внутри исследуемого интеграционного блока с 1971 г. по 2013 г., т.е. практически с момента образования АСЕАН, то станет очевидным, что доля внутрирегионального импорта за годы существования блока выросла у всех стран-членов Ассоциации (рис. 2.8). Так как соглашение о создании зоны свободной торговли в АСЕАН было подписано в 1992 г., далее сопоставляются два периода: до (1971-1992 гг.) и после (1993-2013 гг.) создания ЗСТ в регионе.

Доля внутрирегионального импорта (средние значения за период) по объединению в целом выросла в 1993-2013 гг. по сравнению с 1971-1992 гг. в 1,2 раза (с 26,4% до 30,4%). Если разбить исследуемый интеграционный блок на две подгруппы (АСЕАН-6³ и АСЕАН-4¹), то

¹ Дёмина Я.В. Торговые эффекты инвестиционной политики в наименее развитых странах АСЕАН // Исследования молодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 179–183.

² По данным UN COMTRADE Database.

³ Под АСЕАН-6 понимаются Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд.

обнаружится, что зависимость стран второй подгруппы от импорта из государств-партнеров по Ассоциации выше, чем у первой, более развитой. Так, у стран АСЕАН-4 доля внутрирегионального импорта во втором периоде по сравнению с первым выросла в 1,5 раза (с 26,4% до 39,5%), а у АСЕАН-6 - также в 1,5 раза, но с 15,8% до 24,3%.

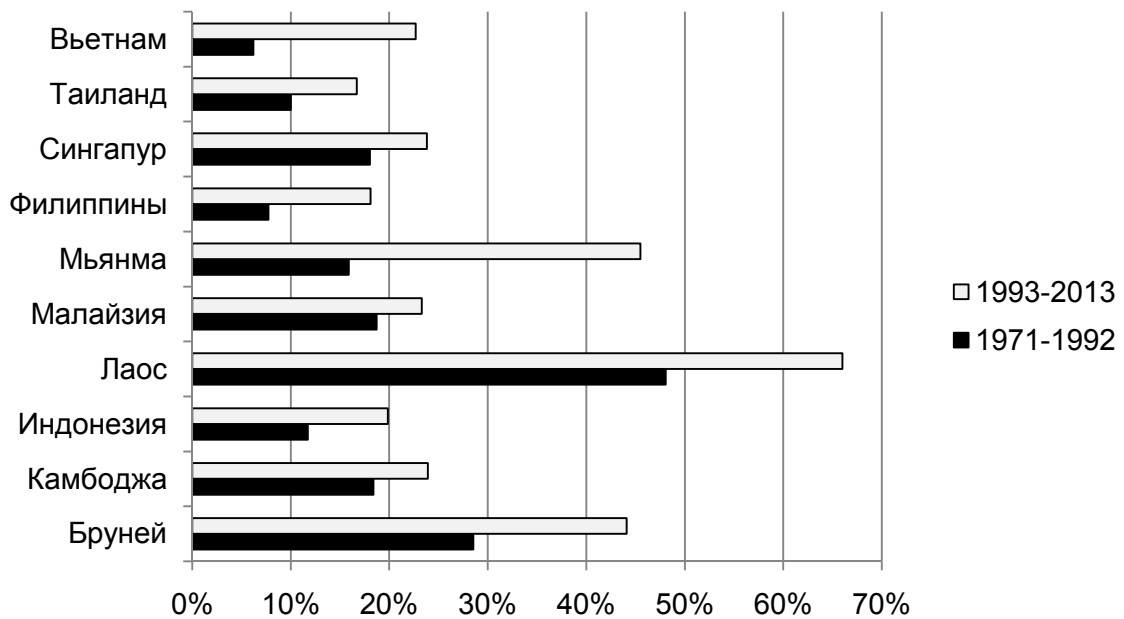

Рисунок 2.8 – Доля импорта из стран-членов АСЕАН, 1971–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано автором по данным UN COMTRADE Database.

В отличие от импорта, доля внутрирегионального товарного экспорта снизилась у четырех членов Ассоциации из десяти после создания ЗСТ (рис. 2.9). К ним относятся: Бруней, Камбоджа, Малайзия и Мьянма. Причем наибольшее снижение удельного веса стран-партнеров по АСЕАН в товарном экспорте характерно для Брунея и Мьянмы (с 87,3 до 15,4% и с 92,7 до 39,2% соответственно). В среднем по объединению доля внутрирегионального товарного экспорта снизилась в 1993-2013 гг. по сравнению с 1971-1992 гг. в 1,3 раза (с 30,5 до 23,3%).

¹ Под АСЕАН-4 понимаются Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма.

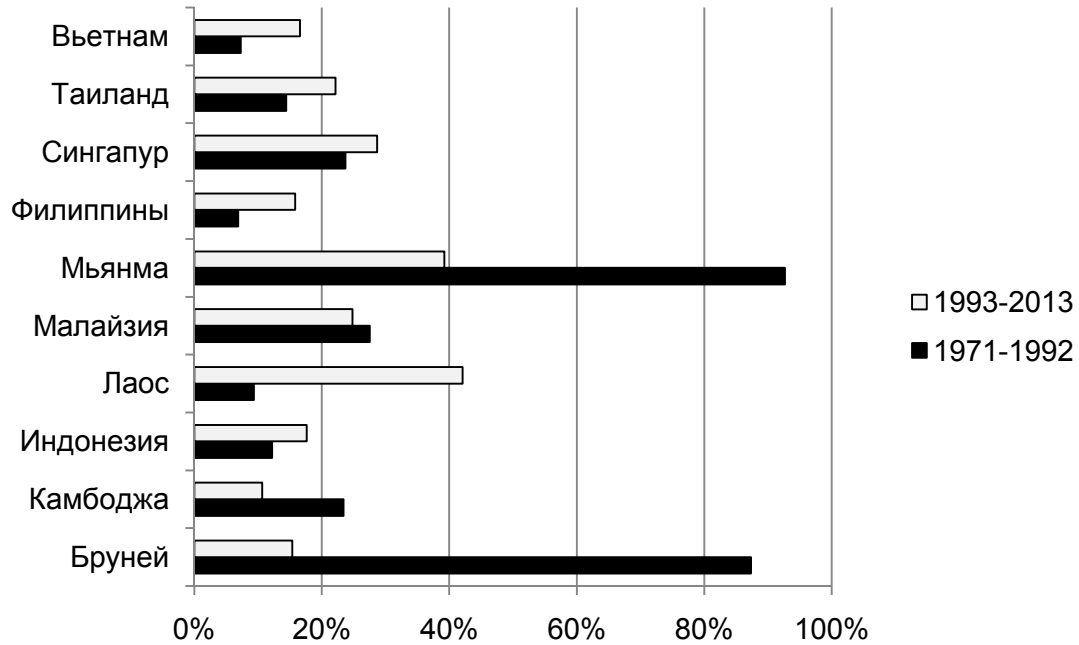

Рисунок 2.9 – Доля экспорта в страны-члены АСЕАН, 1971–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

В разрезе выделяемых подгрупп также произошло падение данного показателя: в 1,4 раза у АСЕАН-6 (с 28,7 до 20,7%) и в 1,2 раза у АСЕАН-4 (с 33,2 до 27,1%). При этом менее развитая часть участников блока более зависима от поставок на внутренние рынки, чем страны АСЕАН-6 (аналогично импортным товарным потокам).

В качестве меры торговой взаимозависимости интеграционного блока помимо долей внутрирегионального экспорта и импорта также используется индекс интенсивности региональной торговли (Regional Trade Intensity Index – RTII)¹. Он рассчитывается по формуле:

$$RTII = \frac{X_{ijt} + M_{ijt}}{X_{jt} + M_{jt}} / \frac{X_{jt} + M_{jt}}{X_{wt} + M_{wt} - (X_{jt} + M_{jt})}, \quad (2.1)$$

где X_{ijt} – экспорт страны i в регион j (в нашем случае – во все страны АСЕАН) в год t ; M_{ijt} – импорт страны i из региона j в год t ; X_{jt} – совокупный экспорт региона j в год t ; M_{jt} – совокупный импорт региона j в год t ; X_{wt} – мировой экспорт в год t ; M_{wt} – мировой импорт в год t ;

¹ Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 60–72.

Объемы экспорта и импорта берутся в стоимостном выражении в долл. США по текущему курсу. Если значение индекса равно 1, страны-участницы блока торгуют между собой с той же интенсивностью, что и с остальным миром. Если значение показателя превышает 1, наблюдается "крен" в сторону партнеров по интеграционному блоку (региону), т.е. присутствуют региональные предпочтения.

Как свидетельствуют данные таблицы 2.1, наиболее интенсивно внешняя торговля товарами с партнерами по АСЕАН осуществляется Сингапуром. У остальных стран-участниц блока индекс интенсивности региональной торговли не превышает 1, причем значения индекса для Камбоджи, Лаоса, Мьянмы и Брунея находятся в пределах 0,01–0,05, т.е. интенсивность региональной торговли для Сингапура превышает их показатели почти в сотню раз.

Таблица 2.1 – Индекс интенсивности региональной торговли в АСЕАН, 2000–2013 гг.

Страна	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
АСЕАН-6	3,19	3,62	3,57	3,66	3,57	3,39	3,22	3,14	3,08	3,05
Сингапур	1,32	1,56	1,57	1,59	1,50	1,39	1,27	1,23	1,17	1,15
Индонезия	0,32	0,42	0,41	0,45	0,56	0,52	0,52	0,56	0,54	0,53
Бруней	0,01	0,01	0,03	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,03
Малайзия	0,85	0,83	0,80	0,81	0,73	0,71	0,68	0,64	0,65	0,66
Таиланд	0,46	0,59	0,57	0,59	0,59	0,59	0,55	0,56	0,56	0,57
Филиппины	0,22	0,21	0,20	0,21	0,18	0,17	0,20	0,14	0,14	0,13
АСЕАН-4	0,17	0,24	0,26	0,31	0,33	0,32	0,27	0,29	0,24	0,25
Камбоджа	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
Лаос	н.д.	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	н.д.	н.д.
Мьянма	0,03	0,03	0,04	0,05	0,05	0,05	0,04	0,05	н.д.	н.д.
Вьетнам	0,13	0,19	0,21	0,24	0,25	0,23	0,19	0,21	0,22	0,22
АСЕАН	3,36	3,86	3,84	3,97	3,90	3,71	3,49	3,42	3,31	3,30

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database и UNCTAD Statistics Database.

Суммарный показатель стран АСЕАН-4 в 12 раз меньше, чем совокупная величина индекса интенсивности региональной торговли для стран АСЕАН-6. Хотя для всех стран АСЕАН-4 характерна положительная динамика данного показателя (среди стран АСЕАН-6 рост отмечен только

для Индонезии, Брунея и Таиланда), они по-прежнему больше ориентированы на рынки третьих стран, чем партнеров по объединению.

Частично это объясняется тем, что беспошлинная торговля пока осуществляется только между странами АСЕАН-6 и Вьетнамом, остальные страны должны перейти к ней до 2018 г. (к концу 2015 г. Лаос и Мьянма, к началу 2018 г. – Камбоджа). Причем полная отмена пошлин у «шестерки» произошла только в 2010 г., а у Вьетнама – в 2013 г.

Соотношение внутрирегионального и внерегионального экспорта и импорта товаров объясняется в основном не отменой импортных пошлин, а развитием сети трансграничных производственных комплексов. Как отмечалось выше, важная роль в этом процессе принадлежит Японии. В последние 20 лет Китай, Республика Корея и Тайвань также стали переносить производства в страны Юго-Восточной Азии. Кроме того, активизировалось инвестиционное сотрудничество в рамках самой интеграционной группировки. Таким образом, структура и объемы внешней торговли стран АСЕАН существенно зависят от потоков прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

Страны ЮВА привлекают потоки прямых иностранных инвестиций весьма успешно. Так, их совокупный объем в странах АСЕАН достиг 122,0 млрд долл. в 2013 г., увеличившись в 5,2 раза по сравнению с 2000 г.¹ Динамика притока ПИИ в регион не была стабильной: в 2003–2007 гг. и 2010–2013 гг. наблюдался стремительный рост, а в 2000–2002 г. и 2008–2009 гг. – спад. Среди лидеров по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций в 2013 г. можно отметить Сингапур, Индонезию и Таиланд (60,6 млрд долл., 18,4 млрд долл. и 13,0 млрд долл. соответственно).

При этом основными инвесторами в экономику АСЕАН в 2013 г. являлись ЕС (22,0%), Япония (18,7%), страны АСЕАН (17,5%), Китай

¹ Дёмина Я.В. Финансовые рынки стран АСЕАН // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVII краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 15–23 января 2015 г. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2015. С. 5–9.

(7,1%) и Гонконг (3,7%). В первую десятку также вошли США, Республика Корея, Австралия, Тайвань и Индия¹.

Если рассматривать динамику потоков прямых иностранных инвестиций между странами блока, то их объем за период с 2000 по 2013 гг. вырос в 28 раз – с 0,8 до 21,3 млрд долл. США² (табл. 2.2). Динамика внутрирегиональных ПИИ также не была стабильна: в 2003 г. и 2008–2009 гг. был отмечен спад, а в 2010–2013 гг. наблюдался стремительный рост. Лидером по объему привлеченных ПИИ из стран-партнеров по АСЕАН в 2013 г. являлась Индонезия (8,7 млрд долл.). За ней следуют Сингапур (5,7 млрд долл.) и Малайзия (2,2 млрд долл.).

Таблица 2.2 – Приток прямых иностранных инвестиций из стран-партнеров по АСЕАН, 2000–2013 гг., млн долл. США

Страна	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Бруней	11	19	10	62	1	3	90	68	32	-73
Камбоджа	0	129	156	271	241	174	349	224	523	299
Индонезия	-233	883	1354	1108	3398	1380	5904	8335	7588	8721
Лаос	14	7	11	100	48	57	135	75	74	н.д.
Малайзия	258	721	462	3780	1646	-270	526	2664	2814	2188
Мьянма	74	38	71	94	103	68	172	85	151	1187
Филиппины	125	13	-43	6	140	-5	-8	-74	145	-42
Сингапур	-79	984	1048	1168	660	2108	3377	386	8411	5706
Таиланд	389	1101	4627	2489	508	1326	434	-51	-342	1257
Вьетнам	202	165	182	546	2705	429	1301	517	1263	2079
АСЕАН	761	4060	7878	9624	9450	5270	12280	15228	20658	21322

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database и UNCTAD Statistics Database.

Доля внутрирегиональных потоков в общем объеме привлеченных странами АСЕАН ПИИ достаточно скромна – она составила 13,9% в среднем за исследуемый период, увеличившись с 3,2% в 2000 г. до 17,5% в 2013 г. (рис. 2.10). Наименьший показатель был отмечен в 2000 г., наибольший – в 2002 г. (22,1%). Как уже отмечалось выше, доля внутрирегиональной торговли незначительно превышает показатели для потоков прямых иностранных инвестиций.

¹ ASEAN Statistics Database.

² Рассчитано по данным UNCTAD Bilateral Foreign Direct Investment Statistics Database, ASEAN Statistics Database.

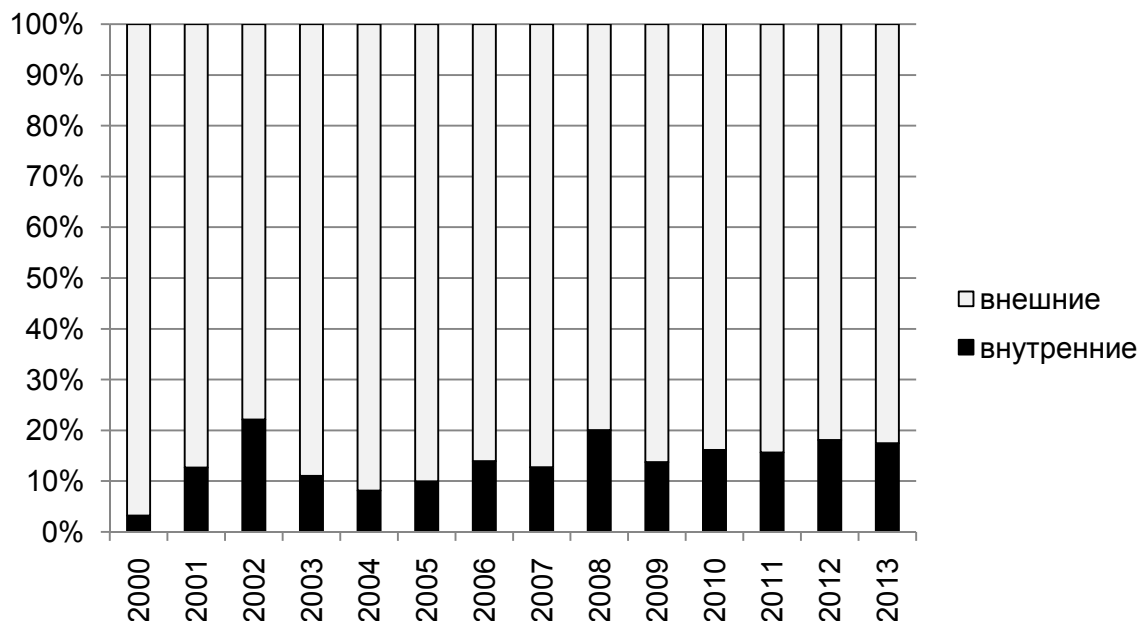

Рисунок 2.10 – Соотношение внутрирегиональных и внерегиональных потоков прямых иностранных инвестиций, привлеченных в страны АСЕАН в 2000–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Bilateral FDI Statistics Database, ASEAN Statistics Database.

Лидерами по объему привлеченных из «внешних» стран ПИИ в 2013 г. были Сингапур (54,9 млрд долл. США), Таиланд (11,7 млрд долл. США) и Малайзия (10,1 млрд долл. США). При этом Индонезия незначительно уступает Таиланду – 9,7 млрд долл. США (табл. 2.3).

Таблица 2.3 – Приток прямых иностранных инвестиций из стран вне АСЕАН, 2000–2013 гг., млн долл. США

Страна	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Бруней	539	269	424	198	238	367	540	1141	833	981
Камбоджа	149	252	328	596	574	365	434	668	1034	976
Индонезия	-4317	7453	3560	5820	5920	3497	7400	1090	1155	9723
Лаос	20	21	177	223	180	261	197	392	221	н.д.
Малайзия	3530	3343	5611	4758	5603	1651	8630	9337	6586	10110
Мьянма	134	198	357	621	872	896	279	1974	1203	1434
Филиппин	2114	1841	2964	2910	1404	1968	1721	1890	2652	3902
Сингапур	1656	1447	2830	3586	7929	1317	3214	4608	5140	54939
Таиланд	2961	6947	4833	8841	8031	3650	5886	3912	1104	11743
Вьетнам	1086	1856	2218	6193	6874	7171	6699	6002	7106	6821
АСЕАН	2278	3665	4877	6602	3762	3299	6392	8231	9362	10062

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Bilateral FDI Statistics Database, ASEAN Statistics Database.

Следовательно, для инвесторов из третьих стран наиболее привлекательны те же государства, что и для инвесторов из стран-участниц АСЕАН.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что за два десятилетия с момента создания АФТА (1992 г.) страны АСЕАН продемонстрировали рост взаимозависимости в торговой и инвестиционной сферах. Однако для них по-прежнему сохраняется доминирующая роль третьих стран в качестве экспортных рынков, поставщиков товаров и технологий и основных инвесторов.

Так, при сопоставлении данных за два периода – до и после подписания соглашения – становится явным, что создание ЗСТ слабо повлияло на динамику внутрирегиональных и внерегиональных товаропотоков участниц рассматриваемого блока, так как переход к беспошлинной торговле со всеми странами-партнерами по Ассоциации еще не завершен. Наибольшее влияние на структуру и направления товарных потоков стран АСЕАН оказывает приток прямых иностранных инвестиций, львиная доля которых (86,1% в среднем за 2000–2013 гг.) поступает из стран остального мира.

Низкая интенсивность торговых связей стран АСЕАН препятствует развитию форм валютной интеграции в регионе, однако, не делает ее невозможной.

2.3. Политика валютных курсов и возможности ее координации

Если говорить о валютной интеграции в регионе, то значимых действий в данной сфере до сих пор предпринято не было. Для стран Юго-Восточной Азии по-прежнему не характерно единство в вопросе выбора режима валютного курса: они применяют на практике всевозможные виды. Согласно данным МВФ, по состоянию на конец октября 2014 г., в восьми странах региона из десяти применялись в том или ином варианте фиксированные валютные курсы, т.е. валютные режимы, основанные на привязке денежных единиц к «якорным валютам»

других стран или составным, включающим несколько валют, средневзвешенным валютным корзинам.

Как отмечалось ранее (параграф 1.2), МВФ разделяет указанные валютные режимы на «жесткие» и «мягкие». В числе стран, практикующих жесткую привязку (*hard peg*), – Бруней, установивший у себя систему «валютного управления». При этом брунейский доллар привязан к сингапурскому доллару.

Валютные режимы, характеризуемые МВФ как мягкая привязка (*soft peg*), включают ряд разновидностей:

- поддержка валюты на установленном уровне не путем принятия какого-либо юридического акта, а по факту – с помощью систематически проводимых и целенаправленных рыночных интервенций (*stabilized arrangement*) – Вьетнам и Сингапур;
- устройство, подобное скользящей привязке (*crawl-like arrangement*), например, наклонный валютный коридор, – Лаос;
- управляемые властями валютные режимы, не имеющие четкого единообразного определения (*other managed arrangements*), – Камбоджа, Малайзия и Мьянма¹.

Наконец, на Филиппинах, в Таиланде и Индонезии валютные курсы являются управляемо плавающими (*floating*), но без обязательства поддерживать какие-либо заранее установленные уровни.

Стоит отметить, что для стран Юго-Восточной Азии также характерна частая смена режимов валютного курса². Так, за период с 2000 по 2014 гг. только Бруней не менял его (Камбоджа, Вьетнам и Лаос сохраняли мягкую привязку к доллару США с 2002 по 2014 гг., данные за 2000 и 2001 гг. по ним отсутствуют), Малайзия сменила жесткую привязку к доллару США на мягкую, Сингапур сменил плавающий валютный курс на

¹ Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2014. International Monetary Fund. October 2014. 109 p. Данные Фонда основаны на оценках его экспертами реально (*de facto*) существующих валютных механизмов – оценках, которые во многих случаях расходятся с официально заявленными властями режимами. Естественно, что при использовании подобной методологии классификация валютных режимов имеет в известной мере условный характер. К тому же МВФ время от времени пересматривает эту классификацию, что затрудняет сопоставление данных за разные периоды времени.

² Подразумеваются фактически практикуемые режимы валютных курсов (по классификации МВФ).

мягкую привязку к корзине валют (состав которой не раскрывается), Филиппины и Таиланд – наоборот, перешли от мягкой привязки к плавающему режиму валютного курса, в Мьянме применяется двойной валютный курс – официальный и параллельный. Официальный валютный курс жестко привязан к СДР (в соотношении 8,5 ММК¹ к 1) с 1977 г. и используется для проведения расчетов компаниями, находящимися под контролем государства². Параллельный курс складывается на валютном рынке и применяется для транзакций частных компаний.

На выбор странами АСЕАН режима валютного курса и проведение валютной политики в целом существенное влияние оказали азиатский кризис 1997 г. и недавний мировой финансовый кризис. В 90-е гг. XX в. валютные курсы большинства стран ЮВА фактически были привязаны к доллару США³. Спекулятивная атака на тайский бат спровоцировала обесценение других азиатских валют и привела к введению плавающих курсов⁴. После азиатского кризиса привязка к американскому доллару была восстановлена, хотя и в менее жестких формах (исключение составляет Малайзия, фиксировавшая ринггит на уровне 3,8 за 1 долл. США). В 2008–2009 гг. привязка валют стран АСЕАН к доллару США стала еще «мягче», однако, перехода на свободное плавание в пик кризиса не произошло (в отличие от ситуации 1997 г.).

Разница в поведении монетарных властей в двух указанных случаях объясняется тем, что в 1990-е гг. страны АСЕАН обладали незначительными золотовалютными резервами (табл. 2.4). Так, для поддержания фиксированного курса тайского бата весной 1997 г. было потрачено 28 млрд долл. США (ЗВР Таиланда на тот момент составляли

¹ Мьянманский кьят.

² Myanmar: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 99/134. November 1999. 82 p.; Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2014. International Monetary Fund. October 2014. 109 p.

³ Patnaik I., Shah A., Sethy A., Balasubramaniam V. The Exchange Rate Regime in Asia: From Crisis To Crisis // International Review of Economics and Finance. 2011. No. 20. P. 32–43.

⁴ Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006. 215 с.; Patnaik I., Shah A., Sethy A., Balasubramaniam V. The Exchange Rate Regime in Asia: From Crisis To Crisis // International Review of Economics and Finance. 2011. No. 20. P. 32–43; Hernandez L. and Montiel P.J. Post-Crisis Exchange Rate Policy in Five Asian Countries: Filling in the 'Hollow Middle'? March 13, 2001 / Paper prepared for the High Level Seminar 'Exchange Rate Regimes: Hard Peg or Free Floating', organized by the IMF Institute, held in Washington DC, March 19–20, 2001. 50 p.

30 млрд долл. США)¹. Средств для его дальнейшего поддержания у монетарных властей не было, поэтому курс бата стал плавающим (кроме того, он стал двойным: для внутренних и внешних транзакций применялись различные обменные курсы).

Таблица 2.4 – Объем золотовалютных резервов стран АСЕАН в 1997–2014 гг., млрд долл. США (по состоянию на конец года)

Страна	1997	1998	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Лаос	0,1	0,1	0,9	0,9	1,1	1,2	1,3	1,1	1,2
Бруней	н.д.	н.д.	0,8	1,4	1,6	2,6	3,5	3,6	3,7
Камбоджа	0,3	0,4	2,6	3,3	3,8	4,1	4,9	5,0	6,1
Мьянма	0,3	0,4	3,9	5,5	6,1	7,4	7,4	н.д.	н.д.
Вьетнам	2,0	2,0	23,9	16,5	12,5	13,5	25,6	25,9	34,2
Филиппины	8,7	10,8	37,5	44,2	62,3	75,1	83,8	83,2	79,6
Индонезия	17,5	23,6	51,6	66,1	96,2	110,1	112,8	99,4	111,9
Малайзия	21,5	26,2	92,2	96,7	106,5	133,6	139,7	134,9	116,0
Таиланд	26,9	29,5	111,0	138,4	172,0	174,9	181,5	167,2	157,2
Сингапур	71,4	75,1	177,5	192,1	231,3	243,8	265,9	277,8	261,6

Источник: составлено по данным World Development Indicators Database.

Величина золотовалютных резервов не дает представления об их достаточности. Общепринятого критерия для ее измерения нет, однако, в мировой практике наиболее распространенными являются следующие критерии определения нижней границы объема международных резервов страны: коэффициент покрытия импорта; коэффициент покрытия денежной базы; критерий Редди.

Критерий покрытия импорта подразумевает, что объем ЗВР должен обеспечивать оплату импорта товаров и услуг в течение 3-х месяцев. Считается, что этого срока достаточно для устранения последствий внешнего шока. Коэффициент покрытия денежной базы предусматривает 20% покрытие для агрегата M_2 и 100% – для агрегата M_0 . Т.е. величина широких денег (наличные деньги в обращении, на расчетных и депозитных счетах) не должна превышать объем ЗВР страны более, чем в пять раз, а центральный банк в случае возникновения кризисных ситуаций должен

¹ Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006. 215 с.

выкупить все его обязательства в виде монет и банкнот в обращении обратно. Критерий Редди к покрытию импорта добавляет сумму годовых платежей по внешнему долгу (рассчитывается для каждой страны индивидуально).

Половина стран АСЕАН (Камбоджа, Лаос, Малайзия, Филиппины и Вьетнам) во время кризиса 1997 г. не соответствовала критерию покрытия импорта (табл. 2.5). В 2008 г. это был только Бруней, в 2009 г. – Вьетнам.

Таблица 2.5 – Коэффициент покрытия импорта стран АСЕАН в 1997–2010 гг., месяцев

Страна	1997	1998	1999	2000	2006	2007	2008	2009	2010
Бруней	н.д.	н.д.	2,8	2,3	2,1	2,3	2,3	4,2	4,6
Камбоджа	2,3	3,8	3,2	3,2	3,1	4,1	4,5	6,8	6,8
Индонезия	3,5	6,9	8,1	6,9	5,5	6,2	4,2	6,9	7,1
Лаос	2,0	2,4	2,6	2,3	4,6	5,7	5,5	7,8	8,0
Малайзия	2,8	4,7	4,9	3,6	6,8	7,3	6,2	8,1	6,8
Мьянма	32,7	73,7	81,7	80,0	1199,1	2738,2	2137,8	2977,4	1960,8
Филиппины	2,1	3,3	4,4	4,2	4,7	6,3	6,6	9,4	10,2
Сингапур	5,5	7,2	6,7	5,7	5,6	6,0	5,3	7,1	6,9
Таиланд	4,6	7,4	7,4	5,5	5,5	6,5	6,6	10,8	10,0
Вьетнам	1,7	1,7	2,6	2,3	3,4	4,3	3,4	2,5	1,6

Примечание: Месячный объем импорта Мьянмы несопоставимо мал по отношению к величине ее золотовалютных резервов, поэтому значения коэффициента в сотни раз отличаются от показателей других участников АСЕАН.

Источник: рассчитано по данным World Development Indicators Database, UNCTAD Statistics Database.

Критерию покрытия денежной базы в 1997 г. не соответствовали Камбоджа, Малайзия, Филиппины и Таиланд, в 2008 г. – Бруней и Мьянма, с 2009 г. к ним присоединился Вьетнам (табл. 2.6). Объем денежного предложения в Мьянме в сотни раз превышает величину ее ЗВР. Отчасти это обусловлено двойным режимом валютного курса (обменный курс к доллару США на свободном рынке почти в сотню раз превышает величину фиксированного официального курса кьята).

Несмотря на неблагоприятную ситуацию в 1997 г., к концу 1998 г. ЗВР всех стран-членов Ассоциации увеличились (см. табл. 2.4). Впоследствии их величина только нарастала. Так, совокупные золотовалютные резервы (ЗВР) стран АСЕАН составили на конец 2014 г.

778,7 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2000 г. в 4,1 раза. Темпы роста золотовалютных резервов на протяжении всего исследуемого периода были положительными только у Камбоджи и Лаоса.

Таблица 2.6 – Коэффициент покрытия денежной базы стран АСЕАН в 1997–2010 гг., раз

Страна	1997	1998	1999	2000	2006	2007	2008	2009	2010
Бруней	н.д.	н.д.	6,9	12,6	11,5	9,9	10,3	6,1	5,9
Камбоджа	6,9	2,4	3,0	3,0	3,5	3,2	3,8	3,1	2,8
Индонезия	1,2	0,8	0,7	0,8	1,2	1,3	1,1	1,2	1,2
Лаос	2,8	2,2	1,6	2,0	1,5	1,4	1,5	2,0	2,3
Мьянма	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	417,7	237,7	236,1	214,3	275,3
Малайзия	5,9	3,4	3,4	4,0	2,5	2,4	3,0	2,9	3,1
Филиппины	5,8	3,7	3,2	3,1	3,2	2,7	2,8	2,4	2,0
Сингапур	1,2	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3
Таиланд	5,6	4,2	4,1	4,3	3,4	3,0	2,7	2,2	2,2
Вьетнам	3,0	3,3	3,1	4,1	3,9	3,3	3,9	6,8	10,7

Источник: составлено по данным World Development Indicators Database.

Наиболее высокими темпами прироста золотовалютных резервов в среднем за период 2000–2014 гг. отличаются Мьянма и Вьетнам – 34,7% и 22,3% соответственно. Наименьшими – Индонезия и Сингапур (11,2% и 9,9% соответственно). По абсолютной величине золотовалютных резервов в регионе лидируют Сингапур и Таиланд (261,6 и 157,2 млрд долл. США соответственно). Наименьшие показатели характерны для Брунея и Лаоса – 3,7 и 1,2 млрд долл. США соответственно.

Наращивание ЗВР странами АСЕАН объясняется их опасениями после азиатского кризиса и стремлением создать "подушку безопасности". Прирост резервов происходил за счет стимулирования роста экспорта товаров и услуг путем проведения политики конкурентной девальвации к доллару США. Кроме того, наблюдался приток капитала в различных формах. После преодоления последствий кризиса 1997 г. страны ЮВА продолжили практику валютного демпинга, несмотря на то, что их платежные балансы были профицитными (особенно по отношению к США). Как отмечалось выше (в параграфе 1.2), такая политика усиливает конкуренцию между участниками объединения и вызывает рост

потребительских цен. Так, средняя величина ИПЦ по странам АСЕАН за 1997–2013 гг. составила 7,8%¹, причем у Индонезии, Лаоса и Мьянмы инфляция измерялась двузначными числами. Это существенно выше, чем в Китае, Японии, Республике Корея, ЕС и США, т.е. в странах – основных торговых партнерах Ассоциации.

Вопросу влияния валютной политики стран региона на параметры их внешней торговли посвящен ряд эмпирических исследований (например, А. Белтрамелло и др.², Дж. Чжен и др.³, Т. Ито и др.⁴, У. Торбек⁵). В указанных работах авторы приходят к выводу о том, что конкурентная девальвация национальной валюты способствует росту экспорта соответствующей страны. При этом воздействие мер валютной политики на объемы внешней торговли изучается на примере отдельно взятого государства. В исследованиях Э. Огава и др.⁶, Б. Эйхенгрин⁷, Дж. Уильямсона⁸ и В. Понтинеса⁹ также поднимается вопрос эффектов валютной политики для внешней торговли (но уже для региона, а не отдельной страны), и авторы считают, что это воздействие носит негативный характер: объемы регионального экспорта и импорта снижаются.

Кроме того, указанные выше исследователи сходятся во мнении, что скоординированная курсовая политика позволит устранить активно

¹ Рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

² Beltramo Andrea, De Backer Koen and Moussieq Laurent. The Export Performance of Countries Within Global Value Chains (GVCs) // OECD. Science, Technology and Industry. Working Paper, 2012/2. 2012. 12 April.

³ Zheng Guihuan, Guo Li, Jiang Xuemei, Zhang Xun and Wang Shouyang. The Impact of RMB's Appreciation on China's Trade // Asia-Pacific Journal of Accounting & Economics. 2006. № 13. P. 35–50.

⁴ Ito Takatoshi, Koibuchi Satoshi, Sato Kiyotaka, Shimizu Junko. Determinants of Currency Invoicing in Japanese Exports: A firm-level analysis // RIETI. Discussion Paper Series 10-E-034. 2010. June. URL: <http://www.rieti.go.jp/en/> (дата обращения: 11.12.2012).

⁵ Thorbecke Willem. Investigating the Effect of Exchange Rate Changes on the People's Republic of China's Processed Exports // ADBI. Working Paper Series. 202. 2010. March.

⁶ Ogawa E., Shimizu J. Progress toward a Common Currency Basket System in East Asia / RIETI Discussion Paper Series. 07-E-002. 2006. November. 24 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/publications/dp/07e002.pdf> (дата обращения: 27.12.2013).

⁷ Eichengreen B. The Parallel Currency Approach to Asian Monetary Integration // American Economic Review. 2006. Vol. 96. May. Issue 2. 13 p.

⁸ Williamson J. A Currency Basket for East Asia, Not Just China / Institute for International Economics. PB 05-1. 2005. August. 13 p.

⁹ Pontines V. How Useful Is an Asian Currency Unit (ACU) Index for Surveillance in East Asia? / Asian Development Bank Institute. ADBI Working Paper Series. № 413. 2013. March. 31 p. URL: <http://www.adbi.org/files/2013.03.27.wp413.acu.index.surveillance.east.asia.pdf> (дата обращения: 28.12.2013).

применяемую ныне, однако, неэффективную (по их мнению) практику «разорения соседа». Практикуемая ныне конкурентная девальвация национальных валют стран Юго-Восточной Азии к доллару США приводит к отрицательным последствиям, т.к. формирует в регионе две группы валют с диаметрально противоположной динамикой – сильные и слабые. Возникновение таких групп валют усиливает конкуренцию стран региона за рынки сбыта, снижает внутрирегиональную торговлю и обостряет политические противоречия.

Так, анализ динамики базисных темпов роста валютных курсов членов АСЕАН по отношению к доллару США позволяет сделать вывод о том, что в период с 2000 по 2014 гг. сингапурский и брунейский доллары, тайский бат и малайский ринггит укрепились к USD, а вьетнамский донг, наоборот, девальвировал на протяжении всего периода (табл. 2.7).

Динамика курсов остальных валют была нестабильна, однако, для большинства из них характерно укрепление к доллару США в начале периода и девальвация в 2013–2014 гг. Исключение составляет камбоджийский риель, девальвировавший с 2001 по 2009 гг. и ревальвировавший в 2010–2014 гг.

К евро региональные валюты более волатильны¹, поэтому среди них нельзя выделить те, что ревальвировали или девальвировали весь исследуемый период. Так, у всех валют периоды роста чередовались с падением стоимости относительно евро. Есть еще одна общая тенденция – девальвация в конце исследуемого периода (2012–2014 гг.). Причем начало рассматриваемого периода почти у всех валют стран АСЕАН (кроме индонезийской рупии) также пришлось на девальвацию.

¹ Дёмина Я.В. Оценка торговых эффектов валютной политики стран Восточной Азии // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVI краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 17-24 января 2014 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. С. 37–41; Дёмина Я.В. Оптимальные валютные зоны: проблема выбора количественных критериев // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Том 13, выпуск 4. С. 115–122; Дёмина Я.В. Оптимальная валютная зона: выбор количественных критериев // Журнал НЭА. Приложение. Материалы Конференции молодых ученых, прошедшей в рамках Второго Российского экономического конгресса. Суздаль, 22 февраля 2013 г. Москва: Новая экономическая ассоциация, 2014. С. 126–133; Дёмина Я.В. Влияние валютной политики на внешнеторговые потоки Восточной Азии // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 136–143.

Таблица 2.7 – Базисные темпы роста номинальных курсов валют стран АСЕАН по отношению к доллару США и евро, 2001–2014 гг., база – 2000 г.

Год	Валюта									
	BND	KHR	IDR	LAK	MYR	MMK	PHP	SGD	THB	VND
	по отношению к доллару США									
2001	1,04	1,02	1,22	1,14	1,00	1,32	1,15	1,04	1,11	1,04
2002	1,04	1,02	1,11	1,27	1,00	1,55	1,17	1,04	1,07	1,08
2003	1,01	1,03	1,02	1,34	1,00	2,22	1,23	1,01	1,03	1,09
2004	0,98	1,05	1,06	1,34	1,00	2,52	1,27	0,98	1,00	1,11
2005	0,97	1,07	1,15	1,35	1,00	2,94	1,25	0,97	1,00	1,12
2006	0,92	1,07	1,09	1,29	0,97	3,47	1,16	0,92	0,94	1,13
2007	0,87	1,06	1,09	1,22	0,90	3,65	1,04	0,87	0,86	1,14
2008	0,82	1,06	1,15	1,11	0,88	3,22	1,00	0,82	0,83	1,15
2009	0,84	1,08	1,23	1,08	0,93	2,93	1,08	0,84	0,85	1,20
2010	0,79	1,09	1,08	1,05	0,85	2,74	1,02	0,79	0,79	1,31
2011	0,73	1,06	1,04	1,02	0,81	2,28	0,98	0,73	0,76	1,45
2012	0,72	1,05	1,11	1,02	0,81	2,44	0,96	0,72	0,77	1,47
2013	0,73	1,05	1,24	0,99	0,83	2,65	0,96	0,73	0,77	1,48
2014	0,73	1,05	1,41	1,02	0,86	2,80	1,00	0,73	0,81	1,50
	по отношению к евро									
2001	1,01	0,99	1,18	1,10	0,97	1,29	1,12	1,01	1,08	1,01
2002	1,06	1,04	1,13	1,30	1,02	1,58	1,19	1,06	1,09	1,10
2003	1,24	1,27	1,25	1,64	1,23	2,71	1,50	1,24	1,27	1,34
2004	1,32	1,41	1,43	1,81	1,35	3,40	1,71	1,32	1,35	1,50
2005	1,30	1,44	1,56	1,82	1,35	3,96	1,68	1,30	1,35	1,51
2006	1,26	1,45	1,48	1,75	1,31	4,72	1,58	1,26	1,29	1,54
2007	1,30	1,57	1,61	1,81	1,34	5,42	1,55	1,30	1,28	1,69
2008	1,31	1,68	1,83	1,76	1,40	5,12	1,59	1,30	1,32	1,83
2009	1,27	1,63	1,86	1,63	1,40	4,42	1,63	1,27	1,29	1,82
2010	1,14	1,57	1,55	1,51	1,22	3,93	1,47	1,14	1,14	1,89
2011	1,10	1,59	1,57	1,54	1,22	3,44	1,48	1,10	1,15	2,18
2012	1,01	1,46	1,55	1,42	1,13	3,41	1,33	1,01	1,08	2,05
2013	1,05	1,51	1,79	1,43	1,20	3,82	1,38	1,05	1,10	2,14
2014	1,06	1,51	2,02	1,47	1,24	4,04	1,45	1,06	1,17	2,15

Примечание: IDR – индонезийская рупия, MYR – малайский ринггит, PHP – филиппинское песо, THB – тайский бат, BND – брунейский доллар, KHR – камбоджийский риель, LAK – лаосский кип, MMK – мьянманский кьят, SGD – сингапурский доллар и VND – вьетнамский донг.

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

Динамика валютных курсов участниц АСЕАН по отношению к валютам стран "Большой тройки" также была неоднозначна (табл. 1 – 2 прил. 1). Так, к китайскому юаню на протяжении всего изучаемого периода девальвировали камбоджийский риель и вьетнамский донг, а остальные валюты характеризовались чередованием периодов девальвации и

ревальвации. Однако, в целом можно сказать, что местные валюты укрепились по отношению к юаню в 2001–2007 гг. и 2009–2010 гг. и девальвировали в 2007–2009 гг. и 2010–2014 гг. (табл. 1 прил. 1). К иене валюты стран Ассоциации ревальвировали в 2004–2007 гг. и 2012–2014 гг. и девальвировали в 2001–2004 гг. и 2007–2012 гг. В период мирового финансового кризиса, т.е. в 2007–2009 гг. региональные курсы валют девальвировали по отношению и к японской иене, и к китайскому юаню.

К корейской воне динамика курсов валют стран АСЕАН была противоположной – они укрепились к ней в 2007–2009 гг., однако, девальвировали в 2001–2007 гг. и 2009–2014 гг., т.е. на протяжении почти всего периода (табл. 2 прил. 1).

Таким образом, валюты стран Юго-Восточной Азии девальвировали по отношению к валютам основных торговых партнеров (за исключением иены) в конце исследуемого периода.

Наибольшей волатильностью по отношению к доллару США за период с 2000 г. по 2014 г. характеризовался курс мьянманского кьята (коэффициент вариации составляет 30,0%), наименьшей – камбоджийского риеля (2,2%). У остальных региональных валют данный показатель находился в пределах 10–15% (рис. 2.11).

Курс кьята Мьянмы также был наименее стабилен по отношению к евро (коэффициент вариации равен 38,3%), кроме того, кьят – единственная валюта региона, у которой данный показатель выходит за пределы нормы (33%). Высокий коэффициент вариации по отношению к курсу евро также характерен для вьетнамского донга – 24,8%. Наиболее стабилен по отношению к евро был курс тайского бата: коэффициент вариации составил 9,6%. В целом валюты стран АСЕАН более волатильны к евро, чем к доллару США.

К азиатским валютам (иене, воне и юаню) мьянманский кьят был также наиболее волатилен – коэффициенты вариации за исследуемый период составили 33,5%, 38,8% и 33,3% соответственно (рис. 2.12). Вьетнамский донг тоже был нестабилен, однако, величина коэффициентов

вариации для него не превышала норму (18,9% к воне, 26,7% к юаню и 29,3% к иене).

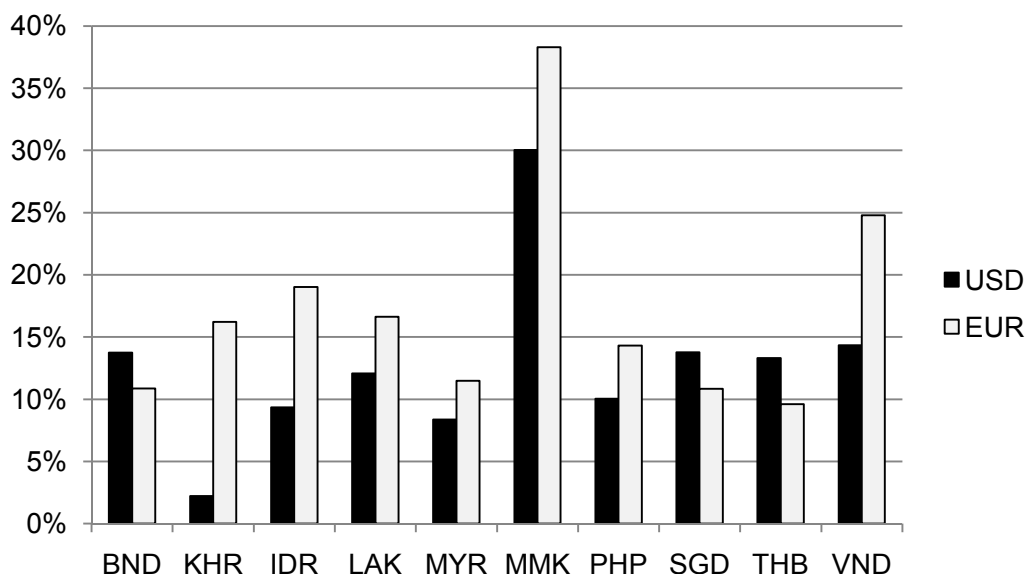

Рисунок 2.11 – Коэффициенты вариации номинальных валютных курсов стран АСЕАН по отношению к доллару США и евро в 2000–2014 гг., процентов

Примечание: USD – доллар США, EUR – евро, IDR – индонезийская рупия, MYR – малайский рингит, PHP – филиппинское песо, THB – тайский бат, BND – брунейский доллар, KHR – камбоджийский риель, LAK – лаосский кип, MMK – мьянманский кьят, SGD – сингапурский доллар и VND – вьетнамский донг.

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

Наиболее стабильным к китайскому юаню был курс сингапурского доллара (коэффициент вариации 3,3%), к японской иене – тайского бата (9,0%) и к корейской воне – камбоджийского риеля (11,3%). Следовательно, местные валюты более волатильны к воне, чем к юаню и иене.

В целом можно сделать вывод о том, что кьят – самая волатильная валюта стран АСЕАН (по отношению к валютам основных торговых партнеров Ассоциации), а малайский рингит – самая стабильная (если судить по средней величине коэффициента вариации ко всем пяти валютам). Кроме того, региональные валюты наиболее стабильны к китайскому юаню и наименее – к евро.

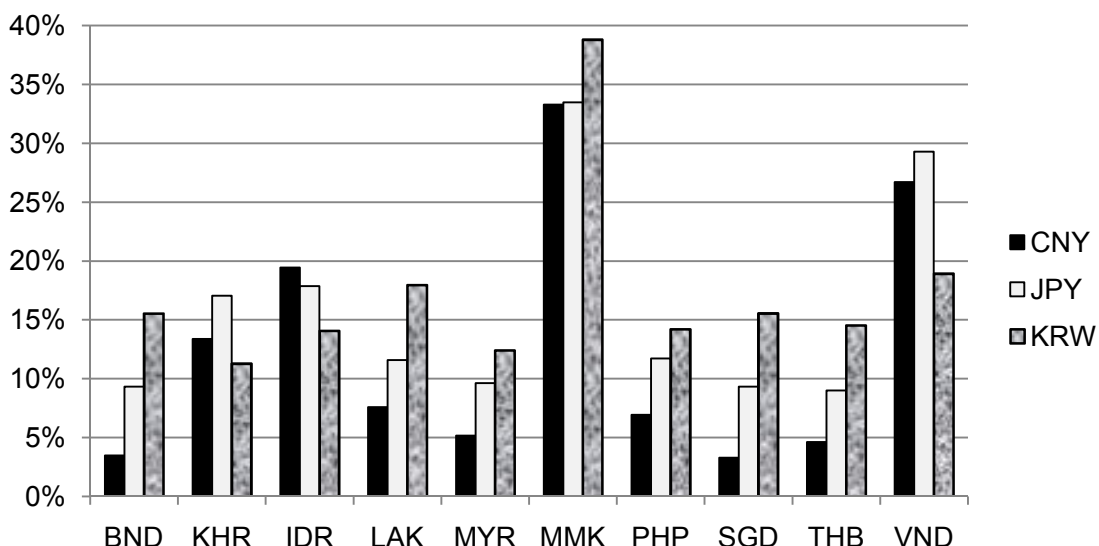

Рисунок 2.12 - Коэффициенты вариации номинальных валютных курсов стран АСЕАН по отношению к иене, воне и юаню в 2000-2014 гг., процентов

Примечание: CNY – китайский юань, JPY – японская иена, KRW – корейская вона.

Источник: Рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

О растущей зависимости восточноазиатских валют от курса китайского юаня также существует ряд работ¹. Авторы приходят к выводу, что доллар США и иена теряют влияние в регионе благодаря осуществляемой КНР стратегии интернационализации юаня.

Способствовать этому должно создание в Шанхае мирового финансового центра и введение свободной конвертируемости юаня². Продвижению юаня в мировые валютные механизмы служит также заключение Народным банком Китая с центральными банками других стран двусторонних валютных свопов, т.е. соглашений об обмене оговоренного объема национальной валюты на валюту другой страны на определенную будущую дату. Такие соглашения позволяют странам-контрагентам осуществлять взаимные расчеты в их собственных денежных единицах без посредничества доллара. К августу 2014 г. Китай заключил 30 такого рода двусторонних своп-соглашений, общая сумма

¹ См., например, Shu Chang, He Dong and Cheng Xiaoqiang One Currency, Two Markets: the Renminbi's Growing Influence in Asia-Pacific. Monetary and Economic Department. BIS Working Papers. No 446. April 2014. 32 p.; Girardin E. A De Facto Asian-Currency Unit Bloc in East Asia: It Has Been There but We Did Not Look for It. ADBI Working Paper Series. No. 262. January 2011. 27 p.

² Ву Ф., Пан Р., Ванг Д. Сможет ли юань стать мировой валютой? // ЭКО. 2010. № 12. С. 145–160.

которых составила около 2,6 трлн юаней¹. Часть из этих соглашений была заключена с целью пролонгации действия предыдущих договоренностей, например, с Гонконгом и Республикой Корея. Партнерами Китая по данным своп-соглашениям являются не только страны региона, но и ЕС, Швейцария, Турция, Албания, Исландия, Бразилия, Аргентина, Казахстан, Беларусь, Украина, Монголия, Пакистан и др.

С 2003 г. национальная валюта КНР также обращается в туристическом секторе и розничной торговле Гонконга², а с июля 2009 г. в Шанхае в опытный порядок начались операции по расчетам в китайских юанях в трансграничной торговле. Одновременно Народный банк Китая подписал соглашения о введении расчетов в юанях с 11 иностранными банками, такими как Восточно-Азиатский банк, Сингапурский банк и др.

Кроме того, с августа 2010 г. начались прямые торги между юанем и малайским ринггитом, а к июлю 2014 г. в этот список добавились еще семь валют: российский рубль, японская иена, австралийский доллар, сингапурский доллар, новозеландский доллар, британский фунт стерлингов и корейская вона³.

Стоит также отметить, что страны региона стали использовать юань в качестве валюты платежа не только в расчетах с Китаем, но и между собой⁴. Например, 12% внешнеторговых платежей Сингапура проводятся в CNY (по состоянию на октябрь 2013 г.). В апреле 2015 г. 54% платежей между Сингапуром и «Большим Китаем» (Китаем и Гонконгом) и 73% платежей между Филиппинами и «Большим Китаем» проводились в юанях. Кроме того, юань поднялся на 5 место в мире (с долей 2,1%) в рейтинге наиболее применяемых для расчетов в системе SWIFT валют (в январе 2012 г. он занимал лишь 20-ю строчку). Впереди списка находятся

¹ Asian Bond Monitor. September 2014. ADB. P. 32.

² Красавина Л.Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2. С. 120–132.

³ Asian Bond Monitor. September 2014. ADB. P. 31.

⁴ RMB now 2nd most used currency in trade finance, overtaking the euro. 3 December 2013. SWIFT News. URL http://www.swift.com/about_swift/shownews?param_dcr=news.data/en/swift_com/2013/PR_RMB_nov.xml (дата обращения: 12.06.2015); RMB ranks #1 in Asia Pacific for payments with Greater China. 27 May 2015. SWIFT News. URL: http://www.swift.com/about_swift/shownews?param_dcr=news.data/en/swift_com/2015/PR_RMB_May_15.xml. (дата обращения: 12.06.2015).

доллар США (45,1%), евро (27,4%), фунт стерлингов (8,0%) и иена (2,7%). Среди валют стран АСЕАН в этом рейтинге присутствуют тайский бат и сингапурский доллар (10-я и 12-я строчки соответственно), однако, их доля в международных расчетах невелика (1,0% и 0,9%).

Валюты стран-участниц АСЕАН практически не используются во внешнеторговых расчетах (даже внутри интеграционного блока), во-первых, по причине того, что многие из них не являются свободно конвертируемыми. Во-вторых, это объясняется высокой волатильностью их курсов по отношению к основным мировым валютам и друг к другу. Кроме того, цены на экспортные и импортные товары стран ЮВА также фиксируются в основном во внешних валютах (в первую очередь, в долларах США).

Однако, несмотря на растущую роль юаня в регионе, нельзя сказать, что его гегемония в Юго-Восточной Азии – это единственная перспектива. Увеличение доли внешнеторговых расчетов с КНР в юанях не приводит к изменениям в курсовой политике стран АСЕАН. Это связано с тем, что Китай является основным конкурентом их экономик на внешних рынках, поэтому страны Ассоциации не хотят ревальвировать свои валюты.

Кроме того, сохраняется соперничество между японской иеной и китайским юанем за выдвижение на роль «центра тяготения» в группе стран Юго-Восточной Азии. Этому вопросу посвящен ряд работ, в частности, исследование эксперта МВФ К. Широно¹. Анализ основных тенденций экономического развития двух стран приводит автора к выводу о том, что «скорее, Китай, а не Япония, будет играть более важную роль в совместных валютных механизмах в Восточной Азии. Этот результат будет еще более предопределен, если доля Китая в торговле в рамках данного региона будет продолжать возрастать, в то время как доля Японии будет продолжать сокращаться»². Однако при этом отмечается

¹ Shirono K. Yen Block or Yuan Block: An Analysis of Current Arrangements in East Asia. IMF Working Paper. January 2009. International Monetary Fund. Washington. 34 p.

² Там же.

«большая неопределенность относительно политики Китая в области валютного курса»¹.

В целом для стран АСЕАН в 2000–2014 гг. была характерна политика конкурентной девальвации национальных валют к юаню, иене, воне и евро и ревальвации к доллару США. При этом во время мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. для большинства восточноазиатских валют произошла смена тренда: с растущего на понижающийся по отношению к евро, юаню и иене и с девальвации на ревальвацию по отношению к доллару США и воне. После 2009 г. динамика региональных валют вернулась к исходному тренду.

Устранить применяемую ныне практику «разорения соседа» и снизить возникающую в связи с ней напряженность позволит скоординированная валютная политика. При этом среди исследователей весьма популярна идея привязки национальных валют стран АСЕАН к какому-либо якорю (обычно к корзине валют) или даже введение общей валюты. Состав корзины валют у различных авторов не совпадает, однако, все они сходятся во мнении, что согласованная политика в области установления валютных курсов будет способствовать большей стабильности в регионе и обеспечит, тем самым, дальнейший приток капитала извне. Реалистичный краткосрочный подход должен учитывать степень торговой взаимозависимости стран АСЕАН, в том числе проявление торговых эффектов интеграции.

¹ Shirono K. Yen Block or Yuan Block: An Analysis of Current Arrangements in East Asia. IMF Working Paper. January 2009. International Monetary Fund. Washington. 34 p.

ГЛАВА 3. ЭФФЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Торговые эффекты интеграции в АСЕАН и ЕС

В 1992 г. были подписаны два важных соглашения – Маастрихтское (в Европе) и о создании АФТА (в Юго-Восточной Азии). Данные договоры ознаменовали новые этапы в развитии каждой из интеграционных группировок: в ЕС начался переход к единому рынку и общей валюте, в АСЕАН – формирование зоны свободной торговли. При этом интеграция в рассматриваемых регионах развивалась не только «вглубь», но и «вширь». Расширение АСЕАН и Евросоюза происходило по одной модели¹: последними присоединились страны, менее развитые, чем «старые» участники.

Поэтому для проведения дальнейшего анализа каждая интеграционная группировка была разбита автором на две подгруппы: АСЕАН-6 (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Сингапур и Бруней) и АСЕАН-4 (Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма) в Юго-Восточной Азии и ЕС-15² и ЕС-13³ в Европе.

АСЕАН-6 представляет собой более развитую часть стран-членов рассматриваемого интеграционного блока. Так, их средний валовой национальный доход (ВНД) на душу населения превышает аналогичный показатель второй подгруппы в 8 раз, по величине индекса человеческого развития (ИЧР) они относятся к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала, ожидаемая продолжительность жизни при рождении превышает аналогичный показатель для АСЕАН-4 на 4,7 лет, а уровень грамотности – на 3,8 лет (табл. 3.1). Кроме того, страны АСЕАН-6 отличаются положительным торговым балансом и большей степенью открытости экономики (экспортная квота первой подгруппы на 20,5 п.п. превышает аналогичный показатель для второй подгруппы, импортная –

¹ Шишков Ю. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? // МЭМО. 2008. № 8. С. 3–20.

² Германия, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Дания, Ирландия, Великобритания, Греция, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия и Швеция.

³ Чехия, Эстония, Кипр, Латвия, Литва, Венгрия, Мальта, Польша, Болгария, Румыния, Хорватия, Словакия и Словения.

на 9,3 п.п.). В то же время в наименее развитых странах АСЕАН торговый баланс сводится с дефицитом.

Таблица 3.1 – Макроэкономические показатели стран АСЕАН, 2013 г.

Параметры	АСЕАН	из них:	
		АСЕАН-6	АСЕАН-4
Индекс человеческого развития (ИЧР):	0,691	0,765	0,579
- валовой национальный доход (ВНД) на душу населения, долл. США	20984	32299	4012
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	73,1	75,0	70,3
- уровень грамотности, лет	7,2	8,7	4,9
Экспортная квота, %	64,9	66,5	46,0
Импортная квота, %	59,9	60,6	51,3

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database, Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. United Nations Development Programme. 2014. 239 p.

Первая подгруппа членов Евросоюза представляет собой более развитую часть интеграционного объединения (как и в случае с АСЕАН). Так, средний ВНД на душу населения ЕС-15 превышает аналогичный показатель второй подгруппы в 1,7 раза, по величине ИЧР они относятся к странам с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала, ожидаемая продолжительность жизни при рождении превышает аналогичный показатель для ЕС-13 на 5 лет, а уровень грамотности, наоборот, меньше на 0,4 года (табл. 3.2).

Таблица 3.2 – Макроэкономические показатели стран ЕС, 2013 г.

Параметры	ЕС	из них:	
		ЕС-15	ЕС-13
Индекс человеческого развития (ИЧР):	0,857	0,883	0,827
- валовой национальный доход (ВНД) на душу населения, долл. США	30765	37803	22644
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	78,6	80,9	75,9
- уровень грамотности, лет	11,2	11,0	11,4
Экспортная квота, %	34,0	33,3	44,5
Импортная квота, %	34,0	32,5	48,7

Источник: Рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database, Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. United Nations Development Programme. 2014. 239 p.

Кроме того, страны ЕС-15 отличаются положительным торговым балансом, однако, меньшей степенью открытости экономики (экспортная квота первой подгруппы на 11,2 п.п. меньше аналогичного показателя для второй подгруппы, импортная - на 16,2 п.п.). В менее развитых странах ЕС торговый баланс сводится с дефицитом, как и в случае Ассоциации.

При сопоставлении данных по АСЕАН и ЕС становится очевидным, что члены Евросоюза составляют более гомогенное интеграционное объединение, чем страны АСЕАН¹. Так, почти все участницы ЕС (за исключением Румынии и Болгарии) относятся по величине ИЧР к одной группе – к странам с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала, в то время как в АСЕАН туда входят только 2 государства (Сингапур и Бруней). Остальные участницы АСЕАН распределены по группам следующим образом: страны с высоким уровнем развития человеческого потенциала – 2 (Малайзия и Таиланд), со средним – 5 (Индонезия, Филиппины, Вьетнам, Камбоджа и Лаос) и с низким – 1 (Мьянма).

Разрыв по величине подушевого ВНД между ЕС-15 и ЕС-13 составляет 1,7 раза в отличие от 8-кратного разрыва между АСЕАН-6 и АСЕАН-4, а уровень грамотности практически совпадает (в то время как в АСЕАН-6 он в 1,8 раза больше, чем в АСЕАН-4). И АСЕАН-4, и ЕС-13 характеризуются отрицательным сальдо торгового баланса, однако, азиатские страны более зависимы от внешней торговли, чем участницы Европейского союза.

Как уже отмечалось (параграф 1.1), создание интеграционных блоков влечет за собой появление двух эффектов в торговой сфере: эффекта создания и эффекта отклонения торговли. Для оценки их проявления в двух рассматриваемых интеграционных группировках будет использован показатель фактической эластичности по доходам спроса на импорт, предложенный Б. Балассой²:

¹ Дёмина Я.В. Оптимальные валютные зоны: проблема выбора количественных критериев // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2013. Том 13, выпуск 4. С. 115–122.

² Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market: An Appraisal of the Evidence. Manchester School of Economic and Social Studies. 1974. Vol. 42. P. 93–135.

$$E_Y^M = \frac{|\Delta M/M|}{|\Delta Y/Y|} \quad (3.1)$$

где ΔM – годовое приращение импорта; M – объем импорта в текущих ценах по текущему валютному курсу к долл. США; ΔY – годовое приращение ВВП; Y – объем ВВП в текущих ценах по текущему валютному курсу к долл. США.

Так как указанные выше соглашения были подписаны в 1992 г., для анализа будут использованы данные с 1971 по 2013 гг., разделенные на два примерно равных периода: 1971–1992 гг. и 1993–2013 гг. Таким образом, будут сопоставлены значения показателя фактической эластичности по доходам спроса на импорт на момент до и после подписания соглашений и учтены расширения обоих блоков.

Эффект создания торговли проявляется в росте импорта из стран-членов интеграционной группировки (замене отечественных товаров импортными) в результате отмены ввозных пошлин. В данном случае показатель фактической эластичности по доходам спроса на импорт рассчитывается по данным импорта из стран-участниц блока.

Эффект отклонения торговли возникает в случае переключения местных потребителей с товаров, произведенных в третьих странах, на товары из стран-участниц объединения. В этом случае показатель фактической эластичности по доходам спроса на импорт рассчитывается по величине импорта из стран, не входящих в интеграционное объединение. Эффект отклонения торговли наблюдается при снижении величины данного показателя.

Как видно из данных таблицы 3.3, эффект создания торговли характерен только для половины членов АСЕАН: Брунея, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда. Хотя среди членов АСЕАН-6 он не характерен только для Индонезии, в среднем по группе эластичность спроса на импорт из стран-партнеров по Ассоциации после подписания соглашения о ЗСТ снизилась, а не выросла. Для АСЕАН в целом, как и для АСЕАН-4, исследуемый эффект не проявляется.

Таблица 3.3 – Средние за период значения эластичности спроса стран АСЕАН на импорт, 1971–2013 гг.

Страна	Импорт из стран АСЕАН		Импорт из стран вне АСЕАН	
	1971–1992	1993–2013	1971–1992	1993–2013
<i>АСЕАН-6</i>	6,41	4,78	2,68	3,82
Бруней	2,42	8,91	2,84	7,16
Филиппины	3,28	3,77	1,65	2,45
Индонезия	27,70	2,06	7,53	1,75
Таиланд	1,80	7,18	1,33	4,98
Малайзия	1,71	2,06	1,70	1,49
Сингапур	1,53	5,61	0,99	5,07
<i>АСЕАН-4</i>	39,84	3,41	8,69	4,87
Камбоджа	141,09	3,25	19,31	2,93
Вьетнам	9,43	7,73	н.д.	2,37
Мьянма	6,90	1,71	3,12	1,73
Лаос	1,96	0,95	3,65	12,46
<i>АСЕАН-10</i>	19,78	4,32	8,69	5,71

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Следовательно, местные потребители не переключаются с местных производителей на производителей из стран-партнеров по интеграционной группировке. Если в период с 1971 по 1992 гг. каждый 1% роста ВВП приводил к увеличению потоков импорта между участницами АСЕАН на 19,78%, то в 1993–2013 гг. – только на 4,32%, т.е. в 4,6 раза меньше. Для АСЕАН-6 и АСЕАН-4 показатель фактической эластичности по доходам спроса на импорт из стран-членов интеграционной группировки уменьшился в 1,3 и 11,7 раза соответственно.

Эффект отклонения проявляется для четырех стран АСЕАН из десяти: Индонезии, Малайзии, Камбоджи и Мьянмы. Он также характерен для АСЕАН-4 и объединения в целом. Для АСЕАН-6 он не проявляется. Так, в 1971–1992 гг. каждый 1% прироста ВВП приводил к увеличению импорта Ассоциации из третьих стран на 8,69%, а во втором периоде – на 5,71%, т.е. в 1,5 раза меньше (табл. 3.3). Для АСЕАН-4 снижение составило 1,8 раза. Для стран АСЕАН-6, наоборот, спрос на товары из стран «остального мира» стал больше со временем: он увеличился в 1,4 раза в 1993–2013 гг. по сравнению с 1971–1992 гг. (величина показателя выросла с 2,68 до 3,82%).

Следовательно, создание зоны свободной торговли увеличило импортные потоки внутри АСЕАН за счет переключения потребителей с импортных товаров, произведенных за пределами региона, на товары, созданные в странах-партнерах по интеграционной группировке. Однако присоединение стран «второго эшелона» к АСЕАН¹ не привело к возникновению эффекта создания торговли ни для блока в целом, ни в разрезе выделяемых подгрупп, хотя, эффект отклонения торговли проявился для новых членов Ассоциации.

Ранее отмечалось (параграф 1.1), что потокоотклоняющий эффект превалирует над потокообразующим, если до создания интеграционного блока применялись высокие импортные пошлины, которые впоследствии были нивелированы для партнеров по объединению, и если структура производства в странах-членах блока является схожей (и они экспортируют аналогичные товары).

Средний импортный тариф по странам АСЕАН составляет 28,2% по всем группам товаров, в том числе 41,7% для сельскохозяйственных товаров (по состоянию на сентябрь 2014 г.). При этом он варьируется от 9,9% в Сингапуре до 84,1% в Мьянме (по всем группам товаров). Наибольшие ставки по сельскохозяйственным товарам также характерны для Мьянмы (106,2%), а наименьшие - для Вьетнама (19,1%) и Лаоса (19,2%). У основных торговых партнеров Ассоциации ставки импортных тарифов гораздо ниже: 3,5% у США (4,9% по сельскохозяйственным товарам), 4,7% у Японии (19,0%), 5,2% в среднем по странам ЕС (13,5%), 10,0% у КНР (15,8%) и 16,6% у Республики Корея (56,0%)². Ранее указывалось (параграф 2.2), что члены Ассоциации имеют схожую структуру производства и часто являются конкурентами на экспортных рынках. Следовательно, превалирование потокоотклоняющего эффекта над потокосоздающим эффектом в случае АСЕАН было предсказуемо³.

¹ Вьетнам стал членом АСЕАН в 1995 г., Лаос и Мьянма – в 1997 г., а Камбоджа – в 1999 г.

² По данным Всемирной торговой организации (ВТО).

³ Хотя в имеющихся эмпирических работах по оценке торговых эффектов интеграции в АСЕАН получен противоположный результат: эффект создания торговли превалирует над эффектом отклонения торговли. См., например, Шопина И.П. Выигрыши «больших» и «малых» стран от интеграции в рамках АСЕАН // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 86–95.

Однако, создание общего рынка в рамках Ассоциации и окончательная отмена импортных пошлин в странах АСЕАН-4 впоследствии могут изменить соотношение вышеуказанных эффектов¹.

Анализ фактической эластичности по доходам спроса на импорт для стран ЕС показывает, что подписание Маастрихтского договора² привело к эффекту создания торговли, однако, эффект отклонения торговли не проявился. Так, в 1993–2013 гг. спрос на импорт из стран-партнеров по интеграционному блоку вырос по сравнению с 1971–1992 гг. в 13 странах-членах из 28 (табл. 3.4 и 3.5).

Таблица 3.4 – Средние за период значения эластичности спроса стран ЕС-15 на импорт, 1971–2013 гг.

Страна	Импорт из стран ЕС		Импорт из стран вне ЕС	
	1971–1992	1993–2013	1971–1992	1993–2013
Австрия	3,08	3,11	5,50	3,97
Бельгия	0,98	2,97	1,17	2,02
Великобритания	1,48	3,01	1,33	2,20
Германия	3,13	5,77	4,11	6,59
Греция	1,39	2,24	3,00	3,13
Дания	1,23	2,48	2,46	2,71
Ирландия	8,27	2,51	9,43	1,69
Испания	1,15	2,00	1,28	2,62
Италия	1,96	1,48	2,39	2,10
Люксембург	0,98	2,97	1,17	2,02
Нидерланды	10,55	2,18	2,18	3,78
Португалия	1,45	1,40	1,01	2,41
Финляндия	1,39	2,35	1,68	2,85
Франция	3,54	1,62	3,53	3,96
Швеция	1,00	2,23	1,13	3,41
ЕС-15	2,90	2,52	2,87	3,10

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

К вышеуказанным странам относятся Австрия, Бельгия, Люксембург, Великобритания³, Дания, Финляндия, Германия, Греция, Швеция, Испания, Румыния, Мальта и Венгрия. В семи странах данный эффект не

¹ Шишков Ю.В. считает, что на разных этапах функционирования торговых блоков эффекты создания и отклонения торговли проявляются по-разному: сначала доминирует потокоотклоняющий эффект, потом – потокообразующий.

² Договор был подписан 7 февраля 1992 г., вступил в силу с 1 января 1993 г.

³ Под Великобританией в данной работе подразумевается Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

наблюдался: в Ирландии, Франции, Италии, Нидерландах, Португалии, Польше и Кипре. Для восьми стран (Хорватия, Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Словения и Болгария) данные за первый период отсутствуют, т.к. до 1992 г. семь из них (все кроме Болгарии) входили в состав других государств, а не являлись суверенными территориями.

Таблица 3.5 – Средние за период значения эластичности спроса стран ЕС-13 на импорт, 1971–2013 гг.

Страна	Импорт из стран ЕС		Импорт из стран вне ЕС	
	1971–1992	1993–2013	1971–1992	1993–2013
Болгария	н.д.	2,73	н.д.	2,34
Венгрия	1,58	4,59	1,80	5,37
Кипр	3,06	2,02	4,19	2,87
Латвия	н.д.	5,14	н.д.	1,90
Литва	н.д.	3,93	н.д.	3,93
Мальта	3,36	5,15	4,30	7,06
Польша	4,21	3,79	3,07	3,85
Румыния	0,83	4,34	0,65	4,05
Словакия	н.д.	21,76	н.д.	30,43
Словения	н.д.	1,60	н.д.	2,33
Хорватия	н.д.	1,34	н.д.	2,71
Чехия	н.д.	2,47	н.д.	4,00
Эстония	н.д.	5,54	н.д.	5,56
ЕС-13	2,61	4,95	2,80	5,88
ЕС-28	2,82	3,69	2,85	4,44

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Для Евросоюза в целом каждый 1% роста ВВП стимулировал увеличение импорта товаров из стран-партнеров по блоку на 3,69% (рост в 1,3 раза по сравнению с первым периодом). Для стран ЕС-13 (точнее 5 стран из подгруппы, по которым имеются данные с 1971 по 2013 гг.) – на 4,95% (увеличение в 1,9 раза); для ЕС-15 – снижение в 1,2 раза (с 2,90% до 2,52%). Следовательно, потребители из стран «первого эшелона» не переключились с местных производителей на производителей из государств-партнеров по ЕС (в отличие от второй подгруппы, т.е. бывших социалистических стран).

Как видно из данных таблиц 3.4 и 3.5, эффект отклонения торговли характерен только для четырех стран-участниц ЕС: Австрии, Ирландии,

Италии и Кипра. В остальных государствах-членах блока спрос на импорт из стран остального мира, наоборот, возрос после 1993 г. Так, для объединения в целом каждый 1% прироста ВВП стимулировал рост импорта из третьих стран на 4,44% (увеличение в 1,6 раза), для ЕС-15 – на 3,10% (рост в 1,1 раза) и для ЕС-13 – на 5,88% (рост в 2,1 раза). Следовательно, для обеих исследуемых подгрупп ЕС зависимость от внешнего мира после 1993 г. только возросла, причем для второй подгруппы спрос на импорт из стран вне блока увеличивался гораздо большими темпами, чем для первой.

В то же время доля внутрирегионального импорта выросла в 1993–2013 гг. по сравнению с 1971–1992 гг. и по объединению в целом, и в разрезе выделяемых подгрупп (рис. 3.1 и 3.2).

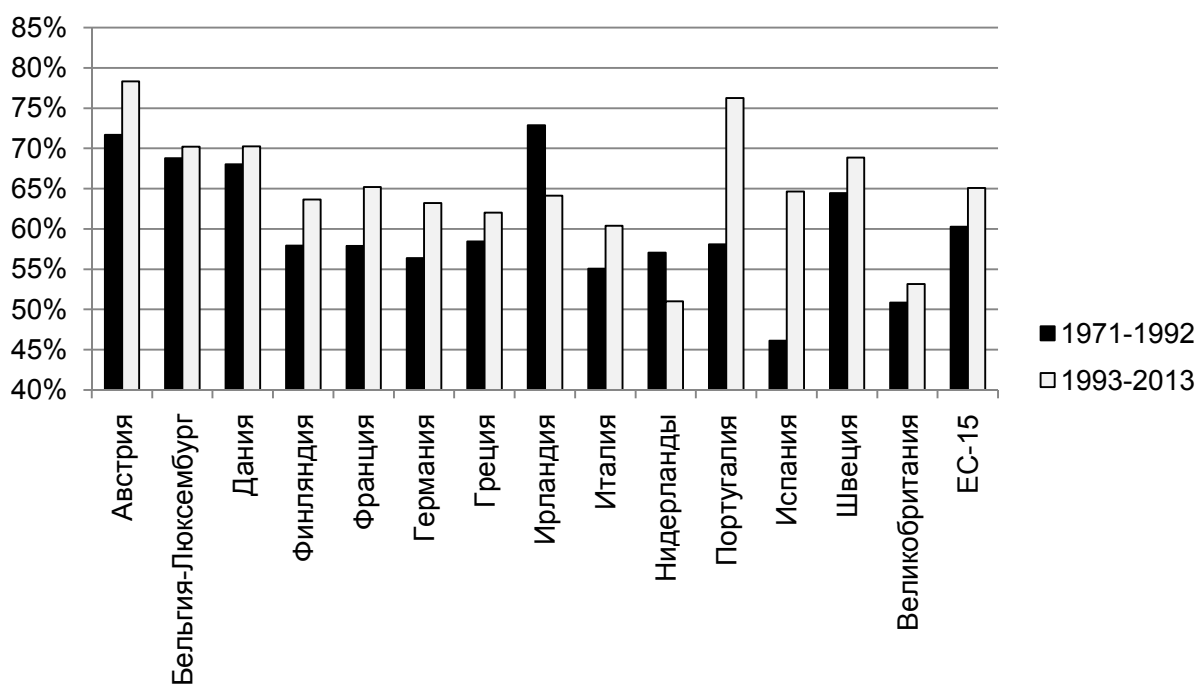

Рисунок 3.1 – Доля импорта ЕС-15 из стран-членов ЕС, 1971–2013 гг., процентов

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Для ЕС она увеличилась в 1,2 раза (с 56,7 до 66,7%), для ЕС-15 – в 1,1 раза (с 60,3 до 65,1%) и для ЕС-13 – в 1,3 раза (с 52,5 до 68,5%). В странах «второго эшелона» рост был более значительным, т.к. для них характерен эффект создания торговли (в отличие от первой подгруппы).

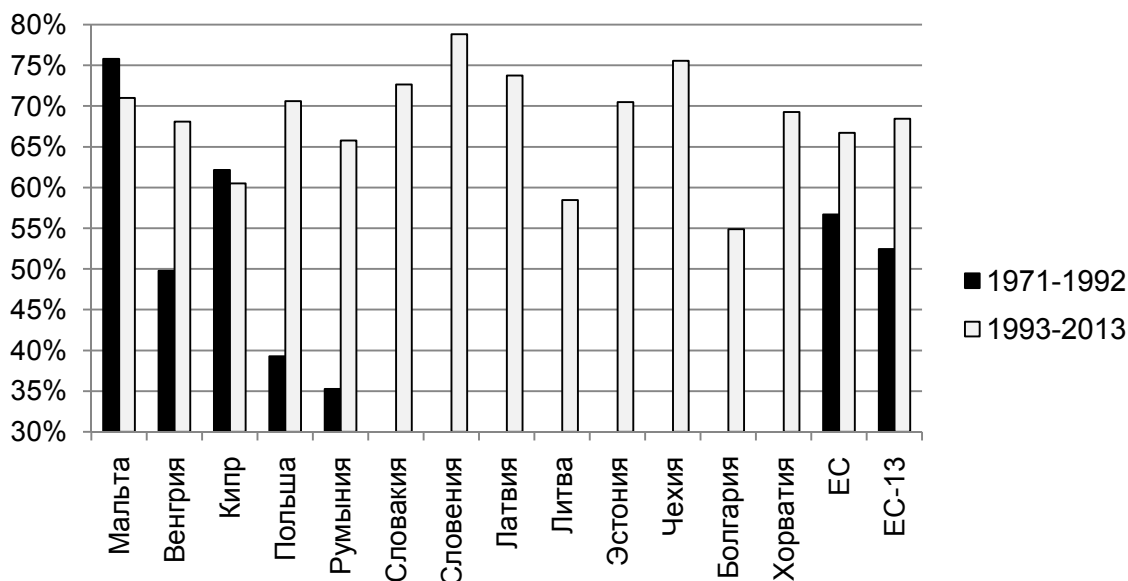

Рисунок 3.2 – Доля импорта ЕС-13 из стран-членов ЕС, 1971–2013 гг., процентов

Примечание: до 1993 г. данные по Словакии, Словении, Латвии, Литве, Эстонии, Чехии, Болгарии и Хорватии отсутствуют.

Источник: рассчитано по данным UN COMTRADE Database.

Если сравнивать ситуацию в ЕС с АСЕАН, то в Европе эффект создания торговли проявляется для блока в целом и для новых членов¹. В Юго-Восточной Азии он отсутствует во всех случаях. Эффект отклонения торговли отсутствует для ЕС в целом и выделяемых подгрупп. В Азии он характерен для АСЕАН в целом, а также для новых членов группировки (АСЕАН-4).

При этом доля импорта из стран-партнеров по интеграционному объединению выросла во всех странах АСЕАН в 1993–2013 гг. по сравнению с 1971–1992 гг., а в ЕС снизилась у Ирландии, Мальты, Кипра и Нидерландов, по 8 странам данные до 1993 г. отсутствуют, в остальных 16 государствах она увеличилась.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ЕС и АСЕАН стоит рассматривать как интеграционные объединения по типу «Север-Юг», а не «Север-Север» в случае Евросоюза и «Юг-Юг» в случае

¹ Чехия, Эстония, Кипр, Латвия, Литва, Венгрия, Мальта, Польша, Словакия и Словения присоединились к ЕС в 2004 г., Болгария и Румыния – в 2007 г. и Хорватия – в 2013 г.

АСЕАН. Это объясняется тем, что новые члены в составе обеих группировок по уровню развития существенно отстают от «старых» участников, причем разрыв между «первым» и «вторым» эшелонами в рамках АСЕАН гораздо сильнее, чем в ЕС.

Эмпирическая оценка проявления потокообразующего и потокоотклоняющего эффектов в странах АСЕАН и Европейского союза в период с 1971 по 2013 гг. демонстрирует, что эффекты создания и отклонения торговли наблюдаются только для «новых» членов исследуемых интеграционных объединений. При этом потокообразующий эффект характерен для ЕС-13, а потокоотклоняющий - для АСЕАН-4.

Превалирование эффекта отклонения торговли над эффектом ее создания позволяет сделать вывод о том, что страны АСЕАН спустя 48 лет после подписания соглашения о создании Ассоциации и 23 года спустя формирования ЗСТ находятся на начальном этапе интеграции и не достигли той степени торговой взаимозависимости, которая позволит перейти к глубокой стадии интеграции и ввести единую валюту. Поэтому далее в качестве варианта развития интеграции в валютной сфере рассматривается возможность скоординированной валютной политики стран АСЕАН.

3.2. Внешнеторговые эффекты координации валютной политики в странах АСЕАН

Поскольку все страны АСЕАН стимулируют рост экспорта за счет политики конкурентной девальвации, которая неизбежно ведет к валютным войнам между участницами блока, существует необходимость в согласовании направлений курсовой политики между странами-участницами. Как отмечалось ранее (параграф 2.1), в экономической литературе рассматриваются варианты согласования в виде привязки национальных валют стран АСЕАН к общей корзине. В отличие от традиционного подхода при формировании корзин автор применил метод

SAC (Stable Aggregate Currency)¹, который предполагает, что доли всех валют в корзине подбираются таким образом, чтобы ее стоимость оставалась практически неизменной на протяжении всего исследуемого периода времени. В результате были отобраны 4 варианта состава валютных корзин (табл. 3.6).

Таблица 3.6 - Состав валютных корзин для АСЕАН

Валюта	Структура валютной корзины, %			
	JKC	UEJ	SAC (5)	SAC (13)
евро (EUR)	х	34,23	20,91	х
доллар США (USD)	х	34,51	22,14	х
японская иена (JPY)	32,90	31,26	19,24	7,29
корейская вона (KRW)	34,55	х	19,53	4,71
китайский юань (CNY)	32,55	х	18,18	5,88
индонезийская рупия (IDR)	х	х	х	9,12
малайский ринггит (MYR)	х	х	х	10,47
филиппинское песо (PHP)	х	х	х	5,23
тайский бат (THB)	х	х	х	9,19
брунейский доллар (BND)	х	х	х	9,81
камбоджийский риель	х	х	х	8,00
лаосский кип (LAK)	х	х	х	10,21
мьянманский кьят (MMK)	х	х	х	5,74
сингапурский доллар	х	х	х	2,15
вьетнамский донг (VND)	х	х	х	12,19

Источник: здесь и далее расчеты автора.

Использование метода SAC приводит к тому, что доли валют стран АСЕАН+3 в корзине SAC (13) отличны от тех, что применяются для AMU² (набор валют в упомянутых корзинах одинаков). Так, на валюты стран «Большой тройки» приходится всего 17,88%, а не 70,44%, как в AMU, т.е. корзина по методу SAC более сбалансирована. Наибольшую долю в ней занимает вьетнамский донг (12,19%), наименьшую – сингапурский доллар (2,15%).

Состав других корзин тоже относительно сбалансирован: входящие в их состав валюты имеют примерно одинаковые доли. Так, в корзине JKC 34,55% приходится на корейскую вону, 32,90% – на японскую иену и

¹ Hovanov N.V., Kolari J.W., Sokolov M.V. Synthetic Money // International Review of Economics and Finance. 2007. № 16. p. 161–168.

² AMU and AMU Deviation Indicators. URL: <http://www.rieti.go.jp/users/amu/en/index.html> (дата обращения: 19.06.2015).

32,55% – на китайский юань. В корзине UEJ доминирует доллар США с долей 34,51%, затем идет евро (34,23%) и на иену приходится меньше трети – 31,26%. В корзине из пяти валют – SAC (5) – наибольший удельный вес также приходится на доллар США (22,14%), второе место занимает евро (20,91%), третье – вона (19,53%), четвертое – иена (19,24%) и последнее – юань (18,18%).

При изучении внешнеторговых эффектов скоординированной валютной политики в странах АСЕАН предполагается, что местные валюты жестко фиксируются к стоимости корзины таким образом, что их соотношение друг к другу составляет 1:1. Стоимость самой корзины не фиксируется, позволяя ей реагировать на внешние шоки.

Для определения оптимальной формы координации валютной политики необходимо:

- 1) оценить ее внешнеторговые эффекты по гипотетически сформированным вариантам валютных корзин;
- 2) оценить фактические внешнеторговые эффекты по отношению к валютам основных торговых партнеров стран АСЕАН;
- 3) произвести сравнение полученных результатов.

Оценка внешнеторговых эффектов будет проведена с использованием следующей регрессионной модели¹:

$$X_{it} = \beta_0 + \beta_1 ER_{it} + \beta_2 FDI_{it} + u_{it}, \quad (3.2)$$

где X_{it} – натуральный логарифм национального товарного экспорта страны i в период t , FDI_{it} – натуральный логарифм притока ПИИ в страну i в период t , ER_{it} – натуральный логарифм курса национальной валюты страны i к валютам основных торговых партнеров (доллару США, евро, иене, воне и юаню) в период t или натуральный логарифм стоимости корзины валют i по отношению к доллару США и u_{it} – случайные колебания.

¹ Дёмина Я.В. Влияние валютной политики на внешнеторговые потоки Восточной Азии // *Пространственная экономика*. 2013. № 1. С. 136–143; Дёмина Я.В. Оценка торговых эффектов валютной политики стран Восточной Азии // *Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVI краевого конкурса молодых ученых и аспирантов*, Хабаровск, 17-24 января 2014 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. С. 37-41; Дёмина Я.В. Определение равновесного курса валют стран Восточной Азии к доллару США // *Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVI краевого конкурса молодых ученых и аспирантов*, Хабаровск, 17-24 января 2014 г. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014. С. 85-91; Дёмина Я.В. Платежные балансы стран Восточной Азии: влияние скоординированной валютной политики // *Пространственная экономика*. 2014. № 1. С. 138-152; Дёмина Я.В. Торговые эффекты инвестиционной политики в наименее развитых странах АСЕАН // *Исследования молодых учёных: экономическая теория, социология, отраслевая и региональная экономика*. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 179-183.

$$\text{Imp}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \text{ER}_{it} + \beta_2 \text{FDI}_{it} + u_{it}, \quad (3.3)$$

где Imp_{it} – натуральный логарифм национального товарного импорта страны i в период t .

Для регрессионного анализа будут использованы панельные данные по объемам товарного экспорта, импорта, привлеченных ПИИ (в долл. США) и номинальные обменные курсы по отношению к исследуемым валютам основных торговых партнеров стран АСЕАН за период с 2000 по 2014 гг. Информационную базу составили данные UNCTAD Statistics Database.

Сначала будут получены оценки внешнеторговых эффектов валютной политики для АСЕАН в целом, затем - по выделяемым подгруппам (АСЕАН-6 и АСЕАН-4).

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что наибольшее влияние на экспорт и импорт всех членов Ассоциации стран Юго-Восточной Азии оказывает корзина региональных валют SAC (13) (табл. 3.7).

Таблица 3.7 – Оценки внешнеторговых эффектов валютной политики стран АСЕАН

Параметры	Валюты					Валютные корзины			
	KRW	JPY	CNY	EUR	USD	JKC	UEJ	SAC (5)	SAC (13)
экспорт									
ER	-0,12*	0,78**	0,87**	0,64**	-0,13**	-0,79*	-1,60***	-0,80*	4,32***
FDI	0,48*	0,36**	0,36**	0,37**	0,48***	0,40**	0,29***	0,40***	0,27***
Cons.	7,15*	3,38**	4,67**	3,90**	7,24***	11,9**	13,54**	11,55**	-27,75*
R-sq.	0,83	0,64	0,64	0,64	0,82	0,59	0,71	0,59	0,76
импорт									
ER	-0,28*	0,48**	0,48**	0,32**	-0,42**	-	-1,67***	-	4,23***
FDI	0,44*	0,39**	0,40**	0,40**	0,43***	0,42**	0,29***	0,42***	0,28***
Cons.	8,14*	4,58**	4,67**	5,29**	8,94***	12,37	13,66**	11,67**	-27,2**
R-sq.	0,62	0,63	0,63	0,62	0,62	0,61	0,75	0,61	0,79

Примечание: * - уровень значимости $\alpha = 0,05$; ** - уровень значимости $\alpha = 0,01$; *** - уровень значимости $\alpha = 0,001$.

Так, при снижении стоимости вышеуказанной корзины на 1% к доллару США экспорт каждой из 10 исследуемых стран региона увеличивается на 4,32%, а импорт – на 4,23%. Воздействие потоков прямых иностранных инвестиций гораздо слабее, чем данной валютной

корзины: при увеличении объема привлеченных ПИИ на 1% экспорт стран АСЕАН увеличивается на 0,27%, импорт – на 0,28%.

Прочие валютные корзины оказывают обратный эффект на региональные потоки экспорта и импорта: при девальвации их стоимости относительно доллара США объемы внешней торговли стран АСЕАН снижаются (при этом влияние корзин JKC и SAC (5) на импорт не значимо). Это объясняется различиями в составе корзин: в SAC (13) входят валюты стран АСЕАН и "Большой тройки", в остальные корзины – только внешние для Ассоциации валюты (иена, вона, юань, доллар США и евро).

Так, при снижении долларовой стоимости корзины UEJ на 1% экспорт стран АСЕАН снижается на 1,60%, а импорт – на 1,67%. Иностраннные инвестиции при этом оказывают примерно такой же эффект, как в случае с корзиной SAC (13): их рост на 1% стимулирует увеличение экспорта и импорта стран ЮВА на 0,29%.

Среди всех вариантов корзин валют, составленных по методу SAC, наименьшее влияние на экспорт и импорт исследуемых стран Юго-Восточной Азии оказывает корзина валют, составленная из иены, юаня и воны (JKC). Так, при девальвации ее стоимости на 1% относительно доллара США региональный экспорт снижается на 0,79% (воздействие SAC (5) несущественно больше: 0,80%). На товарный импорт стран АСЕАН обе упомянутые корзины валют не оказывают влияния. Воздействие ПИИ на внешнеторговые потоки в данном случае сильнее, чем в моделях для SAC (13) и UEJ: при увеличении объема привлеченных иностранных инвестиций на 1% экспорт стран АСЕАН увеличивается на 0,40%, импорт – на 0,42%.

Если сравнивать влияние отдельных валют (доллара США, евро, иены, воны и юаня) на внешнеторговые потоки региона, то наибольшие количественные эффекты характерны для юаня. Так, при девальвации местных валют к курсу юаня на 1% экспорт региона увеличивается на 0,87%, а импорт – на 0,48%. Влияние иены на экспорт слабее (0,78%), на импорт – равнозначно (как упоминалось в параграфе 2.2, Япония

занимает важное место в качестве поставщика узлов и деталей в рамках трансграничных производственных цепочек). Колебания курсов восточноазиатских валют к евро оказывают следующее влияние: при девальвации обменного курса региональных валют на 1% относительно евро экспорт стран Ассоциации увеличивается на 0,64%, импорт – на 0,32%.

Воздействие доллара США и корейской воны на внешнеторговые потоки региона гораздо слабее, чем трех указанных выше валют, и носит обратный характер. Так, при девальвации стоимости валют стран АСЕАН на 1% к американскому доллару товарный экспорт исследуемых стран снижается на 0,13%, импорт – на 0,42%. Самое слабое влияние оказывает вона: при девальвации местных валют на 1% к KRW экспорт стран АСЕАН уменьшается на 0,12%, импорт – на 0,28%.

Несмотря на то, что курсы валют стран АСЕАН относительно доллара США оказывают гораздо меньшее влияние на потоки регионального товарного экспорта и импорта, чем обменные курсы относительно юаня и иены, доллар США продолжает доминировать в качестве валюты расчетов между членами Ассоциации.

Кроме того, для увеличения регионального экспорта и импорта товаров курсы восточноазиатских валют к доллару США и корейской воне следует ревальвировать, а к японской иене, китайскому юаню и евро – девальвировать. Как отмечалось ранее (в параграфе 2.3), валюты стран АСЕАН в 2000–2014 гг. ревальвировали к доллару и девальвировали к евро, юаню, иене и воне. Следовательно, курсовая политика стран Ассоциации в целом способствовала росту регионального экспорта и импорта, за исключением динамики курсов местных валют относительно корейской воны.

Примечателен также тот факт, что влияние валютных курсов стран АСЕАН относительно исследуемых корзин и валют основных торговых партнеров Ассоциации на экспорт и импорт имеет одинаковую направленность (коэффициенты в уравнениях для экспорта и импорта имеют одинаковые знаки). Для экономики одной страны влияние на

экспорт и импорт было бы противоположным, однако, в данном случае исследуется экономика региона (состоящая из 10 национальных экономик). И, как отмечалось в параграфе 2.3, на протяжении исследуемого периода курсы национальных валют стран АСЕАН характеризовались различной динамикой относительно валют основных торговых партнеров блока (хотя можно выделить общие тенденции для групп валют). Поэтому в среднем по региону колебания стоимости национальных валют стран АСЕАН относительно пяти рассматриваемых внешних валют компенсировали друг друга.

Результаты анализа, проведенного для "старых" членов АСЕАН, показывают, что наибольшее влияние на внешнюю торговлю указанных стран также оказывает корзина региональных валют SAC (13) (табл. 3.8).

Таблица 3.8 – Оценки внешнеторговых эффектов валютной политики стран АСЕАН-6

Параметры	Валюты					Валютные корзины			
	KRW	JPY	CNY	EUR	USD	JKC	UEJ	SAC (5)	SAC (13)
экспорт									
ER	-1,18*	-	-	-	-2,47***	-1,18*	-1,58***	-1,20**	3,77***
FDI	0,25*	0,26**	0,27**	0,24**	0,14***	0,24**	0,16***	0,24***	0,16***
Cons.	12,41	8,78**	9,34*	7,72**	17,20***	16,38*	15,43***	15,84***	-21,41***
R-sq.	0,48	0,32	0,32	0,34	0,76	0,87	0,87	0,87	0,86
импорт									
ER	-1,24*	-	-	-	-2,33***	-0,86*	-1,64***	-0,88*	4,04***
FDI	0,30*	0,30**	0,30**	0,29**	0,19***	0,28**	0,19***	0,28***	0,18***
Cons.	11,95	7,56**	8,26*	7,20**	16,06***	13,83*	15,14***	13,46***	-24,10***
R-sq.	0,56	0,40	0,40	0,41	0,75	0,77	0,77	0,77	0,76

Примечание: * - уровень значимости $\alpha = 0,05$; ** - уровень значимости $\alpha = 0,01$; *** - уровень значимости $\alpha = 0,001$.

При девальвации стоимости вышеуказанной корзины на 1% к доллару США экспорт каждой из шести исследуемых стран АСЕАН увеличивается на 3,77%, а импорт – на 4,04%. Воздействие потоков ПИИ гораздо слабее, как и в случае со всеми десятью членами Ассоциации. Влияние остальных валютных корзин также носит противоположный характер.

Наибольший отрицательный внешнеторговый эффект среди индивидуальных валют характерен для фактической курсовой политики стран АСЕАН-6 по отношению к доллару США: при девальвации национальных валют исследуемых шести стран на 1% к USD их товарный экспорт снижается на 2,47%, импорт – на 2,33%. Она также дает отрицательный внешнеторговый эффект, влияние иены, юаня и евро не значимо. Кроме того, низкое качество регрессионных уравнений для всех валют, кроме доллара США, не позволяет использовать их для целей анализа.

Оценки, полученные для "новых" членов АСЕАН, показывают, что наибольшее влияние на внешнюю торговлю указанных стран также оказывает корзина восточноазиатских валют SAC (13) (табл. 3.9).

Таблица 3.9 – Оценки внешнеторговых эффектов валютной политики стран АСЕАН-4

Параметры	Валюты					Валютные корзины			
	KRW	JPY	CNY	EUR	USD	JKC	UEJ	SAC (5)	SAC (13)
экспорт									
ER	0,42**	0,71**	0,75**	0,50**	0,59***	-	-1,24***	-	4,65***
FDI	0,55**	0,48**	0,48*	0,50**	0,55***	0,74**	0,46***	0,74***	0,39**
Cons.	1,58*	-0,52*	0,64**	1,07*	0,03*	0,11*	9,99***	0,44**	-32,58***
R-sq.	0,83	0,87	0,87	0,85	0,84	0,99	0,85	0,99	0,92
импорт									
ER	0,26**	0,27**	0,27**	0,24**	0,28***	-	-1,47***	-	4,18***
FDI	0,70**	0,68**	0,69**	0,69**	0,70***	0,56**	0,41***	0,56***	0,38**
Cons.	2,06**	2,04**	2,58**	2,19**	1,82***	3,41**	11,24***	3,61***	-28,44***
R-sq.	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,80	0,85	0,80	0,89

Примечание: * - уровень значимости $\alpha = 0,05$; ** - уровень значимости $\alpha = 0,01$; *** - уровень значимости $\alpha = 0,001$.

При снижении стоимости вышеуказанной корзины на 1% к доллару США экспорт каждой из четырех исследуемых стран АСЕАН увеличивается на 4,65%, а импорт – на 4,18%. Воздействие потоков ПИИ гораздо слабее, как и в предыдущих случаях. Влияние валютной корзины UEJ также снижает внешнюю торговлю рассматриваемых стран, а воздействие остальных валютных корзин незначимо.

Если сравнивать влияние отдельных валют (доллара США, евро, иены, воны и юаня) на товарный экспорт и импорт АСЕАН-4, то максимальный экспортный эффект характерен для юаня, минимальный – для воны. Так, при девальвации национальных валют стран АСЕАН-4 на 1% к юаню экспорт исследуемых стран увеличивается на 0,75%, при обесценивании к воне – на 0,42%. Наибольший импортный эффект наблюдается для доллара США, наименьший - для евро: при девальвации национальных валют стран АСЕАН-4 на 1% к USD их импорт увеличивается на 0,28%, к евро – на 0,24%. Примечательно, что внешнеторговое воздействие всех пяти валют основных торговых партнеров стран ЮВА носит в случае стран АСЕАН-4 однонаправленный характер (в отличие от ситуации для стран АСЕАН-6 и объединения в целом).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что оптимальной формой координации валютной политики стран АСЕАН является фиксация курсов национальных валют к общей корзине SAC (13), состоящей из 13 восточноазиатских валют. Данная корзина оказывает максимальный внешнеторговый эффект как для объединения в целом, так и в разрезе подгрупп АСЕАН-6 и АСЕАН-4. При этом согласованная валютная политика стран Юго-Восточной Азии, дающая максимальные внешнеторговые эффекты, будет состоять в девальвации стоимости указанной корзины относительно доллара США.

Фактическая девальвация национальных валют стран АСЕАН к юаню, иене, воне, доллару США и евро оказывает гораздо меньший внешнеторговый эффект, чем гипотетические валютные корзины. Кроме того, экспорт и импорт стран АСЕАН-6 и АСЕАН-4 реагирует на проводимую в регионе политику конкурентной девальвации по-разному: товаропотоки "старых" членов Ассоциации сокращаются, "новых" – растут. При этом максимальный внешнеторговый эффект в случае стран АСЕАН-6 наблюдается при ревальвации национальных валют к доллару США, в случае государств АСЕАН-4 – при девальвации к юаню (экспортный эффект) и доллару США (импортный эффект).

Следовательно, фиксация национальных валют всех членов АСЕАН к доллару США (или любой другой валюте основных торговых партнеров государств ЮВА) только усилила бы имеющиеся противоречия в направлениях курсовой политики исследуемых стран и привела к перманентным валютным и торговым войнам между участниками блока.

3.3. Перспективы создания валютной зоны в АСЕАН

Выше было оценено влияние скоординированной валютной политики на внешнеторговые потоки АСЕАН. При этом предполагалось создание валютной зоны с жесткой фиксацией местных валют относительно друг друга (через привязку к общей корзине валют). Для оценки перспектив создания в регионе ОВЗ необходимо:

- на основе критериев оптимальности валютных зон определить состав стран-участниц потенциальной ОВЗ;
- в случае, если не все члены АСЕАН соответствуют вышеуказанным критериям, оценить перспективы создания зоны с учетом европейского опыта (проверить гипотезу об эндогенности критериев ОВЗ¹).

Как указывалось ранее (в параграфе 1.3), существует несколько критериев оптимальности валютных зон. Указанным критериям можно подобрать количественные показатели (табл. 3.10), которые позволят оценить целесообразность формирования ОВЗ группой стран. Применим их для АСЕАН, чтобы определить, какие страны получают выгоды от углубления интеграционных процессов. При этом каждая потенциальная страна-участница валютной зоны будет сопоставляться со страной-якорем², т.е. государством с наибольшим экономическим потенциалом. В

¹ Дж. Франкель и Э. Роуз указывают на эндогенность критериев ОВЗ, т.е. на возможность достижения макроэкономической конвергенции участников зоны *ex-post* (после ее создания), даже если она не наблюдалась *ex-ante*, т.е. до момента создания зоны. Frankel J.A. and Rose A.K. The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. NBER Working Paper 5700. August 1996. 35 p.

² Bayoumi T. and Eichengreen B. One Money or Many? Analysing the Prospects for Monetary Unification in Various Parts of the World. Princeton Studies in International Finance. No. 76. September 1994. 52 p.; Bayoumi T. and Eichengreen B. Ever Closer to Heaven? An Optimum-Currency-Area

АСЕАН такой страной является Индонезия¹. Статистическую базу для анализа составили данные Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD) и Всемирного банка за период с 1999 по 2013 гг.

Таблица 3.10 – Критерии макроэкономической конвергенции

Критерий	Описание
(I) Волатильность двусторонних номинальных обменных курсов $SD(ER_{ij}) = SD(\ln[ER_{ij}^t / ER_{ij}^{t-1}])$	где SD (ER_{ij}) – стандартное отклонение значений логарифма темпа роста обменного курса национальной валюты страны <i>i</i> к валюте страны <i>j</i> ; ER_{ij}^t – обменный курс национальной валюты страны <i>i</i> к валюте страны <i>j</i> в период <i>t</i> .
(II) Асимметричность реальных шоков $SD(Y_{ij}) = SD(\ln[RGDP_i^t / RGDP_i^{t-1}]) - SD(\ln[RGDP_j^t / RGDP_j^{t-1}])$	где SD(Y_{ij}) – абсолютное значение разности стандартных отклонений темпов роста реального ВВП страны <i>i</i> к стране <i>j</i> ; RGDP_{it} – реальный ВВП страны <i>i</i> в год <i>t</i> .
(III) Асимметричность денежных шоков $SD(M_{ij}) = SD(\ln[M_i^t / M_i^{t-1}]) - SD(\ln[M_j^t / M_j^{t-1}])$	где SD(M_{ij}) – абсолютное значение разности стандартных отклонений логарифма темпа роста денежного предложения для стран <i>i</i> и <i>j</i> ; M_{it} – денежное предложение страны <i>i</i> в год <i>t</i> .
(IV) Сходство темпов инфляции $SD(CPI_{ij}) = SD(\ln[CPI_i^t / CPI_i^{t-1}]) - SD(\ln[CPI_j^t / CPI_j^{t-1}])$	где SD(CPI_{ij}) – абсолютное значение разности стандартных отклонений логарифма инфляции для стран <i>i</i> и <i>j</i> ; CPI_{it} – индекс потребительских цен страны <i>i</i> в год <i>t</i> .
(V) Величина объемов двусторонней торговли $Trade_{ij} = Avg_t (I_{ij}^t + X_{ij}^t / NGDP_i^t)$	где Trade_{ij} – среднее значение доли внешней торговли в номинальном ВВП; X_{ij}^t – товарный экспорт страны <i>i</i> в страну <i>j</i> в год <i>t</i> ; I_{ij}^t – товарный импорт страны <i>i</i> из страны <i>j</i> в год <i>t</i> ; NGDP_{it} – номинальный ВВП страны <i>i</i> в год <i>t</i> .

Источник: составлено по: Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.; Кнобель А.Ю., Миронов А.К. Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза // Журнал НЭА. 2015. № 1 (25). С. 76–101.

Для определения группы стран, готовых к созданию валютной зоны с Индонезией, по каждому критерию необходимо рассчитать значения для

Index for European Countries. University of California at Berkeley, Center for International and Development Economics Research (CIDER) Working Papers. No. C96-078 01. December 1996. 15 p.

¹ Шопина И.П. Выигрыши «больших» и «малых» стран от интеграции в рамках АСЕАН // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 86–95.

девяти оставшихся членов АСЕАН и далее найти медиану (по каждому показателю). Чтобы соответствовать первым четырем критериям, потенциальные страны-участницы должны иметь значения показателей ниже медианы, последнему критерию – выше медианы.

Для расчета показателя волатильности двусторонних номинальных обменных курсов было использовано среднегодовое значение их колебаний. Полученные результаты для стран АСЕАН представлены в таблице 3.11.

Таблица 3.11 – Соответствие стран АСЕАН критериям теории ОВЗ (страна-якорь – Индонезия), 1999–2013 гг.

Страна	Критерий				
	(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
Бруней	0,10670	0,00571	0,08064	0,58195	6,16%
Камбоджа	0,11135	0,01551	0,08417	0,01703	1,44%
Лаос	0,28855	0,00466	0,06112	1,30191	0,26%
Малайзия	0,09985	0,01131	0,00942	0,07348	5,18%
Мьянма	0,19841	0,01278	0,05716	0,58763	1,36%
Филиппины	0,09568	0,00404	0,02412	0,24699	1,27%
Сингапур	0,10680	0,02739	0,01536	0,91593	20,71%
Таиланд	0,07423	0,01016	0,00365	0,43446	3,26%
Вьетнам	0,12546	0,00245	0,03762	0,03390	2,58%

Примечание 1: жирным шрифтом выделено медианное значение по каждому показателю.

Примечание 2: показатели (I) - (IV) представлены в стандартных отклонениях.

Медианное значение составило 0,11 (совпадает с величиной показателя для Сингапура). Значения ниже медианы имеют такие страны, как Бруней, Малайзия, Филиппины и Таиланд. Следовательно, для этих стран процесс валютной интеграции будет сопряжен с относительно меньшими издержками по сравнению с другими странами АСЕАН.

Асимметричность реальных шоков характеризуется высоким значением показателя волатильности. Медиана в данном случае составила 0,01 (пороговое значение характерно для Таиланда). В список стран, имеющих данный показатель ниже порогового значения, вошли такие члены АСЕАН, как Лаос, Вьетнам, Бруней и Филиппины. Следовательно, деловые циклы указанных государств согласуются с ситуацией в Индонезии.

Для оценки асимметричности монетарных шоков в качестве денежного предложения используется агрегат M_2 . Значение медианы составило 0,04 (совпадает с величиной показателя для Вьетнама). Таким образом, к странам с относительно низким значением волатильности темпов роста денежного предложения можно отнести Малайзию, Филиппины, Сингапур и Таиланд.

Из данных таблицы 3.11 видно, что наименьшие различия в темпах инфляции с Индонезией характерны для таких государств, как Камбоджа, Малайзия, Филиппины и Вьетнам. Значение медианы составило 0,43 (пороговое значение характерно для Таиланда). Стоит отметить, что разница в темпах инфляции между странами АСЕАН и государством-якорем гораздо больше, чем отклонения по другим показателям. Это связано с тем, что в Индонезии довольно высок уровень инфляции – 8,55% в среднем за исследуемый период¹. Только в Лаосе и Мьянме темп роста потребительских цен превышает показатели для страны-якоря, в остальных государствах-членах АСЕАН он существенно ниже.

Наибольший относительный оборот внешней торговли товарами с Индонезией имеют Бруней, Малайзия, Сингапур и Таиланд. Значение медианы составило 2,6% (величина показателя для Вьетнама). Соответственно, для этих стран совокупный выигрыш от вступления в валютную зону должен быть относительно выше, чем для других стран. При этом наиболее зависим от торговли с Индонезией Сингапур – доля двустороннего товарооборота в ВВП составляет 20,7%.

Результаты, представленные в таблице 3.11, позволяют сделать некоторые выводы относительно готовности стран создавать валютную зону. Больше всего баллов в данной шкале соответствия критериям ОВЗ набирают Малайзия и Филиппины (четыре показателя из пяти). То есть создание валютной зоны в составе Индонезии и указанных стран является наиболее экономически привлекательным относительно других членов рассматриваемого интеграционного блока. Также относительно высокие оценки в анализе имеют Бруней и Таиланд (три критерия из пяти).

¹ Рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

Средние оценки имеют такие страны, как Сингапур и Вьетнам, они соответствуют двум показателям из пяти. Наименьшее число баллов в данном анализе набирают Камбоджа, Лаос (один из пяти) и Мьянма (ни одного). То есть по выбранным критериям теории ОВЗ эти страны значительным образом отличаются от Индонезии, а значит, и валютная интеграция страны-якоря с ними на данный момент является экономически нецелесообразной. Следовательно, наименее развитые государства-члены АСЕАН пока не готовы к развитию интеграции «вглубь», и их участие в эволюции интеграционных процессов не принесет положительных результатов.

Следует отметить, что применяемая методика очень чувствительна к выбору страны-якоря. Так, если в качестве якоря использовать страну АСЕАН с крупнейшим внешнеторговым оборотом (в том числе внутри интеграционного блока), т.е. Сингапур, то состав участников потенциальной валютной зоны изменится (табл. 3.12).

Таблица 3.12 – Соответствие стран АСЕАН критериям теории ОВЗ (страна-якорь – Сингапур), 1999–2013 гг.

Страна	Критерий				
	(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
Бруней	0,00066	0,02168	0,06528	0,33060	9,77%
Камбоджа	0,03074	0,01188	0,06882	0,87699	5,27%
Лаос	0,07570	0,02739	0,01536	0,67694	5,37%
Малайзия	0,05043	0,03204	0,04576	0,36227	0,74%
Мьянма	0,02383	0,01608	0,02477	0,80303	21,63%
Филиппины	0,14665	0,01461	0,04181	0,32975	4,06%
Сингапур	0,04917	0,02335	0,00876	1,09979	5,28%
Таиланд	0,03097	0,01723	0,01901	0,49447	5,77%
Вьетнам	0,05402	0,02494	0,02227	0,88032	9,54%

Примечание 1: жирным шрифтом выделено медианное значение по каждому показателю.

Примечание 2: показатели (I) - (IV) представлены в стандартных отклонениях.

Так, Таиланд имеет соответствие по всем пяти критериям, Бруней и Малайзия – по трем, Вьетнам, Мьянма и Камбоджа – по двум и Филиппины, Индонезия, Лаос – по одному. Следовательно, в валютную зону с Сингапуром вошли бы Таиланд, Бруней и Малайзия.

Чтобы нивелировать чувствительность результатов расчетов к выбору страны-якоря, исходную методику необходимо модифицировать. Для этого вышеуказанные показатели были рассчитаны для всех десяти стран АСЕАН в качестве якоря. В результате Сингапур имеет соответствие со всеми странами по уровню двусторонней торговли, Бруней – по волатильности двусторонних номинальных обменных курсов (табл. 1 – 2 приложения 2). По остальным критериям соответствие наблюдается для меньшего количества участниц АСЕАН: Бруней имеет соответствие с 8 странами по асимметричности реальных шоков, Индонезия – с 7 странами по уровню инфляции и Вьетнам – с 6 странами по темпам роста предложения денег.

Также высокая степень конвергенции с партнерами по АСЕАН наблюдается у Таиланда, Малайзии и Филиппин. Следовательно, в состав потенциальной валютной зоны могут войти Сингапур, Бруней, Индонезия, Вьетнам, Таиланд, Малайзия и Филиппины. Наименее развитые члены Ассоциации – Мьянма, Лаос и Камбоджа – пока не достигли необходимой степени конвергенции макроэкономических показателей с остальными участниками АСЕАН и даже между собой (за исключением темпов роста денежного предложения).

Следовательно, для оценки перспектив создания валютной зоны в составе всех десяти членов АСЕАН, необходимо проверить гипотезу об эндогенности критериев ОВЗ. Так как ЕС, на территории которого с 1999 г. функционирует валютный союз, является пока единственным примером воплощения теории оптимальных валютных зон на практике, для проверки вышеуказанной гипотезы будет использован европейский опыт.

Так, в таблицах 3.13 и 3.14 представлены суммарные показатели сравнительного анализа, проведенного для каждой страны-участницы Европейского союза¹ за два периода: 1993–1998 гг. и 1999–2013 гг., т.е. до

¹ Европейский союз исследуется в его современном составе (28 стран), независимо от года присоединения того или иного государства.

и после введения евро. В качестве страны-якоря валютной интеграции была использована Германия¹.

Таблица 3.13 – Соответствие стран ЕС критериям теории ОВЗ до введения евро, 1993–1998 гг.

Страна	Критерий				
	(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
ЕС-15					
Австрия	0,0004	0,0019	0,0253	0,2683	20,81%
Бельгия	0,0100	0,0041	0,0048	0,0223	41,19%
Великобритания	0,1061	0,0063	0,0455	0,0875	5,55%
Греция	0,0558	0,0064	0,0728	0,2489	4,53%
Дания	0,0102	0,0054	0,0664	0,0506	9,88%
Ирландия	0,0661	0,0185	0,0893	0,1388	10,94%
Испания	0,0684	0,0066	0,0794	0,1354	5,40%
Италия	0,1088	0,0004	0,0169	0,0625	6,19%
Люксембург	0,0100	0,0083	0,0541	0,0832	41,19%
Нидерланды	0,0025	0,0020	0,0195	0,1812	18,60%
Португалия	0,0524	0,0149	0,0418	0,2066	8,39%
Финляндия	0,0924	0,0111	0,0036	0,0957	7,49%
Франция	0,0149	0,0014	0,0101	0,0321	6,98%
Швеция	0,1126	0,0116	0,0067	0,5210	8,21%
ЕС-13					
Болгария	0,7680	0,0564	0,4637	1,6986	11,02%
Венгрия	0,0838	0,0057	0,0009	0,1153	23,66%
Кипр	0,0344	0,0199	0,0033	0,0275	6,36%
Латвия	0,2185	0,0760	0,2264	0,1197	12,94%
Литва	0,5509	0,0927	0,1685	0,0329	12,80%
Мальта	0,0691	0,0037	0,0087	0,0779	13,89%
Польша	0,0945	8,0542	0,0117	0,2842	12,43%
Румыния	0,2742	0,0308	0,1914	0,6445	8,73%
Словакия	0,0464	0,5837	0,0278	0,0680	22,28%
Словения	0,0979	0,0033	0,0937	0,2023	22,54%
Хорватия	1,0233	0,0462	0,1310	1,4182	11,18%
Чехия	0,0255	0,1082	0,0796	0,2190	26,97%
Эстония	0,2105	0,0461	0,1033	0,1263	9,57%

Примечание 1: жирным шрифтом выделено медианное значение по каждому показателю.

Примечание 2: показатели (I) - (IV) представлены в стандартных отклонениях.

До введения евро страны ЕС соответствовали критериям теории ОВЗ следующим образом:

- всем пяти показателям соответствовала только Бельгия;

¹ Кнобель А.Ю., Миронов А.К. Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза // Журнал НЭА. 2015. № 1 (25). С. 76–101; Frankel J.A. and Rose A.K. The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. NBER Working Paper 5700. August 1996. 35 p.

- четырем – семь стран (Австрия, Франция, Нидерланды, Люксембург, Мальта, Венгрия, Словакия);
- трем – три государства (Кипр, Дания, Италия);
- двум – десять стран (Чехия, Финляндия, Греция, Латвия, Литва, Польша, Португалия, Словения, Испания, Великобритания);
- одному – три участницы ЕС (Хорватия, Ирландия, Швеция);
- ни одному – тоже три страны (Болгария, Румыния, Эстония).

Таблица 3.14 – Соответствие стран ЕС критериям теории ОВЗ после введения евро, 1999–2013 гг.

Страна	Критерий				
	(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)
ЕС-15					
Австрия	0,0000	0,0036	0,0253	0,0180	27,66%
Бельгия	0,0000	0,0058	0,0048	0,2598	22,44%
Великобритания	0,0656	0,0010	0,0368	0,4260	5,43%
Греция	0,0098	0,0234	0,0728	0,1719	4,01%
Дания	0,0019	0,0003	0,0745	0,2586	10,55%
Ирландия	0,0024	0,0223	0,1419	0,0722	12,30%
Испания	0,0005	0,0037	0,0794	0,4631	5,96%
Италия	0,0009	0,0004	0,0186	0,2058	6,46%
Люксембург	0,0000	0,0129	0,0541	0,0816	19,37%
Нидерланды	0,0001	0,0005	0,0195	0,3629	19,91%
Португалия	0,0004	0,0007	0,0418	0,0244	7,49%
Финляндия	0,0003	0,0128	0,0174	4,4601	8,73%
Франция	0,0001	0,0060	0,0101	0,4947	7,86%
Швеция	0,0538	0,0042	0,1046	0,1163	9,03%
ЕС-13					
Болгария	0,0009	0,0108	0,0560	0,1575	11,52%
Венгрия	0,0452	0,0081	0,0333	0,3058	34,54%
Кипр	0,0045	0,0085	0,1126	0,2155	5,64%
Латвия	0,0479	0,0521	0,0993	0,1526	10,56%
Литва	0,0395	0,0399	0,0644	0,2117	12,22%
Мальта	0,0015	0,0005	0,0430	0,0363	12,07%
Польша	0,0926	0,0054	0,0276	0,0045	17,07%
Румыния	0,1576	0,0171	0,0974	0,5001	11,51%
Словакия	0,0701	0,0131	0,0396	0,0082	32,15%
Словения	0,0697	0,0155	0,0779	0,1576	21,08%
Хорватия	0,0231	0,0141	0,0979	0,2197	7,77%
Чехия	0,0489	0,0076	0,0455	0,6293	37,95%
Эстония	0,0007	0,0434	0,1631	0,2093	11,82%

Примечание 1: жирным шрифтом выделено медианное значение по каждому показателю.

Примечание 2: показатели (I) - (IV) представлены в стандартных отклонениях.

После образования Еврозоны только Австрия и Мальта соответствуют всем критериям. Также высокая степень конвергенции со страной-якорем наблюдается у Бельгии, Италии, Нидерландов, Польши¹ и Португалии (четыре критерия из пяти). Средние показатели характерны для Чехии, Франции, Люксембурга и Словакии (три из пяти). Десять стран (Болгария, Дания, Эстония, Финляндия, Венгрия, Ирландия, Словения, Испания, Швеция и Великобритания²) соответствуют двум критериям из пяти, три страны (Греция, Латвия и Литва) – одному. Еще три страны (Хорватия, Кипр и Румыния) ни по одному из выбранных показателей не соответствуют критериям ОВЗ.

Сводные результаты по двум периодам (до и после введения евро) представлены в таблице 3.15.

Таблица 3.15 – Соответствие стран ЕС критериям теории ОВЗ

Критерий	Страна
<i>До введения евро</i>	
(I)	Австрия, Бельгия, Кипр, Чехия, Дания, Франция, Греция, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Словакия, Испания
(II)	Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Греция, Венгрия, Италия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Словения, Испания, Великобритания
(III)	Австрия, Бельгия, Кипр, Финляндия, Франция, Венгрия, Италия, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Швеция
(IV)	Бельгия, Кипр, Дания, Финляндия, Франция, Венгрия, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Словакия, Великобритания
(V)	Австрия, Бельгия, Хорватия, Чехия, Венгрия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Словакия, Словения
<i>После введения евро</i>	
(I)	Австрия, Бельгия, Болгария, Дания, Эстония, Финляндия, Франция, Италия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Испания
(II)	Австрия, Бельгия, Чехия, Дания, Франция, Италия, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания
(III)	Австрия, Бельгия, Чехия, Финляндия, Франция, Венгрия, Италия, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Словакия, Великобритания
(IV)	Австрия, Болгария, Греция, Ирландия, Италия, Латвия, Швеция, Люксембург, Мальта, Польша, Португалия, Словакия, Словения
(V)	Австрия, Бельгия, Чехия, Эстония, Венгрия, Ирландия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Словакия, Словения

Переход на единую валюту должен был нивелировать волатильность двусторонних обменных курсов, а также минимизировать

¹ Польша не соответствует только такому критерию как волатильность двусторонних валютных курсов, т.к. она не входит в Еврозону.

² Под Великобританией понимается Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

различия в темпах роста денежной базы и, следовательно, цен. Однако в случае Еврозоны ситуация по первому критерию улучшилась только для Эстонии, Финляндии, Италии и Мальты (Финляндия и Италия перешли на евро с 1999 года, Мальта – с 2008 г., Эстония – с 2011 г.). Для Кипра, Греции, Ирландии и Словакии ситуация, наоборот, ухудшилась: они перестали соответствовать данному критерию (Ирландия перешла на евро с 1999 г., Греция – с 2001 г., Кипр – с 2008 г., Словакия – с 2009 г.). Асимметричность денежных шоков после введения евро не снизилась ни для одного государства-участника Еврозоны. Ухудшение ситуации характерно для Кипра. Разница в темпах инфляции после введения евро сократилась для таких членов Еврозоны, как Австрия, Греция, Ирландия, Португалия и Словения. Для Бельгии, Кипра, Финляндии и Франции ситуация была обратной.

Влияние перехода на евро на соответствие стран ЕС двум другим критериям – величина объемов двусторонней торговли и асимметричность реальных шоков – было следующим: рост торговли с Германией отмечался у Эстонии и Ирландии, снижения ее объемов не наблюдалось ни у одной страны-участницы Еврозоны; синхронизация деловых циклов с Германией произошла для Португалии, однако, для Греции, Словении и Люксембурга ситуация ухудшилась.

Полученные результаты показывают, что среди стран Еврозоны¹ существуют три следующих группы:

- к первой группе относятся страны, для которых гипотеза об эндогенности критериев ОВЗ подтвердилась: Австрия, Мальта, Италия, Ирландия, Эстония и Португалия;
- ко второй группе – страны, для которых гипотеза не подтвердилась и показатели ухудшились после вступления: Бельгия, Франция, Люксембург, Словакия, Кипр² и Греция;
- к третьей группе – страны, для которых гипотеза не подтвердилась, но их положение не изменилось: Нидерланды и

¹ С 1 января 2015 г. в Еврозону входят 19 стран, однако, статистические данные охватывают период с 1999 по 2013 гг., и на тот момент Еврозона включала 17 стран (без Латвии и Литвы). Также здесь не учитывается Германия, так как она выступает в роли якоря.

² В первом периоде Кипр соответствовал трем критериям (сходство темпов инфляции, симметрия денежных шоков и волатильность двусторонних обменных курсов), во втором – ни одному.

Испания. Финляндия и Словения по-прежнему соответствуют двум показателям, однако, состав критериев изменился.

Следовательно, Еврозона не является оптимальной валютной зоной с теоретической точки зрения. Это обусловлено тем, что создание валютного союза было больше фактом политической воли, нежели экономической целесообразностью.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в АСЕАН создание валютной зоны предполагает взаимную фиксацию обменных курсов к общей корзине валют. В настоящее время торговая интеграция в рамках Ассоциации находится на начальной стадии, поэтому переход на единую валюту (вариант Евросоюза) экономически и политически нецелесообразен.

Чтобы обеспечить устойчивость создаваемой валютной зоны, потенциальные страны-участницы должны соответствовать критериям теории ОВЗ. Для исследования были выбраны пять следующих показателей экономической конвергенции: волатильность двусторонних номинальных обменных курсов, асимметричность реальных и денежных шоков, сходство темпов инфляции и объемы двусторонней торговли. Полученные результаты показывают, что создание валютной зоны в настоящее время экономически целесообразно между семью участниками АСЕАН. Остальные страны-члены данного интеграционного блока (Камбоджа, Лаос и Мьянма) пока не достигли высокой степени макроэкономической конвергенции с партнерами по Ассоциации.

Создание зоны, включающей всех членов исследуемого объединения, на данном этапе его развития невозможно, так как с учетом опыта Евросоюза нет оснований полагаться на гипотезу об эндогенности критериев теории ОВЗ. Следовательно, для членов АСЕАН с наименьшими показателями экономической конвергенции существует необходимость в переходном периоде. На этапе их подготовки к вступлению в зону стоит также учитывать величину национальных золотовалютных резервов, которых в настоящее время недостаточно для поддержания фиксированных валютных курсов внутри зоны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «международная экономическая интеграция» появился в середине XX века, однако, процессы, которые он описывает, зародились гораздо раньше. Так, различные формы валютной интеграции наблюдались уже в VI в. до н.э. Дальнейшее развитие и распространение процессов международной экономической интеграции связано, в первую очередь, со сферой международной торговли.

К формам (или этапам) торговой интеграции относят создание зон свободной торговли и таможенных союзов. Их формирование приводит к возникновению ряда экономических эффектов для стран-участниц. В первую очередь проявляются торговые эффекты интеграции – потокообразующий и потокоотклоняющий. Первый эффект предполагает, что страна-участница интеграционного объединения в результате снятия торговых барьеров начинает импортировать из страны-партнера товар, который раньше вообще не импортировала или не потребляла. Второй эффект проявляется в том, что страна начинает импортировать в рамках интеграционного объединения товар, который раньше импортировала из третьих стран. Следовательно, эффект создания торговли является по сути положительным, так как стимулирует потребление импортных товаров, произведенных с меньшими издержками, чем отечественные аналоги. А эффект отклонения торговли – отрицательным, так как изменяет структуру потребления в сторону товаров, произведенных в странах-партнерах по интеграционному блоку с большими издержками, чем их аналоги из третьих стран.

Доминирование того или иного эффекта зависит от стадии, на которой находится исследуемое интеграционное объединение. Поэтому эмпирическая оценка торговых эффектов интеграции, проводимая применительно к одним и тем же интеграционным группировкам, но в разные периоды времени, может давать противоречивые результаты.

Проведенная в данном исследовании эмпирическая оценка проявления потокообразующего и потокоотклоняющего эффектов в

странах АСЕАН и ЕС в период с 1971 по 2013 гг. демонстрирует, что эффект создания торговли наблюдается для «новых» членов ЕС (ЕС-13) и отсутствует для стран АСЕАН (для обеих выделяемых подгрупп); а эффект отклонения торговли проявляется для «новых» членов Ассоциации (АСЕАН-4) и не наблюдается для Евросоюза (для обеих выделяемых подгрупп).

Преобладание эффекта отклонения торговли в рамках АСЕАН объясняется в первую очередь высоким уровнем таможенно-тарифных барьеров членов данного блока по отношению к товарам из третьих стран. В отношении товаров из стран-партнеров по интеграционному объединению импортные пошлины были существенно снижены, однако, наименее развитые члены Ассоциации еще не перешли к свободной торговле внутри блока.

Стоит отметить, что наиболее зависимы от товарных поставок внутри интеграционного объединения две наименее развитые страны-участницы АСЕАН (Лаос и Мьянма). При этом ни у одной из них доля партнеров по АСЕАН не превышает 50% товарооборота (в среднем за период с 2000 по 2013 гг.). В целом создание зоны свободной торговли в АСЕАН стимулировало рост внутренних товаропотоков, однако, третьи страны по-прежнему являются ведущими торговыми и инвестиционными партнерами Ассоциации.

В 2007 г. государства-члены Ассоциации приняли программу перехода к общему рынку – план создания Сообщества АСЕАН (состоящего из трех сообществ: политики и безопасности, экономического и социально-культурного) к 1 января 2016 года. Общий рынок представляет собой третью стадию международной экономической интеграции и предполагает свободное перемещение внутри блока не только товаров и услуг, но и капитала и рабочей силы, т.е. факторов производства.

Следующая стадия – экономический и валютный союз – пока не рассматривается в качестве цели развития интеграционных процессов в рамках АСЕАН. Однако среди исследователей и политиков данный вопрос

весьма популярен. Так, идея привязки национальных валют стран АСЕАН к какому-либо якорю (обычно к корзине валют) или даже введение общей валюты не раз обсуждались в научной среде. Состав корзины валют у различных авторов не совпадает, однако, все они сходятся во мнении, что согласованная политика в области установления валютных курсов будет способствовать большей стабильности в регионе и обеспечит, тем самым, дальнейший приток капитала извне. Реалистичный краткосрочный подход заключается в сокращении внутрирегиональной изменчивости национальных валютных курсов, которые в настоящее время характеризуются разнонаправленными трендами (часть региональных валют ревальвирует по отношению к валютам основных торговых партнеров АСЕАН, а часть – девальвирует).

Все страны АСЕАН являются экспортоориентированными и, как отмечалось выше, в экономической литературе существует мнение, что согласованная курсовая политика способствовала бы росту товарооборота региона и положила конец «валютным войнам» между участниками блока. Результаты проведенного в данной работе исследования позволяют сделать вывод о том, что наибольшее влияние на экспорт и импорт стран Юго-Восточной Азии оказывает корзина валют, состоящая из 13 валют стран АСЕАН+3.

Фиксация курсов валют стран АСЕАН к вышеуказанной корзине позволит снизить конкуренцию стран региона за рынки сбыта, стимулировать внутрирегиональную торговлю и ослабить политические противоречия. Такая форма скоординированной валютной политики предполагает создание валютной зоны. Чтобы обеспечить устойчивость создаваемой зоны, потенциальные страны-участницы должны соответствовать критериям теории ОВЗ. При этом оптимальность валютной зоны определяется ее способностью достичь одновременно внутреннего (полная занятость и низкая инфляция) и внешнего баланса (равновесие платежного баланса) наименее затратным путем.

Применяемая исследователями методика оценки стран-кандидатов на соответствие критериям теории оптимальных валютных зон

предполагает расчет показателей относительно страны-якоря. Такой подход порождает проблему чувствительности полученных результатов к выбору страны-якоря. Так, состав ОВЗ в АСЕАН с Индонезией в качестве страны-якоря отличается от случая с Сингапуром. Авторская модификация указанной методики позволяет обойти данную проблему.

Результаты применения модифицированного подхода к странам Юго-Восточной Азии позволяют сделать вывод о том, что создание валютной зоны в АСЕАН экономически целесообразно между Сингапуром, Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Брунеем и Таиландом. Остальные страны-члены данного интеграционного блока (Камбоджа, Лаос и Мьянма) пока не достигли высокой степени макроэкономической конвергенции с партнерами по Ассоциации и даже между собой. Поэтому для них существует необходимость в переходном периоде, в течение которого экономики указанных стран "подтянутся" к уровню более развитых членов АСЕАН.

Проблема существования стран «второго эшелона» характерна и для ЕС. Так, в рамках Европейского союза можно выделить ЕС-15 и ЕС-13 ("старые" и "новые" члены). Первая группа стран является более развитой, чем вторая (по уровню индекса человеческого развития). Существование двух подгрупп в рамках одного интеграционного объединения приводит к тому, что единая макроэкономическая политика ставит под вопрос устойчивость функционирования блока. Проблема соответствия критериям экономической конвергенции после вступления в валютный союз становится все острее.

Таким образом, целью дальнейшего исследования может стать поиск подходов к сохранению соответствия стран критериям теории оптимальных валютных зон в процессе функционирования зоны, а не только на момент ее создания. Решение данной проблемы важно не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абалкина А.А. Россия и интеграционные процессы в Восточной Азии // Россия и современный мир. 2008. № 4 (61). С. 161–172.
2. Абалкина А.А. Финансовая интеграция как средство защиты внутренних рынков: опыт Восточной Азии // Финансы и кредит. 2007. № 42. С. 68–74.
3. Анализ факторов динамики обменного курса рубля / П. Трунин, Д. Князев, Е. Кудюкина. Научные труды. № 144 Р. М.: Институт Гайдара, 2010. 68 с.
4. Андреев В.П. Интернационализация юаня: новые возможности // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 69–73.
5. Андреев В.П. Интернационализация юаня: предварительные итоги и перспективы // Деньги и кредит. 2011. № 5. С. 37–42.
6. Андрюшин С., Кузнецова В. Курсовая политика центральных банков стран с формирующимся рынком // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 21–34.
7. Аносова Л.А. Азиатско-европейские экономики: новые формы интеграции // Безопасность Евразии. 2004. № 2. С. 325–329.
8. Аносова Л.А. Внешнеэкономическая стратегия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономика и управление. 2008. № 5. С. 8–11.
9. Аносова Л.А. Вьетнам на пути Doi Moi – обновление // Экономика и управление. 2014. № 6. С. 4–9.
10. Аносова Л.А., Кабир Л.С. Экономическая интеграция в современном мире и экономический регионализм // Экономика и управление. 2014. № 3. С. 4–11.
11. Арапова Е.Я. Азиатская валютная единица: в поисках оптимальной структуры валютной корзины // МЭМО. 2015. № 1. С. 40–51.
12. Арапова Е.Я. Интеграция стран Восточноазиатского саммита и интересы США // МЭМО. 2012. № 5. С. 65–70.
13. Арапова Е.Я., Байков А.А. Региональные инициативы финансового сотрудничества в АТР // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3. С. 98–107.
14. Арунова Л.В. Этапы интеграции стран АСЕАН в единое экономическое сообщество // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. № 15. С. 90–105.
15. Арыстанбеков К. Экономическая политика Казахстана в условиях высокого уровня иностранных инвестиций // Вопросы экономики. 2004. № 8. С. 110–119.
16. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в Европейском Союзе / Доклады Института Европы / Учреждение Российской академии наук, Институт Европы РАН; № 256. М.: Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2010. 132 с.
17. Баласса Б. Внутриотраслевая специализация. С. 504–511 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева,

Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).

18. Байков А.А. Модели интеграционной экспансии в зарубежной Европе и Восточной Азии // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 57–74.

19. Бойцов В.В. Хозяйственное развитие стран Юго-Восточной Азии и проблема их дифференциации // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 15–27.

20. Борисов С.М. Валютно-финансовые проблемы евразийской интеграции. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 92 с.

21. Буторина О.В. Закономерности валютно-финансовой интеграции: мировой опыт и СНГ // Деньги и кредит. 2005. № 8. С. 42–50.

22. Буторина О.В. К проблеме асимметрии в валютно-финансовой системе еврозоны // Деньги и кредит. 2014. № 2. С. 59–64.

23. Буторина О.В. Международные валюты: интеграция и конкуренция. М.: Деловая литература, 2003. 368 с.

24. Валиуллин Х.Х. Ретроспективный анализ генезиса валютных зон // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 136–149.

25. Валютные войны: мифы и реальность: материалы круглого стола (Институт Европы РАН, 2 декабря 2010 г.) / под ред. А.А. Масленникова (отв. ред.) и др. / Доклады Института Европы / Учреждение Российской академии наук, Институт Европы РАН; № 266. М.: Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2011. 78 с.

26. Вардомский Л.Б. Россия в мировых процессах регионализации // Россия и современный мир. 2008. № 3 (60). С. 5–29.

27. Винер Я. Проблема таможенного союза. С. 696–705 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).

28. Винокуров Е.Ю., Курманалиева Э.С. Валютная политика в странах Таможенного союза: возможны ли валютные войны? // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 1 (10). С. 55–67.

29. Ву Ф., Пан Р., Ванг Д. Сможет ли юань стать мировой валютой? // ЭКО. 2010. № 12. С. 145–160.

30. Головнин М. Теоретические подходы к проведению денежно–кредитной политики в условиях финансовой глобализации // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 42–58.

31. Горюнова Н.П., Минакир П.А. Финансовые кризисы на развивающихся рынках. Институт экономических исследований ДВО РАН. М.: Наука, 2006. 215 с.

32. Госдолг еврозоны за 2012 г. достиг рекордных 90,6% ВВП // Ведомости. 22.04.2013. URL: http://www.vedomosti.ru/finance/news/2013/04/22/gosdolg_evrozony_za_2012_g_dostig_rekordnyh_906_vvp (дата обращения: 07.05.2013).
33. Гурвич Е.Т., Соколов В.Н., Улюкаев А.В. Анализ связи между курсовой политикой ЦБ и процентными ставками: непокрытый и покрытый паритет // Журнал НЭА. 2009. № 1–2. С. 104–126.
34. Гурова И.П. Измерение глобальной и региональной торговой интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3 (4). С. 60–72.
35. Гурова И.П. О теоретической модели торговой интеграции на пространстве СНГ // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 130–143.
36. Дёмина Я.В. Влияние валютной политики на внешнеторговые потоки Восточной Азии // Пространственная экономика. 2013. № 1. С. 136–143.
37. Дёмина Я.В. Критерии оптимальности валютной зоны: можно ли Европу и Азию измерить одной линейкой? // VIII Осенняя конференция молодых ученых в новосибирском Академгородке: актуальные вопросы экономики и социологии: Сборник тезисов докладов. Новосибирск: «Прайс–Курьер», 2012. С. 84–86. URL: <http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2012/VIIIosenKonf/SbornikTezisev.pdf>.
38. Дёмина Я.В. Определение равновесного курса валют стран Восточной Азии к доллару США // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVI краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 17–24 января 2014 г. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2014. С. 85–91.
39. Дёмина Я.В. Оптимальная валютная зона: выбор количественных критериев // Журнал НЭА. Приложение. Материалы Конференции молодых ученых, прошедшей в рамках Второго Российского экономического конгресса. Суздаль, 22 февраля 2013 г. Москва: Новая экономическая ассоциация, 2014. С. 126–133. <http://journal.econorus.org/pdf/sdmu.pdf>.
40. Дёмина Я.В. Оптимальные валютные зоны: проблема выбора количественных критериев // Вестник НГУ. Серия: Социально–экономические науки. 2013. Том 13, выпуск 4. С. 115–122.
41. Дёмина Я.В. Оценка торговых эффектов валютной политики стран Восточной Азии // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVI краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 17–24 января 2014 г. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2014. С. 37–41.
42. Дёмина Я.В. Платежные балансы стран Восточной Азии: влияние скоординированной валютной политики // Пространственная экономика. 2014. № 1. С. 138–152.
43. Дёмина Я.В. Торговые эффекты инвестиционной политики в наименее развитых странах АСЕАН // Исследования молодых учёных: экономическая

теория, социология, отраслевая и региональная экономика. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 179–183.

44. Дёмина Я.В. Финансовые рынки стран АСЕАН // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XVII краевого конкурса молодых ученых и аспирантов, Хабаровск, 15–23 января 2015 г. Хабаровск: Издательство Тихоокеанского государственного университета, 2015. С. 5–9.

45. Дробышевский С.М., Полевой Д.И. Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП, 2004. 110 с.

46. Киселева А.Ю. Анализ внешнеторговых предпосылок интеграции стран АСЕАН+3 в единую валютную зону и сравнение с ситуацией в ЕС // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 131–142.

47. Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина / Отв. ред. В.В. Михеев, В.Г. Швыдко М.: ИМЭМО РАН, 2013. 114 с.

48. Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.

49. Кнобель А.Ю., Миронов А.К. Оценка готовности стран СНГ к созданию валютного союза // Журнал НЭА. 2015. № 1 (25). С. 76–101.

50. Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Возможные экономические последствия торгового соглашения между Таможенным и Европейским союзами // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 68–87.

51. Колесов Д. Н., Сутырин С. Ф., Хованов Н. В. Использование стабильной агрегированной валюты для международных сравнений динамики ВВП // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2011. Сер. 5. Вып. 1. С. 79–91.

52. Кондратьева Н. Единый рынок ЕС: теория и практика // МЭМО. 2014. № 3. С. 74–87.

53. Костюнина Г.М. Интеграционные модели формирования Восточноазиатского сообщества // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5. С. 33–48.

54. Костюнина Г.М. Регионализация Восточной Азии: истоки и основные модели // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 34–42.

55. Костюнина Г.М. Современные концепции формирования зоны свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 6. С. 31–42.

56. Костюнина Г.М. Транстихоокеанское стратегическое партнерство: расстановка сил и роль в формировании региональной зоны свободной торговли в АТР // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4. С. 94–100.

57. Котляров Н.Н., Алексеев П.В. Оценка перспектив евразийской валютно-экономической интеграции // Деньги и кредит. 2014. № 6. С. 24–30.

58. Красавина Л.Н. Тенденции и перспективы развития международных валютных отношений в условиях глобализации и регионализации мировой

экономики и валютная политика России. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет), Институт финансово-экономических исследований, 2012. 163 с.

59. Красавина Л.Н. Валютная глобализация: тенденции и перспективы развития // Век глобализации. 2012. № 2. С. 120–132.

60. Красавина Л.Н. Мировой опыт регулирования интернационализации национальных валют и его значение для России // Деньги и кредит. 2012. № 9. С. 10–17.

61. Красавина Л.Н. Российский рубль как мировая валюта: стратегический вызов инновационного развития России // Деньги и кредит. 2008. № 5. С. 11–18.

62. Красавина Л.Н. Тенденции развития международных валютных отношений в условиях глобализации мировой экономики // Деньги и кредит. 2011. № 11. С. 13–21.

63. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты) / Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 204 с.

64. Кузнецова В.В. Процесс валютной интеграции в АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 6 (Июнь). С. 24–28.

65. Кузьмин А.Ю. Макроэкономическое равновесие и динамика валютного курса // Вестник Финансовой академии. 2010. № 5. С. 37–45.

66. Кучук В.В., Рензин О.М. Новые явления в институционализации АТР: проект общеазиатской валюты // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 36–44

67. Леженина Т.В. Стратегия организации и участия Китая в зонах свободной торговли в Восточной Азии (на примере сотрудничества с АСЕАН) // Информационно-аналитический бюллетень ЦПГИ ИЭ РАН. 2008. № 2. С. 112–122.

68. Либман А.М., Хейфец Б.А. Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2 (11). С. 4–18.

69. Линкевич Е.Ф. Формирование валютных зон: теоретические и практические аспекты // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 44. С. 45–51.

70. Лихачев А.Е., Спартак А.Н. Новые явления и процессы в сфере регионализации мирового хозяйства // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 5. С. 20–27.

71. Мазырин В. М. Актуальные проблемы экономического развития стран АСЕАН // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 59–72.

72. Максимова М. К вопросу об отечественной теории интеграции // МЭМО. 2007. № 6. С. 104–113.

73. Мезурнишвили И.У. Перспективы региональной валютно-финансовой интеграции в рамках АСЕАН+3 // Банковские услуги. 2010. № 6. С. 36–39

74. Мид Дж. Геометрия международной торговли. С. 349–363 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).
75. Мид Дж. Теория таможенных союзов. С. 706–717 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).
76. Минакир П.А., Горюнов А.П. Мировой экономический кризис: теоретические и прикладные аспекты // Вестник ДВО РАН. 2009. № 4. С. 130–146.
77. Михеев В.В. Интеграционное пространство Восточной Азии и Россия // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 27–45
78. Моисеев С. Макроанализ валютного курса: от Касселя до Обстфельда и Рогоффа // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 49–65.
79. Некипелов А., Голанд Ю. От замораживания к инвестированию: новые подходы к денежно–кредитной и валютной политике // Вопросы экономики. 2008. № 3. С. 47–55.
80. Некипелов А., Головин М. Стратегия и тактика денежно–кредитной политики в условиях мирового экономического кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 4–20.
81. Ноздрев С.В. Юань и иена в валютной архитектуре Азии // МЭМО. 2012. № 7. С. 41–50.
82. Ноздрев С.В. Современный этап и перспективы финансовой интеграции в Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2008. № 9. С. 36–48.
83. Носов М.Г. Европа и Азия: экономика, политика, безопасность / Доклады Института Европы / Учреждение Российской академии наук, Институт Европы РАН; № 265. М.: Институт Европы РАН: Русский сувенир, 2010. 144 с.
84. Носов М.Г. ЕС–АСЕАН: взаимовыгодность сотрудничества // Современная Европа. 2010. № 1 (41). С. 31–43.
85. Петроневич М., Кононов К. Золотовалютная подушка безопасности // Ведомости. 30.06.2015. № 3862. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/30/598574-zolotovalyutnaya-podushka-bezopasnosti> (01.07.2015).
86. Платонова И.Н. Ху Эпин Либерализация валютной политики Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12. С. 19–33.
87. Поливам А. Проблема заниженного курса юаня в торговых отношениях США и Китая // МЭМО. 2012. № 3. С. 20–28.
88. Потапов М. Состояние и перспективы экономического развития Восточной Азии // МЭМО. 2014. № 1. С. 42–52.

89. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов / отв. ред. акад. РАН Минакир П.А.; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
90. Самуэльсон П. Проблемы трансферта и транспортные издержки. С. 364–390 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).
91. Самуэльсон П. Цены факторов производства и товаров в состоянии общественного равновесия. С. 391–409 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).
92. Севастьянов С.В. Дуализм интеграционных проектов как определяющая черта формирующегося региона Восточной Азии и перспективы российского участия // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. № 2. С. 22–31.
93. Севастьянов С.В. Институты Азиатско-Тихоокеанского и восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 82–94.
94. Севастьянов С.В. Новые проекты Азиатско-Тихоокеанской интеграции // МЭМО. 2011. № 1. С. 48–54.
95. Севастьянов С.В. "Новый регионализм" и роль неправительственных акторов в формировании идентичности Восточной Азии // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 149–158.
96. Семеко Г. Дополнительные валюты: теория и практика // МЭМО. 2013. № 1. С. 57–64.
97. Серегина С., Ларионова М. Европейский долговой кризис и новые направления реформирования механизмов экономической политики ЕС // Российский экономический журнал. 2012. № 6. С. 68–94.
98. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
99. Система индикаторов евразийской интеграции ЕАБР 2009. Евразийский банк развития. Алматы, 2009. 160 с.
100. Смирнов С. Режимы валютного курса и стабильность экономики // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 29–43.
101. Смыслов Д.В. Международная валютная система: тенденции эволюции // Деньги и кредит. 2013. № 10. С. 46–58.

102. Смыслов Д.В. Реформирование мировой валютно-финансовой архитектуры: 1990–2000-е годы. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 123 с.
103. Соколов В. Региональная интеграция и внутриотраслевая торговля продукцией машиностроения // МЭМО. 2012. № 2. С. 38–49.
104. Сосунов К.А., Шумилов А.В. Оценивание равновесного реального обменного курса российского рубля // Экономический журнал ВШЭ. 2005. № 2. С. 216–229.
105. Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 155 с.
106. Стрельцов Д. Япония: курс на присоединение к Транстихоокеанскому партнерству // МЭМО. 2012. № 12. С. 70–77.
107. Суслов Д.В. Перспективы экономической интеграции в Восточной Азии / Долгосрочный прогноз социально-экономического развития мегарегионов (Тихоокеанская Россия – 2050): материалы международной научно-практической конференции (18–19 ноября, 2010 г.; г. Хабаровск): сборник статей / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск, 2011. 596 с. Деп. В ИНИОН РАН № 60994 от 28.07.2011.
108. Сухарев А.Н. Анализ макроэкономических последствий введения единой валюты в ЕврАзЭС // Деньги и кредит. 2014. № 9. С. 48–53.
109. Ткаченко И.Ю. Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 1. С. 3–14.
110. Трунин П.В., Ващелюк Н.В. Своп-линии между центральными банками как элемент современной мировой финансовой архитектуры // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 1. С. 51–69.
111. Усольцев В. Тихоокеанская Азия: экономическая интеграция и перспективы России // МЭМО. 2011. № 8. С. 67–75.
112. Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.
113. Федорова Е.А. Финансовая интеграция фондовых рынков стран БРИК: эконометрический анализ // Финансы и кредит. 2011. № 18. С. 24–29.
114. Финансовые проблемы США и их влияние на глобальные процессы в валютной сфере // МЭМО. 2011. № 7. С. 3–10.
115. Хаберлер Г. Некоторые теоретические проблемы международной торговли. С. 337–348 / Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика / под ред. А.П. Киреева, Государственный университет – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа», М.: ТЕИС, 2006. 720 с. (в пер.).

116. Хайек Ф.А. Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. 229 с.
117. Хуснитдинов П.З. Финансовая интеграция Европейского союза: подходы к определению // Финансы и кредит. 2010. № 15. С. 68–73.
118. Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 118 с.
119. Черкасов В., Шарова С. Кризис в Еврозоне: вызовы и ответы // МЭМО. 2013. № 9. С. 12–24.
120. Шишков Ю.В. Кризис еврозоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭС // МЭМО. 2012. № 6. С. 13–22.
121. Шишков Ю.В. «Невозможное триединство» в эпоху финансовой глобализации // МЭМО. 2012. № 5. С. 3–14.
122. Шишков Ю.В. Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее // МЭМО. 2006. № 4. С. 54–63.
123. Шишков Ю.В. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? // МЭМО. 2008. № 8. С. 3–20.
124. Шопина И.П. Выигрыши «больших» и «малых» стран от интеграции в рамках АСЕАН // Пространственная экономика. 2008. № 3. С. 86–95.
125. Экономическая интеграция: пространственный аспект / Общ. ред. П.А. Минакира. Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. 352 с.
126. Adjoute K. and Danthine J.-P. European Financial Integration and Equity Returns: A Theory Based Assessment. P. 186–245. // The Transformation of the European Financial System / ed. by V. Gaspar, Ph. Hartmann and O. Sleijpen. Second ECB Central Banking Conference. October 2002, Frankfurt, Germany. European Central Bank, May 2003. 336 p.
127. Agénor P.R. Benefits and Costs of International Financial Integration: Theory and Facts. Policy Research Working Paper 2699. The World Bank. World Bank Institute. October 2001. 62 p.
128. Aggarwal R. and Muckley C.B. Assessing Co-ordinated Asian Exchange Rate Regimes. University College Dublin. UCD Banking and Finance. Centre for Financial Markets Working Papers. WP-07-10. August 2007. 23 p.
129. Akiba H. Iida Y., Kitamura Y. The Optimal Exchange Rate Regime for a Small Country // International Economic Policy. 2009. No. 6. P. 315–343. DOI 10.1007/s10368-009-0140-5.
130. AMU and AMU Deviation Indicators. URL: <http://www.rieti.go.jp/users/amu/en/index.html> (дата обращения: 19.06.2015).
131. Anas T. and Atje R. Economic Surveillance and Policy Dialogue in East Asia: Making the ASEAN Surveillance Process a New. CSIS, 2005. 32 p.

132. Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2014. IMF. October 2014. 109 p.
133. Arestis P., Caporale G.M., Cipollini A. and Spagnolo N. Testing for Financial Contagion Between Developed and Emerging Markets During the 1997 East Asian Crisis // International Journal of Finance and Economics. 2005. No. 10. P. 359–367.
134. ASEAN Community 2015: Managing Integration for Better Jobs and Shared Prosperity. Bangkok, Thailand: International Labour Organization and Asian Development Bank, 2014. 158 p.
135. ASEAN Community in Figures – Special Edition 2014: A Closer Look at Trade Performance and Dependency, and Investment. Jakarta: ASEAN Secretariat, October 2014. 102 p.
136. ASEAN Statistics Database URL: <http://aseanstats.asean.org> (дата обращения: 20.06.2015).
137. Asia Bond Monitor. June 2014. Asian Development Bank. 53 p.
138. Asia Bond Monitor. September 2014. Asian Development Bank. 88 p.
139. Asia Regional Integration Center Databases. URL: <http://aric.adb.org> (дата обращения: 12.05.2015).
140. Asian Economic Integration Monitor – November 2014. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. 70 p.
141. Asian Economic Integration Monitor. Asian Development Bank. 2013. October. 63 p.
142. Asian Financial and Monetary Integration. Challenges and Prospects // Monetary Authority of Singapore. December 2007.
143. Association of Southeast Asian Nations Annual Report 2013–2014. Jakarta: ASEAN Secretariat, July 2014. 102 p.
144. Baele L., Ferrando A., Hördahl P., Krylova E. and Monnet C. Measuring financial integration in the euro area. ECB Occasional Paper No 14. April 2004. 98 p.
145. Balassa B. European Integration: Problems and Issues // American Economic Review. May 1963. P. 175–184.
146. Balassa B. Trade Creation and Trade Diversion in the European Common Market: An Appraisal of the Evidence. Manchester School of Economic and Social Studies. June 1974. Vol. 42, issue 2. P. 93–135.
147. Baldwin R. and Venables A.J. International Migration, Capital Mobility and Transitional Dynamics // *Economica*. 1994. No. 61. P. 285–300.
148. Bayoumi T. and Eichengreen B. Ever Closer to Heaven? An Optimum-Currency-Area Index for European Countries. University of California at Berkeley, Center for International and Development Economics Research (CIDER) Working Papers. No. C96-078 01. December 1996. 15 p.

149. Bayoumi T. and Eichengreen B. One Money or Many? Analysing the Prospects for Monetary Unification in Various Parts of the World. Princeton Studies in International Finance. No. 76. September 1994. 52 p.
150. Bayoumi T. and Mauro P. The Suitability of ASEAN for a Regional Currency Arrangement. IMF Working Paper. No. 162. December 1999. 24 p.
151. Belaisch A., Zanello A. Deepening Financial Ties // Finance and Development. 2006. Vol. 43. Number 2 (June).
152. Beltramello A., De Backer K., Moussiégt L. The Export Performance of Countries Within Global Value Chains (GVCs) / The Organization for Economic Co-operation and Development. OECD Science, Technology and Industry Working Paper. № 2012/2. 2012. 12 April. 47 p. DOI: 10.1787/5k9bh3gv6647-en.
153. Berkofsky A. EU and Asian Integration Processes Compared / Japan-EU Think Tank Roundtable “Next Steps in Global Governance” (13–14 January 2005, Tokyo). European Policy Centre. 18 p.
154. Bleaneya M. and Francisco M. Balance Sheet Effects and the Choice of Exchange Rate Regime in Developing Countries // The Journal of International Trade & Economic Development. June 2008. Vol. 17, No. 2. P. 297–310.
155. Boughton J.M. On the Origins of the Fleming–Mundell Model. IMF Staff Papers. 2003. Vol. 50, No. 1. P. 1–9.
156. Brunei Darussalam: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 99/19. April 1999. 78 p.
157. Business Times Singapore. 24.05.2004.
158. Calvi R. Assessing Financial Integration: A Comparison Between Europe and Asia. European Commission. Economic Papers No. 423. September 2010. 46 p.
159. Cambodia: Diversifying Beyond Garments and Tourism. Country Diagnostic Study. Economics and Research Department. November 2014. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. 175 p.
160. Cambodia: Statistical Annex. IMF Staff Country Report No. 99/33. April 1999. 40 p.
161. Capannelli G., Lee J.-W., Petri P. Developing Indicators for Regional Economic Integration and Cooperation. Asian Development Bank. Working Paper Series on Regional Economic Integration. 2009. № 33. September. 56 p. URL: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP33_Developing_Indicators_for_REI.pdf (дата обращения: 19.11.2013).
162. Castell M.R.F., Tamangan R.J., Conchada M.I.P., Galang E., Garde M.P.M. and Intal P.S. Toward Greater Financial Stability in the Asia Region: Exploring Steps to Create Regional Monetary Units (RMU). Angelo King Institute for Economic and Business Studies (AKI). February 2007. 92 p.
163. Cavoli T. and Rajan R. S. Managing in the Middle: Characterizing Singapore’s Exchange Rate Policy // Asian Economic Journal. 2007. Vol. 21, No. 3. P. 321–342.

164. Chaboud A.P. and Wright J.H. UIP: It Works, But Not for Long. Federal Reserve System. May 2003. 30 p.
165. Chai Hee-Yul and Yoon Deok Ryong The Connections between Financial and Monetary Cooperation in East Asia // Fostering Monetary and Financial Cooperation in East Asia / ed. by Duck-Koo Chung and B. Eichengreen. World Scientific Publishing Co. Ltd., 2009. P. 29–50.
166. Chia S.Y. and Plummer M.G. ASEAN Economic Cooperation and Integration: Progress, Challenges and Future Directions. Cambridge University Press, 2015. 195 p.
167. Chow H.-K., Kriz P.N., Mariano R.S. and Tan A.H.H. Toward Greater Financial Stability in the Asian Region: Measures for Possible Use of Regional Monetary Units for Surveillance and Transaction. Final Draft Prepared for the ASEAN+3 Secretariat. School of Economics and Social Sciences. Singapore Management University. February 2008. 52 p.
168. Chow H.-K., Kriz P.N., Mariano R.S. and Tan A.H.H. Regional Coordination of Policy Measures Forward: Financial Market Liberalization and Capital Market Development. Final Draft Prepared for the ASEAN+3 Secretariat. School of Economics and Social Sciences. Singapore Management University. March 7, 2006. 127 p.
169. Clark P., MacDonald R. Exchange Rate and Economic Fundamentals: A Methodology Comparison of BEERs and FEERs. International Monetary Fund. Working Paper. 98/67. 1998. 38 p. URL:<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp9867.pdf> (дата обращения: 19.12.2013).
170. Cline W.R., Williamson J. Estimates of the Equilibrium Exchange Rate of the Renminbi: Is There a Consensus and, If Not, Why Not? / Conference on China's Exchange Rate Policy. Peterson Institute For International Economics. 2007. October 12. 21 p.
171. Cockerham G.B. Regional Integration in ASEAN: Institutional Design and the ASEAN Way // East Asia. 2010. No. 27. P. 165–185.
172. Cremona M., Kleimann D., Larik J., Lee R. and Vennesson P. ASEAN's External Agreements: Law, Practice and the Quest for Collective Action. Cambridge University Press, 2015. 511 p.
173. De Backer K., Yamano N. International Comparative Evidence on Global Value Chains / The Organization for Economic Co-operation and Development. OECD Science, Technology and Industry Working Paper. № 2012/3. 2012. 23 April. 31 p. DOI: 10.1787/5k9bb2vcwv5j-en.
174. De Boyrie M.E. Structural Changes, Causality and Foreign Direct Investments: Evidence from the Asian Crisis of 1997 // Global Economy Journal. 2009. Vol. 9, issue 4. P. 1–38.

175. De Sola P.M. and Van Nieuwenhuyze Ch. Financial Integration and Fragmentation in the Euro Area // *Economic Review*. National Bank of Belgium. June 2014. P. 99–126.
176. Dent Ch. *East Asia's Regionalism*. London; N.Y., 2008. P. 165.
177. Devereux M.B., Engel C. Monetary Policy in the Open Economy Revisited: Price Setting and Exchange Rate Flexibility. NBER Working Paper. No. 7665. April 2000. 45 p.
178. Dieter H. Monetary and Financial Cooperation in Asia. Motives, Sequencing and Political Obstacles. GARNET Working Paper. № 16/07. 2007. April. 48 p. URL: http://www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/working_papers/1607.pdf (дата обращения: 09.12.2013).
179. Edison H.J., Levine R., Ricci L. and Slok T. International Financial Integration and Economic Growth // *Journal of International Money and Finance*. 2002. № 21. P. 749–776.
180. Eichengreen B. The Parallel Currency Approach to Asian Monetary Integration // *American Economic Review*. 2006. Vol. 96. May. Issue 2. 13 p.
181. Eichengreen B., Rose A. 27 Up: The Implications for China of Abandoning its Dollar Peg. University of California, Berkeley. Department of Economics. 2010. June. 15 p. URL: http://emlab.berkeley.edu/~eichengr/27_up_6-22-10.pdf (дата обращения: 29.11.2013).
182. Emerson M.D. et al. *One Market, One Money: An Evaluation of the Potential Benefits and Costs of Forming an Economic and Monetary Union*. N.Y., 1992. 354 p.
183. Estrada G., Park Donghyun, Park Innwon, and Park Soonchan ASEAN's Free Trade Agreements with the People's Republic of China, Japan, and the Republic of Korea: A Qualitative and Quantitative Analysis. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 75. March 2011. 40 p.
184. Estrada Ruiz M.A. The Global Dimension of the Regional Integration Model (GDRI-Model) // *Modern Economy*. 2013. No. 4. P. 346–369.
185. Eurostat Database URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 10.05.2015).
186. Fabella P.V. The East Asian Model and the Currency Crisis: Credit Policy and Mundell–Fleming Flows // *The Manchester School*. Special Issue. 1999. Vol. 67, No.5. P. 475–495.
187. Fabella R. Monetary Cooperation in East Asia: A Survey. Asia Development Bank. ERD Working Paper Series. No. 13. May 2002. 63 p.
188. Fama E.F. Forward and Spot Exchange Rates. *Journal of Monetary Economics*. 1984. No. 14. P. 319–338.
189. Financial Integration in East Asia: An Empirical Investigation / Hyun-Hoon L., Hyeon-Seung H., Donghyun P. // ADB Economics Working Paper Series. 2011. No. 259.

190. Financial Integration in Europe. ECB. April 2014. 162 p.
191. Fischer S. Exchange Rate Regimes: Is the Bipolar View Correct? // Finance & Development. June 2001. Vol. 38, No. 2. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2001/06/fischer.htm> (дата обращения: 30.04.2012).
192. Fleming J. M. On Exchange Rate Unification // Economic Journal. 1971. № 81. P. 467–488.
193. Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed and under Floating Exchange Rates. IMF Staff Papers. November 1962. Vol. 9, No. 3. P. 369–379.
194. Frankel J.A. and Rose A.K. The Endogeneity of the Optimum Currency Area Criteria. NBER Working Paper 5700. August 1996. 35 p.
195. Frankel J.A. Contractionary Currency Crashes in Developing Countries. NBER Working Paper No. 11508. June 2005. 61 p.
196. Frankel J.A., Rose A.K. Estimating the Effect of Currency Unions on Trade and Output // NBER Working Paper Website. 2000. № 7857. URL: <http://www.nber.org/papers/w7857.pdf> (дата обращения: 12.09.2009).
197. Friedman M. The case for flexible exchange rates // Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
198. Ghosh A.R. and Ostry J.D. Choosing an Exchange Rate Regime // Finance & Development. December 2009. Vol. 46, No. 4. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2009/12/ghosh.htm>(дата обращения: 09.12.2012).
199. Girardin E. A De Facto Asian–Currency Unit Bloc in East Asia: It Has Been There but We Did Not Look for It. ADBI Working Paper Series. No. 262. January 2011. 27 p.
200. Gladys S. Financial Integration in Emerging Asian Economies// 2012 International Conference on Economics, Business Innovation. IPEDR vol. 3. Singapore: IACSIT Press, 2012.
201. Global Financial Integration: Thirty Years On. From Reform to Crisis / ed. by G.R.D. Underhill, J. Blom and D. Mügge. Cambridge University Press, 2010. 354 p.
202. Globalizing the Regional, Regionalizing the Global. Volume 35. Review of International Studies / ed. by R.Fawn. Cambridge University Press, 2009. 261 p.
203. Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program: Regional Investment Framework. Pipeline of Potential Projects (2013–2022). Vientiane, Lao People’s Democratic Republic, 10–11 December 2013. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. 102 p.
204. Haberler G. The International Monetary System: Some recent Developments and Discussions. Approaches to Greater Flexibility in Exchange Rates / edited by G. Halm. Princeton University Press, 1970. P. 115–123.

205. Hale G. Could We Have Learned from the Asian Financial Crisis of 1997–98? // FRBSF Economic Letter. 2011–06. February, 28. 2011. P. 1–5.
206. Hali J. Edison et al. International Financial Integration and Economic Growth. NBER Working Paper Series. No. 9164. September 2002. 40 p.
207. Hernandez L. and Montiel P.J. Post-Crisis Exchange Rate Policy in Five Asian Countries: Filling in the 'Hollow Middle'? March 13, 2001 / Paper prepared for the High Level Seminar 'Exchange Rate Regimes: Hard Peg or Free Floating', organized by the IMF Institute, held in Washington DC, March 19–20, 2001. 50 p.
208. Hill H. and Menon J. ASEAN Economic Integration: Features, Fulfillments, Failures and the Future. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 69. December 2010. 44 p.
209. Hissler S. Do Interest Rates Help to Predict Exchange rates? // Trésor – Economics. 2007. No. 15. June. P. 1–8.
210. Ho N.W. Financial Integration: Concepts and Impacts // Macao Monetary Research Bulletin. 2009. No. 10. P. 69–84.
211. Hong Bum Jang. Financial Integration and Cooperation in East Asia: Assessment of Recent Developments and Their Implications // Institute for Monetary and Economic Studies. Bank of Japan. IMES Discussion Paper Series. 2011-E-5. February 2011. 96 p.
212. Honohan P. and Lane P.R. Pegging to the Dollar and the Euro // International Finance. 1999. Vol. 2 (3). P. 379–410.
213. Hori M. and Wong Yu Ching Efficiency Costs of Myanmar's Multiple Exchange Rate Regime. IMF Working Paper. WP/08/199. August 2008. 32 p.
214. Hovanov N.V., Kolari J.W., Sokolov M.V. Synthetic Money // International Review of Economics and Finance. 2007. № 16. p. 161–168.
215. Human Development Report 2014. Sustaining Human Progress: Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. United Nations Development Programme. 2014. 239 p. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr14-report-en-1.pdf> (дата обращения: 12.05.2015).
216. Imada P. Production and Trade Effects of ASEAN Free Trade Area // The Developing Economies. 1993. № 1. March. p.5.
217. Inama S. and Sim E.W. The Foundation of the ASEAN Economic Community: An Institutional and Legal Profile. Cambridge University Press, 2015. 560 p.
218. Ingram J. Comment: The Currency Area Problem // Monetary Problems of the International Economy. University of Chicago Press, 1962. P. 95–100.
219. International Monetary Fund Database URL: <http://www.imf.org/data> (дата обращения: 11.04.2015).
220. International Trade Center Database URL: <http://www.intracen.org> (дата обращения: 22.06.2015).

221. International trade database. Eurostat. URL:http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/international_trade/data/database (дата обращения: 27.04.2015).
222. Ishiyama Y. The Theory of Optimum Currency Areas: A Survey // IMF Staff Papers. 1975. № 42 (2). P. 344–383.
223. Ito T., Koibuchi S., Sato K., Shimizu J. Determinants of Currency Invoicing in Japanese Exports: A firm-level analysis // RIETI. Discussion Paper Series 10-E-034. 2010. June. URL: <http://www.rieti.go.jp/en/> (дата обращения: 11.12.2012).
224. Joint Statement of the 1st ASEAN Finance Ministers' and Central Bank Governors' Meeting (AFMGM). Kuala Lumpur, Malaysia, 21 March 2015. Theme: Our People, Our Community, Our Vision. URL: <http://www.asean.org/news/asean-statement-communicues/item/joint-statement-of-the-1st-asean-finance-ministers-and-central-bank-governors-meeting-afmgm-kuala-lumpur-malaysia-21-march-2015-theme-our-people-our-community-our-vision> (дата обращения: 12.06.2015).
225. Kawai M. The Role of an Asian Currency Unit for Asian Monetary Integration. Asian Development Bank Institute. October 2008. 29 p.
226. Kawasaki K. Are the “ASEAN Plus Three” Countries Coming Closer to an OCA? / RIETI Discussion Paper Series. 12-E-032. 2012. May. 31 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/12e032.pdf> (дата обращения: 15.12.2013).
227. Kenen P.B. The Theory of Optimum Currency Areas: An Eclectic View // Monetary Problems in the International Economy. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 41–60.
228. Kenen P.B. and Meade E.E. Regional Monetary Integration. Cambridge University Press, 2007. 230 p.
229. Krugman P. Currency Regimes, Capital Flows and Crises // IMF Economic Review. 2014. Vol. 62. No. 4. P. 470–493. doi:10.1057/imfer.2014.9.
230. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. N. 3. P. 483–499.
231. Kuijper P.J., Mathis J.H. and Morris-Sharma N.Y. From Treaty-Making to Treaty-Breaking. Models for ASEAN External Trade Agreements. Cambridge University Press, 2015. 244 p.
232. Lane P.R. and Shambaugh J.C. The Long or Short of It: Determinants of Foreign Currency Exposure in External Balance Sheets. NBER Working Paper No. 14909. April 2009. 44 p.
233. Lao People's Democratic Republic: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 98/77. August 1998. 69 p.
234. Lee Jong-Wha and Shin Kwanho. Does Regionalism Lead to More Global Trade Integration in East Asia? October 2005. MPRA Paper No. 706. 40 p.
235. Levine R. Financial Development and Economic Growth: Views and Agenda // Journal of Economic Literature. 1997. No. 35. P. 688–726.

236. Levy-Yeyati E. and Sturzenegger F. Classifying Exchange Rate Regimes: Deeds Vs. Words // *European Economic Review*. August 2005. Vol. 49, Issue 6. P. 1603–1635.
237. Levy-Yeyati E., Sturzenegger F. and Reggio I. On the Endogeneity of Exchange Rate Regimes // *European Economic Review*. July 2010. Vol. 54, Issue 5. P. 659–677.
238. Madhur S. Costs And Benefits of a Common Currency for ASEAN. Asia Development Bank. ERD Working Paper No. 12. May 2002. 24 p.
239. Majone G. Rethinking the Union of Europe Post-Crisis. Has Integration Gone Too Far? Cambridge University Press, 2014. 370 p.
240. Major L., Vital V., Castell M., Latoja M. and Intal P. Review, Assessment, and Comparison of Economic Surveillance and Policy Dialogue Systems. Report on “Economic Surveillance and Policy Dialogue in East Asia” for the ASEAN Secretariat. The De La Salle University, Manila, Philippines. June 2005. 67 p.
241. Making Money Work: Financing a Sustainable Future in Asia and the Pacific. Overview. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2015. 26 p.
242. Masron T.A. and Yusop Z. Optimum Currency Area Criteria and Volatility in ASEAN // *Asian Academy of Management Journal of Accounting and Finance*. 2006. Vol. 2, No. 2. P. 1–17.
243. Mattli W. The Logic of Regional Integration: Europe and Beyond. Cambridge University Press, 1999. 205 p.
244. McKinnon R. Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1963. № 53. P. 717–725.
245. McKinnon R. Optimum Currency Areas and Key Currencies: Mundell I versus Mundell II // *Journal of Common Market Studies*. 2004. Vol. 42, No. 4. P. 689–715.
246. McKinnon R. Optimum Currency Areas and the European Experience. Conference Paper. CNEM–LBS. 16 October 2001. 20 p.
247. Meeting the Challenges in an Era of Globalization by Strengthening Regional Development Cooperation. U.N. Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. N.Y., 2004. P. 104.
248. Mintz N. Monetary Union and Economic Integration // *The Bulletin*, New York University. April 1970.
249. Monetary and Financial Integration in East Asia: The Way Ahead: Vol. 2 (Monetary and Financial Integration in East Asia). / ADB. 2013.
250. Mongelli F.P. European Economic and Monetary Integration and the Optimum Currency Area Theory. ECB. Economic Papers. No. 302. February 2008. 61 p.
251. Mongelli F.P. 'New' Views on the Optimum Currency Area Theory: What Is EMU Telling Us? European Central Bank Working Paper No. 138. April 2002. 53 p.
252. Moon Woosik and Rhee Yeongseop Financial Integration and Exchange Rate Coordination in East Asia. // *Fostering Monetary and Financial Cooperation in East*

- Asia / ed. by Duck–Koo Chung and B. Eichengreen. World Scientific Publishing Co. Ltd., 2009. Chapter 4. P. 51–72.
253. Moon Woosik, Rhee Yeongseop and Yoon Deokryong Regional Currency Unit in Asia : Property and Perspective. Korea Institute for International Economic Policy. October 2006. 30 p.
254. Moreno R. Pegging and Stabilization Policy in Developing Countries // FRBSF Economic Review. 2001. P. 17–28.
255. Mundell R. A Theory of Optimum Currency Areas // American Economic Review. 1961. № 51. P. 657–665.
256. Mundell R.A. Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rate // Canadian Journal of Economics. November 1963. No. 29. P. 475–485. DOI: 10.2307/139336.
257. Mussa M. Political and Institutional Commitment to a Common Currency // American Economic Review. 1997. № 87. P. 217–221.
258. Musyoki D., Pokhariyal G.P., Pundo M. Real Exchange Rate Equilibrium and Misalignment in Kenya // Journal of Business Studies Quarterly. 2012. Vol. 3. № 4. P. 24–42.
259. Myanmar: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Report No. 99/134. November 1999. 82 p.
260. Myanmar: Unlocking the Potential. Country Diagnostic Study. Economics and Research Department. August 2014. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. 234 p.
261. Nesvetailova A. Asian Tigers, Russian Bear and International Vets? An Excursion in the 1997–98 Financial Crises // Competition and Change. 2002. Vol. 6 (3). P. 251–267.
262. New Dimensions in Regional Integration / ed. by J. De Melo and A. Panagariya. Cambridge University Press, 1993. 473 p.
263. Nguyen Tran Phuc and Nguyen Duc–Tho. Exchange Rate Policy in Vietnam, 1985–2008 // ASEAN Economic Bulletin. 2009. Vol. 26, No. 2. P. 137–63. DOI: 10.1355/ae26-2a.
264. Nguyen Tran Phuc, Nguyen Duc–Tho, Jen Je Su and Tarlok Singh. Shifts in Exchange Rate Regimes and Inflation Persistence in Vietnam, 1992–2010 // Journal of Southeast Asian Economies. 2014. Vol. 31, No. 2. P. 256–75.
265. Niehans J. Monetary and Fiscal Policies in Open Economies under Fixed Exchange Rates: An Optimizing Approach // Journal of Political Economy. 1986. P. 893–920.
266. Obstfeld M. and Rogoff K. The Mirage of Fixed Exchange Rates. NBER Working Paper No. 5191. July 1995. 45 p.
267. Obstfeld M. International Macroeconomics: Beyond the Mundell–Fleming Model. International Monetary Fund. Staff Papers. 2001. Vol. 47. Special Issue. 39 p.

268. Ogawa E., Shimizu J. Progress toward a Common Currency Basket System in East Asia / RIETI Discussion Paper Series. 07–E–002. 2006. November, 6. 24 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/07e002.pdf> (дата обращения: 27.12.2013).
269. Okonjo–Iweala N., Kwakwa V., Beckwith A. and Ahmed Z. Impact of Asia's Financial Crisis on Cambodia and the Lao PDR // Finance & Development. September 1999. Vol. 36, No. 3. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/1999/09/okonjo.htm> (дата обращения: 27.10.2013).
270. Ong Keng Yong Towards ASEAN Financial Integration. Remarks by Secretary–General of ASEAN at the Economix 2004 Conference, University of Indonesia, Jakarta, 18 February 2004. URL: <http://www.asean.org/resources/2012-02-10-08-47-56/speeches-statements-of-the-former-secretaries-general-of-asean/item/towards-asean-financial-integration> (дата обращения: 17.04.2013).
271. Opportunities and Obstacles for Enhanced Economic Cooperation. Report on East Asian Integration / ed. by H. Dieter. Notre Europe. Studies and Research No. 47. January 2006. 149 p.
272. Osada M. and Saito M. Financial Integration and Economic Growth: An Empirical Analysis Using International Panel Data from 1974–2007. Bank of Japan Working Paper Series. No. 10-E-5. April 2010. 25 p.
273. Ostry J. D., Ghosh A. R. and Chamon M. Two Targets, Two Instruments: Monetary and Exchange Rate Policies in Emerging Market Economies. IMF Staff Discussion Note. SDN/12/01. February 29, 2012. 25 p.
274. Paiva C. External Adjustment and Equilibrium Exchange Rate in Brazil / International Monetary Fund. Working Paper. WP/06/221. 2006. October. 23 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2006/wp06221.pdf> (дата обращения: 23.12.2013).
275. Panagariya A. Preferential Trade Liberalization: The Traditional Theory and New Developments // Journal of Economic Literature. June 2000. Vol. 38. P. 287–331.
276. Park Cyn-Young and Lee Jong-Wha. Financial Integration in Emerging Asia: Challenges and Prospects. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 79. May 2011. 48 p.
277. Park Yung Chul and Wyplosz Ch. Monetary and Financial Integration in East Asia: The Relevance of European Experience. European Commission. Economic Papers No. 329. September 2008. 148 p.
278. Patnaik I., Shah A., Sethy A., Balasubramaniam V. The Exchange Rate Regime in Asia: From Crisis To Crisis // International Review of Economics and Finance. 2011. No. 20. P. 32–43.

279. Plummer M.G. The ASEAN Economic Community and the European Experience. Asian Development Bank Working Paper Series on Regional Economic Integration. No. 1. July 2006. 17 p.
280. Policy Issues in the Operation of Currency Unions / ed. by P.R. Masson and M.P. Taylor. Cambridge University Press, 1993. 310 p.
281. Pongsaparn R. and Unteroberdoerster O. Financial Integration and Rebalancing in Asia. IMF Working Paper. No. 243. October 2011. 32 p.
282. Pontines V. How Useful Is an Asian Currency Unit (ACU) Index for Surveillance in East Asia? / Asian Development Bank Institute. ADBI Working Paper Series. № 413. 2013. March. 31 p. URL: <http://www.adbi.org/files/2013.03.27.wp413.acu.index.surveillance.east.asia.pdf> (дата обращения: 28.12.2013).
283. Progress Report on Establishing a Regional Settlement Intermediary And Next Steps Implementing Central Securities Depository–Real–Time Gross Settlement Linkages in ASEAN+3. Cross–Border Settlement Infrastructure Forum. May 2015. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2015. 31 p.
284. Puchala D.J. Of Blind Men, Elephants and International Integration // Journal of Common Market Studies. September 1971. Vol. 10, issue 3. P. 267–284.
285. Ra H.-R. Modeling the Dollarization: A Case Study for Cambodia, Laos and Vietnam // Global Economic Review. June 2008. Vol. 37, No. 2. P. 157–169.
286. Ramkishen S. Rajan. Exchange Rates, Currency Crisis and Monetary Cooperation in Asia. New York: Palgrave MacMillan, 2009. 263 p.
287. Regional Coordination of Policy Measures Forward: Financial Market Liberalization and Capital Market Development. Research Papers and Policy Recommendations Commissioned by ASEAN Secretariat. Institute for International Monetary Affairs. March 2006. 102 p.
288. Regional Financial Integration in East Asia: Challenges and Prospects / Economic Commission for Latin America and the Caribbean and Department of Economic and Social Affairs United Nations Seminar on Regional Financial Arrangements N.Y., 14–15 July 2004.
289. Report on East Asian Integration. Opportunities and Obstacles for Enhanced Economic Cooperation / ed. by H. Dieter. Notre Europe. Studies and Research. No. 47. January 2006. 149 p.
290. Ricci L.A. A Model of an Optimum Currency Area. IMF Working Paper. No. 76. June 1997. 41 p.
291. RMB now 2nd most used currency in trade finance, overtaking the euro. 3 December 2013. SWIFT News. URL: http://www.swift.com/about_swift/shownews?param_dcr=news.data/en/swift_com/2013/PR_RMB_nov.xml (дата обращения: 27.06.2015).

292. RMB ranks #1 in Asia Pacific for payments with Greater China. 27 May 2015. SWIFT News. URL: http://www.swift.com/about_swift/shownews?param_dcr=news.data/en/swift_com/2015/PR_RMB_May15.xml(дата обращения: 27.06.2015).
293. Roadmap for an ASEAN Community 2009–2015. Jakarta: ASEAN Secretariat, April 2009. 128 p.
294. Rose A.K. Do Currency Unions Increase Trade? A “Gravity” Approach // FRBSF Economic Letter / Federal Reserve Bank of San Francisco. 2000. February 4. URL: <http://www.frbsf.org/economic-research/publications/economic-letter/2000/february/do-currency-unions-increase-trade-a-gravity-approach/> (дата обращения: 08.06.2012).
295. Rossella C. Assessing financial integration: a comparison between Europe and East Asia // European Commission. Economic Papers. Brussels Directorate-General for Economic and Financial Affairs. No 423. September. 2010.
296. Rozman G. Northeast Asia’s Stunted Regionalism: Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge University Press, 2004. 401 p.
297. Sapir A. European Integration at the Crossroads: A Review Essay on the 50th Anniversary of Bela Balassa's Theory of Economic Integration // Journal of Economic Literature. 2011. vol. 49, issue 4. P. 1200–1229.
298. Sarantis N. The Mundell–Fleming Model with Perfect Capital Mobility and Oligopolistic Pricing // Journal of Post Keynesian Economics. Fall 1986. Vol. 9, No. 1. P. 138–148.
299. Sarno L. and Taylor M.P. The Economics of Exchange Rates. Cambridge University Press, 2003. 318 p.
300. Sato K., Shimizu J., Shrestha N., Zhang Zh. New Estimates of the Equilibrium Exchange Rate: The Case for the Chinese Renminbi / RIETI Discussion Paper Series. 10-E-045. 2010. September. 25 p. URL: <http://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/10e045.pdf> (дата обращения: 19.12.2013).
301. Schoenmaker D. The Financial Trilemma // Economic Letters. 2011. Vol. 111. P. 57–59.
302. Sheng A. From Asian to Global Financial Crisis: An Asian Regulator’s View of Unfettered Finance in the 1990s and 2000s. Cambridge University Press, 2009. 489 p.
303. Shirono K. Yen Block or Yuan Block: An Analysis of Current Arrangements in East Asia. IMF Working Paper. January 2009. International Monetary Fund. Washington. 34 p.
304. Shu Chang, He Dong and Cheng Xiaoqiang One Currency, Two Markets: the Renminbi’s Growing Influence in Asia-Pacific. Monetary and Economic Department. BIS Working Papers. No 446. April 2014. 32 p.
305. South Asia Subregional Economic Cooperation: Trade Facilitation Strategic Framework 2014–2018. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2014. 26 p.

306. Stavarek D., Repkova I. and Gajdosova K. Theory of Financial Integration and Achievements in the European Union. MPRA Paper No. 34393. 15 July 2011. 31 p.
307. Stiglitz J. E. Risk and Global Economic Architecture: Why Full Financial Integration May Be Undesirable. NBER Working Paper Series. No. 15718. February 2010. 12 p.
308. Strategic Global Outlook: 2030 / Ed. by Alexander A. Dynkin. M., IMEMO RAN, 2011. 56 p.
309. Taguchi H. Currency Regime and Monetary Autonomy. Empirical Evidence Using Recent and Global Data from 1990 to 2007 // International Economic Journal. September 2011. Vol. 25, No. 3. P. 341–358.
310. Taguchi H. Feasibility of Currency Unions in Asia: An Assessment Using Generalized Purchasing Power Parity. Policy Research Institute, Ministry of Finance, Japan. Public Policy Review. Vol.6. No.5. June 2010. P. 859–872.
311. Takahashi W. Financial Cooperation in East Asia: Its Future Directions // Research Institute for Economics and Business Administration. Kobe University, Japan. November. 2011. 9 p.
312. Tavlas G.S. The 'New' Theory of Optimum Currency Areas // The World Economy. November 1993. Vol. 16, issue 6. P. 663–685.
313. The ASEAN Charter. Jakarta: ASEAN Secretariat, January 2008. 54 p.
314. The Asian Bond Fund Initiatives and Reform through Learning by Doing. East Asian Bureau of Economic Research. Newsletter. December 2007. P. 1.
315. The Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves Dataset. URL: <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4> (дата обращения: 17.06.2015).
316. The Joint Statement of the 15th ASEAN+3 Finance Ministers and Central Bank Governors' Meeting. May 3, 2012, Manila, the Philippines. 4 p.
317. The Joint Statement of the 17th ASEAN+3 Finance Ministers and Central Bank Governors' Meeting. 3 May 2014, Astana, Kazakhstan. P. 2.
318. The Road to ASEAN Financial Integration: A Combined Study on Assessing the Financial Landscape and Formulating Milestones for Monetary and Financial Integration in ASEAN. Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, 2013. 34 p.
319. Thorbecke W. Investigating the Effect of Exchange Rate Changes on the People's Republic of China's Processed Exports // ADBI. Working Paper Series. 202. 2010. March.
320. Thorbecke W. The Effect of Exchange Rate Changes on Trade in East Asia / Asian Development Bank Institute. ADBI Working Paper Series. № 263. 2011. January. 21 p. URL: <http://www.adbi.org/files/2011.01.21.wp263.effect.exchange.rate.changes.trade.east.asia.pdf> (дата обращения: 30.12.2013).

321. Trade Cooperation: The Purpose, Design and Effects of Preferential Trade Agreements. World Trade Forum / ed. by A. Dür and M. Elsig. Cambridge University Press, 2015. 598 p.
322. Triennial Central Bank Survey. Global Foreign Exchange Market Turnover in 2013. Bank for International Settlements. February 2014. 79 p.
323. UN COMTRADE Database URL: <http://un.comtrade.org> (дата обращения: 21.06.2015).
324. UNCTAD Statistics Database URL: <http://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: 11.06.2015).
325. Urata Sh. Globalization and Regional Economic Integration in East Asia // Regional Integration in East Asia: Theoretical and Historical Perspectives / ed. by Amako et al. United Nations University Press, 2013. P. 131–166.
326. Vietnam and Cambodia's Dollar Aversion // Euromoney. 00142433. April 2011. Vol. 41, Issue 504.
327. Vietnam: Statistical Appendix. IMF Staff Country Report No. 99/56. July 1999. 39 p.
328. Volz U. ASEAN Financial Integration in the Light of Recent European Experiences. ASEC-DIE-CoC Workshop on Financial and Macroeconomic Cooperation and Integration in ASEAN against the Background of the European Crisis. 19 March 2013. Jakarta. 28 p.
329. Volz U. Prospects for Monetary Cooperation and Integration in East Asia. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. 338 p.
330. Walkenhorst P. Indicators to Monitor Regional Trade Integration in Africa. World Bank. Africa Trade Practice Working Paper Series. Number 1. 2013. September. 30 p. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/2013/09/18327985/indicators-monitor-regional-trade-integration-africa> (дата обращения: 05.01.2014).
331. Williamson J. A Currency Basket for East Asia, Not Just China / Institute for International Economics. PB 05-1. 2005. August. 13 p.
332. Wilson P. Prospects for Asian Exchange Rate Cooperation: Why an ERM Solution Might Be the Most Palatable // Journal of the Asia Pacific Economy. February 2006. Vol. 11 (1). P. 1–34.
333. Wong Hock Tsen. The Real Exchange Rate Determination: Empirical Evidence from Malaysia // The Singapore Economic Review. 2014. Vol. 59, No. 2. 19 p. DOI: 10.1142/S0217590814500167.
334. World Bank Statistics Database URL: <http://data.worldbank.org> (дата обращения: 20.05.2015).
335. World Development Indicators Database. URL: <http://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 27.06.2015).

336. Wu C., Chen C. and He Y. The Performance of East Asia Economies and Financial Markets since the 1997 Financial Crisis // Review of Pacific Basin Financial Markets and Policies. 2003. Vol. 6, No. 2. P. 113–140.
337. Yam J. Reflections on Financial and Monetary Developments in Asia. P. 223–231. East Asian Visions: Perspectives on Economic Development / ed. by I. Gill, Y. Huang, and H. Kharas. The World Bank and The Institute of Policy Studies, 2006. 249 p.
338. Yu Hsing. Analysis of Short-term Exchange Rate Movements in Korea: Application of an Extended Mundell–Fleming Model // Global Economic Review. June 2006. Vol. 35, No. 2. P. 145–151.
339. Zhang Zh., Shi N., Zhang X. China's New Exchange Rate Regime, Optimal Basket Currency and Currency Diversification. Bank of Finland. Institute for Economies in Transition. BOFIT Discussion Papers № 19/2011. 2011. 30 p.
340. Zhao Xiaodan and Kim Yoonbai. Financial Integration in East Asia: Evidence from Stock Prices. Institute for Monetary and Economic Research. The Bank of Korea. Working Paper No. 403. October 2009. 41 p.
341. Zheng G., Guo L., Jiang X., Zhang X., Wang Sh. The Impact of RMB's Appreciation on China's Trade // Asia–Pacific Journal of Accounting & Economics. 2006. № 13. P. 35–50.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1 – Базисные темпы роста номинальных курсов валют стран АСЕАН по отношению к китайскому юаню и японской иене, 2001–2014 гг., база – 2000 г.

Год	Валюта									
	BND	KHR	IDR	LAK	MYR	MMK	PHP	SGD	THB	VND
	по отношению к юаню									
2001	1,04	1,02	1,22	1,14	1,00	1,33	1,15	1,04	1,11	1,04
2002	1,04	1,02	1,11	1,28	1,00	1,55	1,17	1,04	1,07	1,08
2003	1,01	1,03	1,02	1,34	1,00	2,22	1,23	1,01	1,03	1,09
2004	0,98	1,05	1,06	1,34	1,00	2,52	1,27	0,98	1,00	1,11
2005	0,98	1,08	1,16	1,36	1,01	2,97	1,26	0,98	1,01	1,13
2006	0,96	1,11	1,13	1,34	1,00	3,60	1,21	0,96	0,98	1,17
2007	0,95	1,15	1,18	1,32	0,98	3,97	1,14	0,95	0,94	1,24
2008	0,98	1,26	1,37	1,32	1,05	3,84	1,19	0,98	0,99	1,37
2009	1,02	1,31	1,50	1,31	1,12	3,55	1,31	1,02	1,04	1,46
2010	0,97	1,33	1,32	1,28	1,04	3,34	1,25	0,97	0,97	1,61
2011	0,93	1,35	1,33	1,30	1,03	2,92	1,26	0,93	0,97	1,85
2012	0,95	1,38	1,46	1,33	1,07	3,20	1,25	0,95	1,02	1,93
2013	0,97	1,40	1,66	1,33	1,11	3,54	1,28	0,97	1,02	1,98
2014	0,99	1,42	1,89	1,37	1,16	3,78	1,35	0,99	1,09	2,02
	по отношению к иене									
2001	0,92	0,90	1,08	1,01	0,89	1,17	1,02	0,92	0,98	0,92
2002	0,89	0,88	0,95	1,10	0,86	1,33	1,00	0,89	0,92	0,93
2003	0,94	0,96	0,95	1,25	0,93	2,06	1,14	0,94	0,96	1,02
2004	0,98	1,04	1,06	1,34	1,00	2,51	1,26	0,98	1,00	1,11
2005	0,94	1,04	1,13	1,32	0,97	2,87	1,22	0,94	0,98	1,09
2006	0,85	0,99	1,01	1,19	0,89	3,21	1,08	0,85	0,88	1,05
2007	0,80	0,97	0,99	1,11	0,83	3,34	0,96	0,80	0,79	1,04
2008	0,86	1,10	1,20	1,16	0,92	3,36	1,05	0,86	0,87	1,20
2009	0,97	1,24	1,42	1,24	1,07	3,38	1,24	0,97	0,98	1,39
2010	0,97	1,34	1,33	1,29	1,04	3,36	1,25	0,97	0,97	1,61
2011	0,99	1,43	1,41	1,37	1,09	3,08	1,32	0,99	1,03	1,95
2012	0,98	1,42	1,51	1,37	1,10	3,30	1,29	0,98	1,05	1,99
2013	0,80	1,16	1,37	1,10	0,92	2,93	1,06	0,80	0,85	1,64
2014	0,75	1,07	1,43	1,04	0,88	2,85	1,02	0,75	0,82	1,52

Примечание: IDR – индонезийская рупия, MYR – малайский ринггит, PHP – филиппинское песо, THB – тайский бат, BND – брунейский доллар, KHR – камбоджийский риель, LAK – лаосский кип, MMK – мьянманский кьят, SGD – сингапурский доллар и VND – вьетнамский донг.

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

Таблица 2 – Базисные темпы роста номинальных курсов валют стран АСЕАН по отношению к корейской воне, 2001–2014 гг., база – 2000 г.

Год	Валюта									
	BND	KHR	IDR	LAK	MYR	MMK	PHP	SGD	THB	VND
2001	0,91	0,89	1,07	0,99	0,88	1,16	1,01	0,91	0,97	0,91
2002	0,94	0,92	1,00	1,15	0,90	1,40	1,06	0,94	0,97	0,97
2003	0,96	0,98	0,97	1,27	0,95	2,10	1,16	0,96	0,98	1,04
2004	0,97	1,03	1,05	1,33	0,99	2,49	1,25	0,97	0,99	1,10
2005	1,07	1,18	1,27	1,49	1,10	3,24	1,38	1,07	1,11	1,24
2006	1,09	1,27	1,29	1,53	1,14	4,11	1,38	1,09	1,12	1,34
2007	1,06	1,29	1,32	1,48	1,10	4,44	1,27	1,06	1,05	1,38
2008	0,84	1,08	1,18	1,14	0,90	3,31	1,03	0,84	0,85	1,18
2009	0,75	0,95	1,09	0,96	0,82	2,60	0,96	0,75	0,76	1,07
2010	0,77	1,07	1,06	1,02	0,83	2,68	1,00	0,77	0,77	1,29
2011	0,74	1,08	1,06	1,04	0,82	2,33	1,00	0,74	0,78	1,48
2012	0,73	1,05	1,12	1,02	0,82	2,45	0,96	0,73	0,78	1,48
2013	0,75	1,08	1,28	1,03	0,86	2,74	0,99	0,75	0,79	1,53
2014	0,79	1,13	1,51	1,10	0,92	3,01	1,08	0,79	0,87	1,61

Примечание: IDR – индонезийская рупия, MYR – малайский рингит, PHP – филиппинское песо, THB – тайский бат, BND – брунейский доллар, KHR – камбоджийский риель, LAK – лаосский кип, MMK – мьянманский кьят, SGD – сингапурский доллар и VND – вьетнамский донг.

Источник: рассчитано по данным UNCTAD Statistics Database.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1 – Доля двусторонней торговли, асимметричность реальных и денежных шоков, 1999–2013 гг.

Страна	Страна-якорь									
	BN	KH	ID	LA	MY	MN	PH	SG	TH	VN
	<i>доля двусторонней торговли, %</i>									
Бруней	-	0,00	6,16	0,00	4,64	0,01	0,19	9,77	3,55	1,29
Камбоджа	0,00	-	1,44	0,03	1,73	0,00	0,12	5,27	6,82	5,94
Индонезия	0,19	0,04	-	0,00	2,54	0,05	0,56	5,37	1,85	0,51
Лаос	0,00	0,05	0,25	-	0,35	0,00	0,01	0,74	45,47	8,87
Малайзия	0,27	0,08	5,18	0,01	-	0,25	2,57	21,63	8,55	2,25
Мьянма	0,00	0,00	1,36	0,00	1,85	-	0,08	4,06	14,38	0,41
Филиппины	0,01	0,01	1,27	0,00	3,23	0,01	-	5,28	3,34	0,85
Сингапур	0,63	0,26	20,71	0,02	23,93	0,62	4,64	-	8,39	4,66
Таиланд	0,16	0,74	3,26	0,85	6,50	1,50	2,02	5,77	-	2,06
Вьетнам	0,17	0,61	2,58	0,49	5,09	0,13	1,53	9,54	6,14	-
	<i>асимметричность денежных шоков</i>									
Бруней	-	0,00	0,08	0,02	0,09	0,02	0,06	0,07	0,08	0,04
Камбоджа	0,00	-	0,08	0,02	0,09	0,03	0,06	0,07	0,09	0,05
Индонезия	0,08	0,08	-	0,06	0,01	0,06	0,02	0,02	0,00	0,04
Лаос	0,02	0,02	0,06	-	0,07	0,00	0,04	0,05	0,07	0,02
Малайзия	0,09	0,09	0,01	0,07	-	0,07	0,03	0,03	0,01	0,05
Мьянма	0,02	0,03	0,06	0,00	0,07	-	0,03	0,04	0,06	0,02
Филиппины	0,06	0,06	0,02	0,04	0,03	0,03	-	0,01	0,03	0,01
Сингапур	0,07	0,07	0,02	0,05	0,03	0,04	0,01	-	0,02	0,02
Таиланд	0,08	0,09	0,00	0,07	0,01	0,06	0,03	0,02	-	0,04
Вьетнам	0,04	0,05	0,04	0,02	0,05	0,02	0,01	0,02	0,04	-
	<i>асимметричность реальных шоков</i>									
Бруней	-	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,00	0,02	0,00	0,00
Камбоджа	0,01	-	0,02	0,02	0,00	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01
Индонезия	0,01	0,02	-	0,01	0,01	0,01	0,00	0,03	0,01	0,00
Лаос	0,01	0,02	0,01	-	0,02	0,02	0,01	0,03	0,02	0,01
Малайзия	0,01	0,00	0,01	0,02	-	0,00	0,01	0,02	0,00	0,01
Мьянма	0,01	0,00	0,01	0,02	0,00	-	0,01	0,02	0,00	0,01
Филиппины	0,00	0,01	0,00	0,01	0,01	0,01	-	0,02	0,01	0,00
Сингапур	0,02	0,01	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	-	0,02	0,03
Таиланд	0,00	0,01	0,01	0,02	0,00	0,00	0,01	0,02	-	0,01
Вьетнам	0,00	0,01	0,00	0,01	0,01	0,01	0,00	0,03	0,01	-

Примечание: BN – Бруней, KH – Камбоджа, ID – Индонезия, LA – Лаос, MY – Малайзия, MN – Мьянма, PH – Филиппины, SG – Сингапур, TH – Таиланд и VN – Вьетнам.

Источник: расчеты автора.

Таблица 2 – Волатильность цен и двусторонних номинальных обменных курсов, 1999–2013 гг.

Страна	Страна-якорь									
	BN	KH	ID	LA	MY	MN	PH	SG	TH	VN
	<i>волатильность цен</i>									
Бруней	-	0,55	0,58	0,69	0,47	0,00	0,77	0,33	0,16	0,55
Камбоджа	0,55	-	0,02	1,24	0,07	0,55	0,22	0,88	0,38	0,00
Индонезия	0,35	0,20	-	1,04	0,13	0,35	0,42	0,68	0,18	0,20
Лаос	0,69	1,24	1,30	-	1,17	0,69	1,46	0,36	0,86	1,24
Малайзия	0,47	0,07	0,07	1,17	-	0,47	0,30	0,80	0,31	0,08
Мьянма	0,00	0,55	0,59	0,69	0,47	-	0,77	0,33	0,17	0,55
Филиппины	0,77	0,22	0,25	1,46	0,30	0,77	-	1,10	0,61	0,22
Сингапур	0,33	0,88	0,92	0,36	0,80	0,33	1,10	-	0,49	0,88
Таиланд	0,16	0,38	0,43	0,86	0,31	0,17	0,61	0,49	-	0,39
Вьетнам	0,55	0,00	0,03	1,24	0,08	0,55	0,22	0,88	0,39	-
	<i>волатильность двусторонних номинальных обменных курсов</i>									
Бруней	-	0,03	0,11	0,05	0,02	0,15	0,05	0,00	0,03	0,05
Камбоджа	0,03	-	0,11	0,07	0,03	0,15	0,07	0,03	0,05	0,04
Индонезия	0,08	0,09	-	0,10	0,08	0,18	0,08	0,08	0,06	0,11
Лаос	0,05	0,07	0,29	-	0,07	0,13	0,05	0,05	0,06	0,08
Малайзия	0,02	0,03	0,10	0,07	-	0,15	0,06	0,02	0,04	0,06
Мьянма	0,15	0,15	0,20	0,13	0,15	-	0,15	0,15	0,16	0,18
Филиппины	0,05	0,07	0,10	0,05	0,06	0,15	-	0,05	0,04	0,08
Сингапур	0,00	0,03	0,11	0,05	0,02	0,15	0,05	-	0,03	0,05
Таиланд	0,03	0,05	0,07	0,06	0,04	0,16	0,04	0,03	-	0,07
Вьетнам	0,05	0,04	0,13	0,08	0,06	0,18	0,08	0,05	0,07	-

Примечание: BN – Бруней, KH – Камбоджа, ID – Индонезия, LA – Лаос, MY – Малайзия, MN – Мьянма, PH – Филиппины, SG – Сингапур, TH – Таиланд и VN – Вьетнам.

Источник: расчеты автора.